

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Джозефина
Тэй

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ДОЧЬ ВРЕМЕНИ
ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

«ИНОСТРАНКА»

Джозефина Тэй
Исчезновение. Дочь времени. Поющие
пески

© Ж. Я. Грушанская (наследник), перевод, 2023

© А. В. Санин, перевод, 2023

© Ю. В. Смирнов (наследник), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Иностранка®

* * *

Исчезновение

Глава первая

Поставив ногу на первую ступеньку лестницы, Грант остановился и прислушался к крикам, доносившимся с верхнего этажа. Крики сопровождались непрерывным глухим гулом, похожим на тот, что издает разбушевавшаяся стихия, например лесной пожар или вышедшая из берегов река. Ноги Гранта отказывались нести его наверх, и он сделал из этого неизбежный вывод: вечеринка удалась.

Он пришел сюда не ради вечеринки. Литературные сборища, даже самые солидные, с хересом, были не во вкусе Гранта. Он пришел сюда забрать Марту Халлард, чтобы повести ее обедать. Обычно, правда, полицейские не водят обедать ведущих актрис, выступающих в Хаймаркете и «Олдвике», даже если этот полицейский – инспектор уголовного розыска из Скотленд-Ярда. Столь привилегированное положение Гранта объяснялось тремя причинами, и он знал их – все три. Во-первых, он был весьма видным мужчиной, во-вторых, мог себе позволить обед у Лорана, и в-третьих, Марте Халлард было не так-то легко заполучить кавалера. Она занимала заметное место в театральной среде, была необыкновенно элегантна, но мужчины боялись ее. Поэтому, когда Грант, тогда еще сержант уголовного розыска, в связи с делом об украденных драгоценностях появился в жизни Марты, она проследила, чтобы потом он уже не исчезал. И Грант с радостью остался. Если он был полезен Марте в качестве кавалера, когда ей требовался таковой, она была еще более полезна ему в качестве окна в мир. Чем больше окон в мир имеет полицейский, тем, естественно, лучше он может выполнять свою работу, и Марта как бы служила прорезью для глаз в капюшоне прокаженного, через которую Грант мог заглянуть в театральный мир.

Шум успешно протекавшей вечеринки выплескивался через открытые двери на лестничную площадку. Грант остановился и окинул взглядом орущих людей, плотно, как сельдь в банке,

набившихся в длинную, убранную в георгианском стиле комнату. Как бы ему выудить оттуда Марту?

Сразу за дверьми, явно ошарашенный тем, что перед ним оказалась сплошная стена говорящих и пьющих представителей человечества, стоял молодой человек. Вид у него был совершенно потерянный. Шляпу свою он все еще держал в руках, значит только что пришел.

– Затруднения? – спросил Грант, поймав его взгляд.

– Я забыл свой мегафон, – ответил молодой человек.

Он произнес это, слегка растягивая слова и не утруждая себя попыткой перекричать общий шум. Однако благодаря высокому тембру голос молодого человека оказалось легче расслышать, чем если бы он орал. Грант, уже с одобрением, снова взглянул на него.

«Очень красивый молодой человек, – присмотревшись, отметил Грант. – Слишком светловолос для настоящего англичанина. Может быть, норвежец?»

Или американец. Что-то заокеанское было в том, как он произнес «забыл».

За окном уже начал синеть ранний весенний вечер и зажглись фонари. Сквозь туман сигаретного дыма в дальнем конце комнаты Грант смог разглядеть Марту, слушающую Таллиса, драматурга. Он рассказывал ей о своих персонажах так, словно это были члены королевской семьи. Гранту не нужно было слышать Таллиса, он и так знал, что тот говорит о своих персонажах. Таллис всегда говорил только об этом. Таллис мог, не задумываясь, сказать, что сотворил второй состав труппы с его «Ужином для троих» в первый день Пасхи в Блэкпуле в 1938 году. Марта перестала даже делать вид, будто слушает. Уголки ее рта были опущены. Грант подумал, что она безусловно заслужила орден Британской империи и звание DBE^[1]. Однако это должно произойти в самое ближайшее время, иначе Марте, увы, придется делать пластическую операцию. Он решил оставаться там, где стоял, пока не удастся поймать ее взгляд. Они

оба были высокого роста и могли переглядываться поверх голов остальной толпы.

По укоренившейся профессиональной привычке полицейского Грант обежал глазами разделявших их людей, но ничего интересного не обнаружил. Обычное собрание. Весьма процветающая издательская фирма «Росс и Кромарти» отмечала выход в свет двадцать первой книги Лавинии Фитч, а поскольку фирма процветала в большой степени благодаря Лавинии, то и напитков было много, и гости были солидные. Солидные – в смысле хорошо одетые и с громкими именами, так сказать. Публику, которая завоевала положение в обществе лишь недавно, не приглашали отмечать рождение «Любовника Морин» и пить шерри господ Росса и Кромарти. Даже Марта, несомненно кавалер ордена Британской империи в ближайшем будущем, была здесь только потому, что в деревне жила по соседству с Лавинией. А Марта, благослови Господь ее черно-белую элегантность и недовольный вид, скорее, чем кто-либо другой в этой комнате, могла претендовать на принадлежность к высшему классу. Так что, вероятно, этот незнакомый ему молодой человек помимо своей миловидности обладал еще чем-то. Интересно, как он зарабатывает себе на жизнь? Актер? Но актер не будет в полном недоумении стоять с краю. И что-то просквозило в его замечании о мегафоне и в отстраненности, с которой он наблюдал происходящее и которая как бы отделяла его от толпившихся вокруг людей. Возможно ли, подумал Грант, чтобы такие скулы пропадали в брокерской конторе? Или это мягкий свет дорогих ламп господ Росса и Кромарти очертил так красиво прямой нос и прямые светлые волосы, а при дневном свете молодой человек выглядел бы менее привлекательным?

– Вы мне не скажете, – вдруг обратился он к Гранту, по-прежнему не повышая голоса, – кто здесь мисс Лавиния Фитч?

Лавиния, маленькая женщина с желтоватой кожей, стояла у среднего окна. Она купила себе для этого случая модную шляпку, но ничего не сделала, чтобы приспособить ее к своей голове, и шляпка

торчала на ее взлохмаченных рыжих волосах, похожих на воронье гнездо. Казалось, будто шляпка упала на них откуда-то сверху, из окна, когда хозяйка шла по улице. На лице у Лавинии Фитч было обычное выражение радостного изумления – и никакой косметики.

Грант показал на нее молодому человеку.

– Вы впервые в Лондоне? – спросил он, заимствуя фразу из добропорядочных вестернов. Вежливая форма «мисс Лавиния Фитч» могла родиться только в США.

– Вообще-то, я ищу племянника мисс Фитч. Я смотрел в телефонном справочнике, но там его нет, вот я и надеялся, что увижу его здесь. Вы, случайно, не знакомы с ним, мистер...

– Грант.

– Мистер Грант?

– Я знаю его в лицо. Здесь его нет. Вы ведь имеете в виду Уолтера Уитмора?

– Да. Уитмор. Я его совсем не знаю, но мне очень хотелось бы увидеться с ним, потому что у нас есть – я хочу сказать, был – общий друг. Мне казалось, он придет сюда. Вы совершенно уверены, что его здесь нет? Народу-то тут много.

– В этой комнате его нет. Уверен, потому что Уитмор такого же высокого роста, как я. Но он может быть где-нибудь поблизости. Послушайте, вам стоит подойти к мисс Фитч. Мы, наверное, сможем пробиться сквозь баррикады, если проявим решимость.

– Тогда тараньте, а я постараюсь проскользнуть, – заявил молодой человек, имея в виду разницу их весовых категорий. – Это очень мило с вашей стороны, мистер Грант, – добавил он, когда они вынырнули где-то на полпути – вдохнуть воздуха и оказались притиснуты друг к другу живой изгородью из чужих локтей и плеч. Потом он рассмеялся, увидев беспомощность Гранта. А Грант неожиданно смутился. Так смутился, что тут же повернулся и стал проталкиваться сквозь человеческие джунгли к просвету у среднего окна, где стояла Лавиния Фитч.

– Мисс Фитч, – произнес Грант, – здесь молодой человек очень хочет поговорить с вами. Он пытается найти вашего племянника.

– Уолтера? – спросила Лавиния, и ее заостренное личико потеряло туманное выражение безотносительного благорасположения ко всем вообще и приобрело реальную заинтересованность.

– Меня зовут Сирл, мисс Фитч. Я приехал из Штатов в отпуск, и мне хотелось повидать Уолтера, потому что Куни Уиггин был и моим другом тоже.

– Куни! Вы друг Куни? О дорогой, Уолтер будет в восторге, просто в восторге. О, какой приятный сюрприз посреди всего этого... Я хочу сказать, все так неожиданно. Уолтер обрадуется. Вы говорите – Сирл?

– Да. Лесли Сирл. Я не нашел Уолтера в справочнике.

– Да, в городе у него только pied-à-terre^[2]. Он живет в Сэлкотт-Сент-Мэри, как и все мы. Знаете, там у него ферма. Ферма, о которой он делает радиопередачи. Вообще-то, это моя ферма, но он занимается ею и рассказывает о ней по радио, и... У него сегодня передача во второй половине дня, поэтому он и не пришел на вечеринку. Вы должны приехать к нам и погостить. Приезжайте на этот уик-энд. Поедемте сегодня вечером вместе с нами!

– Но вы же не знаете, а вдруг Уолтер...

– Вы ведь не приглашены куда-нибудь на этот уик-энд?

– Нет, нет. Но...

– Вот и хорошо. Уолтер будет возвращаться из студии, а вы можете поехать с Лиз и со мной в нашей машине. Вот Уолтер удивится! Лиз! Лиз, дорогая моя, где ты? Где вы остановились, мистер Сирл?

– В «Уэстморленде».

– Что может быть удобнее! Лиз! Где же Лиз?

– Я здесь, тетя Лавиния.

– Лиз, дорогая, это Лесли Сирл. Он едет к нам на уик-энд. Ему хочется встретиться с Уолтером, потому что оба они были друзьями

Куни. А сегодня пятница, и мы все едем в Сэлкотт-Сент-Мэри, чтобы прийти в себя от... чтобы пожить славно, спокойно, мирно, так что ничего не может быть удобнее. Поэтому, Лиз, дорогая, отвези его в «Уэстморленд», помоги ему уложить вещи, и возвращайтесь за мной, ладно? К тому времени эта... вечеринка наверняка закончится, вы сможете забрать меня, и мы поедem вместе в Сэлкотт. То-то удивится Уолтер!

Грант заметил, что молодой человек с интересом взглянул на Лиз Гарроуби, и слегка призадумался. Лиз была простенькой девушкой небольшого роста, со смугловатым лицом. Правда, у нее были замечательные глаза, ярко-голубые, цвета вероники, совершенно удивительные, и такое лицо, что всякому мужчине захотелось бы пройти по жизни с женщиной, у которой такое лицо. Она была славной девушкой, Лиз. Но не той особой, на которую молодые люди немедленно обращают внимание. Может быть, до Сирла просто дошли слухи о ее помолвке, и он смотрел на нее, потому что это невеста Уолтера Уитмора.

Грант потерял интерес к семейству Фитч, как только заметил, что Марта увидела его. Он показал глазами, что встретит ее у дверей, и снова нырнул в удушливые волны человеческого моря. Марта, из них двоих обладавшая более безжалостным характером, преодолела дистанцию до двери вдвое быстрее и ждала Гранта у входа.

– Кто этот красивый молодой человек? – спросила она, оглянувшись, когда они продвигались к лестнице.

– Он ищет Уолтера Уитмора. Говорит, что он друг Куни Уиггина.

– «Говорит»? – повторила Марта с оттенком язвительности, направленной не на молодого человека, а на Гранта.

– Осторожность полицейского, – сказал Грант извиняющимся тоном.

– А кто такой Куни Уиггин?

– Куни был одним из известнейших фоторепортеров в Штатах. Его убили, когда он снимал очередную драку на Балканах год или два

назад.

– Все-то вы знаете.

У Гранта на кончике языка вертелось: «Это знают все, кроме актрис», но ему нравилась Марта. Вместо этого он сказал:

– Я понял так, что он отправляется в Сэлкотт на уик-энд.

– Красивый молодой человек? Ну-ну. Надеюсь, Лавиния понимает, что делает.

– А что плохого в том, что он там будет?

– Не знаю, но мне кажется, они рискуют собственной удачей.

– Удачей?

– Все получилось так, как им хотелось, не правда ли? Уолтер спасся от Маргерит Мэрриам и собирается осесть, женившись на Лиз. Вся семья вместе в старой усадьбе – сплошная идиллия, не передать словами. Не время приводить в дом бесподобно красивых молодых людей, сдается мне.

– Потрясающих, – пробормотал Грант, еще раз задумавшись над тем, что так смутило его в облике Сирла. Вряд ли просто красивое лицо. Смазливой внешностью полицейского не удивить.

– Держу пари, Эмма только взглянет на него – и выставит из дома в понедельник утром, сразу после завтрака, – заявила Марта. – Ее любимица Лиз выходит замуж за Уолтера, и Эмма сделает все, чтобы этому ничто не помешало.

– Лиз Гарроуби не произвела на меня особого впечатления. Не понимаю, чего миссис Гарроуби беспокоиться.

– И не поймете. Этот юноша произвел впечатление на меня за какие-то тридцать секунд на расстоянии в двадцать ярдов, а меня считают практически непробиваемой. Кроме того, я никогда не поверю, что Лиз и правда влюбилась в это бревно. Просто она хотела подлечить его разбитое сердце.

– А оно было здорово разбито?

– Встряска была изрядная, должна сказать. Как и следовало ожидать.

– Вы когда-нибудь играли на сцене с Маргерит Мэрриам?

– О да, много раз. Мы вместе довольно долго играли в «Прогулке в темноте». Вон идет такси.

– *Такси!* Как вы относились к ней?

– К Маргерит? Она, без сомнения, была сумасшедшая.

– Как – «сумасшедшая»?

– На все сто.

– В каком смысле?

– Вы имеете в виду, как это проявлялось? О, полное безразличие ко всему, кроме того, чего ей хотелось в данный момент.

– Это не сумасшествие. Это просто криминальный способ мышления в своем самом чистом проявлении.

– Ну, вам виднее, дорогой. Может быть, она была преступницей *manqué*^[3]. Но что несомненно, так это то, что она была сумасшедшей, как старатель-одиночка. Даже Уолтеру Уитмору я не пожелала бы страшной судьбы оказаться ее мужем.

– За что вы терпеть не можете любимца британской публики?

– Дорогой, я не переношу, как он *тоскует*. Это было достаточно скверно, когда он тосковал среди чабреца на склонах Эгейских холмов, а пули свистели у него над ухом. Я всегда подозревала, что он делал это, щелкая бичом...

– Марта, вы потрясаете меня.

– Нисколько, дорогой, нисколько. Вы знаете это не хуже меня. Когда в нас – во всех! – стреляли, Уолтер позаботился о том, чтобы иметь возможность спрятаться в славной комнатке в пятидесяти футах под землей. А каждый раз, чуть только опасность миновала, Уолтер вылезал из своего маленького убежища и усаживался на поросший чабрецом склон холма – с микрофоном и бичом, с помощью которого он изображал, как свистят пули.

– Боюсь, вскоре мне придется взять вас на поруки.

– За убийство?

– Нет, за клевету.

– И за это надо брать на поруки? Я думала, что это совершенно джентльменский поступок, за который в худшем случае могут лишь

вызвать в суд.

Грант подумал о том, как все же неподражаемо невежество Марты.

– Хотя это могло быть и убийство, – произнесла Марта тем воркующе-задумчивым голосом, который принес ей сценическую известность. – Пожалуй, я бы могла вынести чабрец и пули, но теперь, когда он взялся девяносто девять лет рассуждать о весенних всходах, дятлах и всем таком прочем, он вырастает до размеров общественной угрозы.

– Зачем вы его слушаете?

– Ну, в этом есть что-то отвратительно-притягательное. Человек думает: ладно, это уже предел безобразия, хуже не может быть ничего. А на следующей неделе слушает и видит, что может быть хуже. Так что на следующей неделе уже слушаешь, может ли быть еще хуже. Это ловушка. Настолько мерзко, что невозможно выключить. С нетерпением ждешь очередной порции безобразия, и еще следующей. И когда он объявляет о конце передачи, все еще слушаешь.

– Марта, а это не может быть просто профессиональной ревностью?

– Вы считаете, что этот тип – *профессионал*? – переспросила Марта, понизив тон на квинту, так что ее голос затрепетал и в нем отразились и накопленный за долгие годы репертуар, и зубрежка местных говоров, и воскресные поезда, и отчаянно скучная аудитория в холодных, темных театральных залах.

– Нет, я считаю, что он просто актер. Актер природный, бессознательный, который превратил себя в притчу во языцах, не прикладывая к этому особых усилий. Я могу понять, что вам это не нравится. А что восхищало в нем Маргерит?

– Это я вам объясню. Его преданность. Маргерит нравилось обрывать крылышки у мух. Уолтер позволял рвать себя на части, уходил, но потом снова возвращался, чтобы повторить все сначала.

– Но как-то раз не вернулся.

– Да.

- Из-за чего произошла последняя ссора, вы не знаете?
- Не думаю, чтобы такая ссора была. Скорее, он просто сказал ей, что с него хватит. По крайней мере, так он объяснил на следствии. Кстати, вы читали некрологи?
- Наверное, в свое время читал. Сейчас не помню.
- Проживи Маргерит еще десять лет, она удостоилась бы только нескольких маленьких заметок на последних страницах. А так ей расточали комплименты бóльшие, чем Дузе^[4]: «Пламя гения угасло, и мир стал беднее», «У нее была легкость сорвавшегося листка и грациозность ивы, качающейся на ветру». Такие вот перлы. Удивлялись, что в газетах не было черных рамок. Скорбь практически приняла национальные масштабы.
- Грандиозная разница между всем этим и Лиз Гарроуби.
- Милая, славная Лиз. Если Маргерит Мэрриам была слишком плоха даже для Уолтера Уитмора, Лиз слишком хороша для него. Уж слишком хороша. Я была бы счастлива, если бы этот красивый молодой человек увел ее у него из-под носа.
- Почему-то я не могу представить себе вашего «красивого молодого человека» в роли супруга, а вот Уолтер будет прекрасным мужем.
- Дорогой мой, Уолтер будет делать об этом передачи. Об их детях, о полках, которые он приладил в буфетной, и как развиваются выпуклости маленькой женщины, и какие узоры мороз нарисовал на окнах детской. Ей было бы гораздо безопаснее с... как вы сказали, его зовут?
- Сирл. Лесли Сирл. – Грант рассеянно следил за тем, как приближается бледно-желтая неоновая вывеска Лорана. – Мне почему-то не кажется, что безопасность – это определение, приложимое к Сирлу, – протянул он задумчиво. И с этой минуты забыл думать о Лесли Сирле и не вспоминал о нем, пока в один прекрасный день не получил приказа отправиться в Сэлкотт-Сент-Мэри искать его тело.

Глава вторая

– Дневной свет! – воскликнула Лиз, выходя из подъезда. – Добрый чистый дневной свет! – Она с удовольствием втянула носом вечерний воздух. – Машина на площади за углом. Вы хорошо знаете Лондон, мистер... мистер Сирл?

– Я бывал в Англии частенько, во время отпусков. Но в такое раннее время года – не приходилось.

– Вы вообще не видели Англии, если не видели ее весной.

– Так говорят.

– Вы летели через Ла-Манш? Самолетом?

– Прямо из Парижа – как истый американец. Париж весной тоже великолепен.

– Так говорят. – Лиз повторила и его фразу, и его тон. А потом, будто испугавшись взгляда, который он бросил на нее, добавила: – Вы журналист? Поэтому вы и были знакомы с Куни Уиггином?

– Нет. Я занимаюсь тем же, что делал Куни.

– Фотографии для газет?

– Не для газет. Просто фотография. Бóльшую часть зимы я провожу на Побережье, снимая разных людей.

– На Побережье?

– В Калифорнии. Это помогает поддерживать добрые отношения с управляющим моим банком. А вторую половину года я путешествую и фотографирую то, что мне хочется фотографировать.

– Звучит соблазнительно, – проговорила Лиз, открывая машину и забираясь в нее.

– Весьма неплохая жизнь.

Машина была двухместным «роллс-ройсом», маленьким старомодным «роллсом», каким и полагается быть этим никогда не меняющимся машинам. Что и попыталась объяснить Лиз, когда они выехали с площади и влились в вечерний поток машин.

– Первое, что сделала тетя Лавиния, когда заработала деньги, – купила себе соболий палантин. Она всегда считала, что соболий палантин – обязательный предмет в гардеробе. А второе, чего ей захотелось, – это «роллс». Она купила его, когда вышла следующая книга. Палантин она ни разу не надела, потому что, как она говорит, это сплошное мучение, когда что-то все время болтается у тебя на шее, но «роллс» оказался очень удачной покупкой, и мы до сих пор им пользуемся.

– А что случилось с собольим палантином?

– Тетя обменяла его на пару стульев эпохи королевы Анны и газонокосилку.

Когда они остановились перед отелем, Лиз сказала:

– Здесь не разрешается стоять. Я отъеду на стоянку и подожду вас там.

– А разве вы не будете укладывать мои вещи?

– «Укладывать ваши вещи»? Конечно нет.

– А ваша тетя сказала, что будете.

– Это просто фигуральное выражение.

– А я воспринял все буквально. Ну хотя бы поднимемся, посмотрите, как я буду укладываться. Одарите меня своими советами и поддержкой. Это было бы очень мило с вашей стороны.

В результате Лиз действительно упаковывала в два больших чемодана одежду молодого человека, а он вытаскивал ее из ящиков и кидал ей. Все вещи были очень дорогие, заметила она, сшитые на заказ и из лучших тканей.

– Вы очень богаты или просто экстравагантны? – спросила Лиз.

– Привередлив, скажем так.

К тому моменту, как они вышли из отеля, на улицах зажглись первые фонари.

– Мне кажется, – заметила Лиз, – в такое время, когда еще не погас дневной свет, фонари выглядят красивее всего. Они желтые, как нарциссы, и таинственные. А как только совсем стемнеет, они станут белыми и обыкновенными.

Они вернулись в Блумсбери, но обнаружили, что мисс Фитч уехала. Партнер фирмы, представлявший ту часть, что выступала под именем Росс, в полном изнеможении развалился в кресле и вдумчиво поглощал то, что осталось от шерри. При виде их он встрепенулся и даже смог вернуть себе некое подобие профессионального *bonhomie*^[5]. Он сообщил им: мисс Фитч сочла, что в машине мистера Уитмора будет свободнее, и отправилась забрать его со студии после окончания получасовой передачи. А мисс Гарроуби и мистеру Сирлу велела ехать вслед за ними в Сэлкотт-Сент-Мэри.

Пока они выбирались из Лондона, Сирл молчал – не желая мешать ей как водителю, предположила Лиз и была ему благодарна за это. Лишь когда по обеим сторонам дороги появились зеленеющие поля, он заговорил об Уолтере. Похоже, Куни был высокого мнения об Уолтере.

– Так вы не были на Балканах с Куни Уиггином?

– Нет. Я познакомился с Куни, когда он вернулся в Штаты. Но в письмах он много рассказывал о вашем кузене.

– Очень мило с его стороны. Только, понимаете, Уолтер мне не кузен.

– Правда? Но ведь мисс Фитч ваша тетя?

– Нет. Я не их родственница. Сестра Лавинии – Эмма – вышла замуж за моего отца, когда я была ребенком. И все. Мама – то есть Эмма – просто взяла папу осадой, если уж говорить правду. У него не оставалось выхода. Понимаете, Эмма вырастила Лавинию, и для нее было страшным ударом, когда Винни повзрослела и начала поступать по-своему. Особенно когда она допустила такую *outré*^[6], как стать автором бестселлера. Эмма начала оглядываться в поисках, к чему бы еще приложить руки и свои склонности насадки, и тут подвернулся мой отец, оставшийся без единого пенни, с маленькой дочкой на руках, и просто словно взывавший, чтобы его взяли под опеку. Так она стала Эммой Гарроуби и моей матерью. Я никогда не думала о ней как о мачехе, потому что никакой другой матери я не

помню. Когда отец умер, Эмма переехала жить в Триммингс к тете Лавинии, а я, когда окончила школу, стала работать секретарем у тети. Отсюда и фраза о том, чтобы уложить ваши вещи.

– А Уолтер? Откуда он взялся?

– Он сын старшей сестры. Его родители умерли в Индии, и с тех пор тетя Лавиния воспитывала его. То есть с его пятнадцати лет или около того.

Сирл какое-то время молчал, явно пытаясь разобраться в услышанном.

Интересно, думала Лиз, почему она рассказала ему все это? Зачем объяснила, что у ее матери властная натура, хотя и дала понять, что властная в самом добром смысле слова. Неужели она, Лиз, нервничает? Она, которая никогда не нервничает и которую так трудно поразить. Из-за чего нервничать-то? Право же, нечего смущаться от присутствия красивого молодого человека. И в качестве просто Лиз Гарроуби, и в качестве секретаря мисс Фитч ей время от времени приходилось встречаться со многими красивыми молодыми людьми, но, насколько она помнит, это не производило на нее особого впечатления.

Лиз свернула с темной блестящей ленты шоссе на боковую дорогу. Свежий шрам последних местных достижений цивилизации остался позади, и они оказались в настоящем деревенском мире. Узенькие дорожки, безымянные и не связанные между собой, то и дело выбегали у них из-под колес, но Лиз без колебаний выбирала ту, которая была ей нужна.

– Как вы находите дорогу? – спросил Сирл. – Все эти мелкие проселки кажутся мне совершенно одинаковыми.

– Мне тоже. Но я проделываю этот путь так часто, что сейчас за мой мозг работают мои руки – так же, как мои пальцы знают клавиатуру пишущей машинки. Мысленно я не помню, как расположены клавиши, а пальцы знают, где какая находится. Вы бывали в этой местности?

– Нет, для меня здесь все внове.

– По-моему, скучная местность. Тусклая, серая. Уолтер говорит, что она представляет собой бесконечную перестановку одних и тех же семи предметов реквизита: шести деревьев и стога сена. Он говорит, что в официальных кругах графства действительно бытует фраза, гласящая: «Шесть деревьев и стог сена». – Лиз пропела эту фразу для своего пассажира. – А вот там, где на дороге виднеется горб, начинается Орфордшир. Он гораздо симпатичнее.

Орфордшир и правда оказался славным клочком земли. В сгущающихся сумерках его холмистые очертания все время менялись, сливались, расходились, и их комбинации были так красивы, что казались пригрезившимися во сне. Вскоре машина остановилась у конца вытянувшейся длинным языком плоской долины, и внизу они увидели разбросанные по ней огоньки и темные мазки деревенских крыш.

– Сэлкотт-Сент-Мэри, – как бы представляя, объявила Лиз. – Некогда красивая английская деревня, а теперь оккупированная территория.

– Оккупированная – кем?

– Теми, кого уцелевшие аборигены зовут «эти артисты». Для местных жителей, бедняг, это очень грустно. Тетю Лавинию они приняли, потому что она владелица «большого дома» и вовсе не является частью их реальной жизни. Кроме того, она живет тут так давно, что почти стала своей. Впрочем, «большой дом» никогда не считался частью деревни, так что не имеет значения, кто живет в нем. Беда началась, когда опустела мельница и какая-то фирма вознамерилась купить ее и превратить в фабрику. Марта Халлард услышала про это, купила мельницу, перехватив ее у всяких-разных законников, и стала жить там. Все деревенские были в восторге и сочли, что они спасены. Им, конечно, не очень хотелось, чтобы какая-то актриса жила на мельнице, но иметь фабрику в своей милой деревушке им хотелось еще меньше. Бедняжки, если бы они могли предвидеть, что за этим последует.

Лиз тронула машину с места, и они поехали потихоньку вдоль склона, параллельно деревне.

– А потом за последние полгода из Лондона сюда все валом повалили, как бараны, – заметил Сирл.

– Откуда вы знаете?

– Я наблюдал такое на Побережье. Кто-то находит хорошее тихое местечко, и прежде чем он успеет поставить уборную, его уже приглашают выбирать мэра.

– Угу. В каждом третьем доме этого поселка живет пришлый человек. Все степени благосостояния: от Тоби Таллиса – знаете, драматурга, у него красивый дом в стиле короля Якова^[7] – до Сержа Ратова, танцора, который живет в перестроенной конюшне. Все варианты жизни во грехе, от Дини Пэддингтон, к которой на уик-энд никогда дважды не приезжают одни и те же гости, до бедных старых Атланты Хоуп и Барта Хобарта, которые, благослови их господь, живут во грехе вот уже, наверное, тридцать лет. Все степени таланта – от Сайласа Уикли, того, что пишет эти мрачные романы про деревенскую жизнь, от которых несет навозом и нескончаемым дождем, до мисс Юстон-Диксон, один раз в году печатающей книгу сказок для рождественской торговли.

– Звучит очень мило, – проговорил Сирл.

– Это непристойно, – возразила Лиз гораздо горячее, чем собиралась, и снова подумала: интересно, почему она так раздражена сегодня вечером? – Но если говорить о непристойности, – продолжала она, беря себя в руки, – боюсь, сейчас слишком темно и вы не сможете как следует рассмотреть Триммингс и оценить его по достоинству. Придется подождать до утра. Сейчас вы увидите только его силуэт на фоне неба.

Лиз подождала, пока молодой человек разглядывал вырисовывавшуюся на фоне вечернего неба полосу маленьких башенок и зубцов.

– Особо прелестна оранжерея в готическом стиле, но при этом освещении ее не видно.

– Почему мисс Фитч выбрала этот дом? – спросил изумленный Сирл.

– Потому что она решила, что он прекрасен, – ответила Лиз, и в ее голосе прозвучала теплота. – Тетя Лавиния выросла в доме священника, понимаете, доме, построенном около тысяча восемьсот пятидесятого года. Так что ее глаза привыкли к викторианской готике. Знаете, если по-честному, она даже теперь не понимает, что в этом плохого. Она знает, что люди смеются над ее домом, но относится к их смеху совершенно философски – она действительно не понимает, почему они смеются. Когда тетя первый раз привела сюда Кормака Росса, своего издателя, он поздравил ее с тем, насколько дому подходит его название^[8], а она и понятия не имела, о чем он говорит.

– Ну, я вовсе не настроен наводить критику, пусть и на викторианскую готику, – сказал молодой человек. – Со стороны мисс Фитч было необыкновенно мило пригласить меня сюда, даже не заглянув в справочник. Почему-то в Штатах мы считаем англичан более осторожными.

– Дело не в осторожности англичан, дело в домашних расчетах. Тетя Лавиния пригласила вас под влиянием минуты, зная, что ей для этого не нужны никакие хозяйственные приготовления. Она уверена, что в доме есть достаточный запас простынь, чтобы застелить кровать для гостя, и достаточно еды, чтобы накормить его, и достаточно «рабочих рук», чтобы обеспечить ему комфорт, вот она и не колебалась. Вы не против, если мы обойдем гараж и занесем ваши вещи через боковой вход? От комнат прислуги до парадной двери ужасно далеко, суточный переход, да еще, увы, баронский холл посередине.

– А кто все это построил и почему? – поинтересовался Сирл, глядя вверх на возвышавшуюся над ними махину дома, пока они огибали его.

– Насколько я знаю, человек из Бредфорда. На этом месте стоял очень приятный раннегеоргианский дом – гравюра, на которой он

изображен, висит в охотничьем кабинете, – но новый хозяин посчитал, что это строение имеет жалкий вид, и снес его.

Сирлу пришлось пронести свой багаж по уродливым коридорам, еле-еле освещенным. Коридорам, которые, как заявила Лиз, всегда напоминают ей дортуары школы.

– Поставьте чемоданы тут, – сказала она, показывая на черную лестницу, – кто-нибудь отнесет их. А теперь пойдете в относительную цивилизацию, согреемся, выпьем и поищем Уолтера.

Она толкнула обитую зеленым сукном дверь и ввела гостя в переднюю часть дома.

– Вы тут на роликах катаетесь? – спросил он, когда они пересекали бессмысленно громадный холл.

Лиз ответила, что до этого она не додумалась, но что помещение очень удобно для танцев.

– Местные охотники устраивают тут свой ежегодный бал, – пояснила она. – Вам, возможно, все равно, но здесь меньше сквозняков, чем в зале Хлебной биржи в Уикхеме.

Лиз открыла дверь, и после серых пейзажей Орфордшира и мрачных темных коридоров они попали наконец в тепло и уют освещенной пылающим камином гостиной, уставленной старинной мебелью и пахнущей горящими дровами и нарциссами. Лавиния сидела в глубоком кресле, поставив свои маленькие ножки на край чугунной решетки. Растрепавшаяся копна ее волос, с выбившимися из-под спилек прядями, разметалась по подголовнику. Напротив нее в своей любимой позе – локоть на каминной полке, нога на решетке – стоял Уолтер Уитмор. Увидев Уолтера, Лиз почувствовала прилив любви к нему и облегчение.

«Облегчение – почему?» – спросила она себя, слушая, как здороваются мужчины. Она же знала, что Уолтер будет дома. Отчего же облегчение?

Потому ли, что теперь она может переложить бремя светских забот на плечи Уолтера?

Однако светские обязанности были ее повседневной работой, и она легко справлялась с ней. Да и назвать Сирла «тяжким бременем» нельзя. Лиз редко приходилось встречать столь милого в обращении, столь нетребовательного человека. Откуда же эта радость, что она видит Уолтера, это абсурдное ощущение, что теперь наконец все будет хорошо? Как у ребенка, вернувшегося из чужого дома в привычную обстановку.

Лиз заметила радость, мелькнувшую на лице Уолтера, когда он приветствовал Сирла, и снова почувствовала прилив любви к жениху. Ничто человеческое не было ему чуждо, у него были недостатки, на его лице уже начали появляться морщины, а волосы стали отступать с висков, но это был живой Уолтер, реальный, а не символ внечеловеческой красоты, который явился сегодня утром из космоса.

Лиз с удовольствием отметила, что рядом с высоким Уолтером гость выглядит почти коротышкой. И туфли его, хоть они и были такими дорогими, увы, слишком бросались в глаза.

«Ну в конце концов, он же просто фотограф», – подумала Лиз и поймала себя на нелепом снобизме.

Неужели Лесли Сирл произвел на нее такое впечатление, что ей нужно защищаться от него? Конечно же нет.

Ничего необычного не было в том, что среди северян вдруг появилась красота утренней зари мира, и нечего удивляться, что эта красота заставляла вспоминать сказки о людях-тюленях и об их таинственных странностях. Молодой человек был просто красивым американцем скандинавского происхождения, проявлявшим недостаточный вкус в отношении своей обуви и большой талант в применении линз нужного типа. У нее, Лиз, не было ни малейшей необходимости осеять себя крестом или как-то иначе защищаться от его чар. Однако, несмотря на все это, когда ее мать за обедом спросила Сирла, есть ли у него родственники в Англии, Лиз почувствовала, что ее удивила сама мысль, что у него может быть что-то столь земное, как родственники.

Сирл ответил, что у него есть кузина. Больше никого.

– Мы не любим друг друга. Она художница.

– А что, разве живопись – это non sequitur?^[9] – спросил Уолтер.

– О, мне даже нравится, как она пишет, – то, что я видел. Просто мы раздражаем друг друга, вот и не надоедаем один другому.

Лавиния спросила, что пишет кузина – портреты?

Пока они так разговаривали, Лиз подумала: интересно, написала ли когда-нибудь художница портрет своего кузена? Наверное, это очень приятно – иметь возможность взять кисть, коробку с красками и запечатлеть для собственного удовольствия красоту, которая иначе никогда не будет тебе принадлежать. Хранить ее, любоваться ею, когда захочется, – и так до самой смерти.

«Элизабет Гарроуби! – призвала она себя к порядку. – Еще чуть-чуть, и ты станешь вешать на стенку фотографии актеров!»

Но нет, здесь было что-то совершенно иное. Что-то более достойное порицания, чем любить... чем восхищаться творениями Праксителя. Если бы Пракситель когда-нибудь решил обессмертить бегуна с барьерами, этот атлет был бы как две капли воды похож на Лесли Сирла. Надо спросить как-нибудь Сирла, в какой школе он учился и не участвовал ли в беге с барьерами.

Лиз было немного обидно, что ее матери не понравился Сирл. Конечно, этого никто никогда не заподозрил бы, но Лиз слишком хорошо знала свою мать и могла с точностью микрометра определить ее тайную реакцию на любую ситуацию. Сейчас она не сомневалась, что под внешней вежливостью кипело и бурлило недоверие, как бурлит и клокочет лава под склонами Везувия.

И Лиз была совершенно права. Когда Уолтер повел гостя показать его комнату, а Лиз пошла к себе, миссис Гарроуби принялась засыпать сестру вопросами об этом странном госте, которого та им навязала, о никому не известном человеке, за счет которого увеличилось число обитателей Триммингса.

– Откуда ты знаешь, что он действительно был знаком с Куни Уиггином? – приставала Эмма.

– Если нет, Уолтер очень скоро это обнаружит, – отвечала Лавиния рассудительно. – Не надоедай мне, Эм. Я устала. Это была ужасная вечеринка. Все орали, не умолкая.

– Если в его планы входит ограбление Триммингса, то завтра утром будет поздно обнаружить, что он вообще не был знаком с Куни. Кто угодно может сказать, что был знаком с Куни. Если уж на то пошло, все могут так сказать, а потом удрать с добычей. В жизни Куни Уиггина не было практически ни одного кусочка, который не являлся бы общественным достоянием.

– Не могу понять, почему ты так подозрительна по отношению к этому человеку. У нас тут часто бывали люди, о которых мы ничего не знали...

– Да, бывали, – мрачно подтвердила Эмма.

– И до сих пор все оказывались теми, за кого себя выдавали. Почему ты так выборочно подозрительна к мистеру Сирлу?

– Он слишком привлекателен, чтобы не быть опасным.

Это было типично для Эммы – избегать слова «красивый», заменяя его притворно-компромиссным «привлекательный».

Лавиния заметила, что, поскольку мистер Сирл будет гостить у них только до понедельника, масштабы опасности, которую он собой представляет, очень невелики.

– И если, как ты думаешь, это воровство, его ждет большое разочарование, когда он пройдет по Триммингсу. Вот так, экспромтом, я не могу назвать ничего, что стоило бы утащить, а потом волочь в Уикхем.

– Есть серебро.

– Знаешь, трудно поверить, что кто-то станет хлопотать, чтобы попасть на вечеринку к Кормаку, делать вид, что знаком с Куни, искать Уолтера – и все это для того, чтобы завладеть парой дюжин вилок, несколькими ложками и подносом. Почему просто темной ночью не взломать замок?

Убедить миссис Гарроуби, казалось, было невозможно.

– Наверное, очень удобно воспользоваться именем человека, который уже умер, если хочешь, чтобы тебя представили приличной семье.

– О, Эм! – проговорила Лавиния, громко рассмеявшись как над изреченной сентенцией, так и над чувствами, которые эту сентенцию вызвали.

Так что миссис Гарроуби оставалось, скрываясь за внешней любезностью, предаваться мрачным размышлениям. Конечно же, она боялась не за серебро Триммингса. Она опасалась того, что назвала «привлекательностью» молодого человека. Она не доверяла этой «привлекательности» как таковой и испытывала ненависть к ней как к потенциальной угрозе ее дому.

Глава третья

Однако утром в понедельник Эмма вовсе не стала выгонять молодого человека из дома, как это предсказывала Марта Халлард. Утром в понедельник всем в Триммингсе – всем, кроме Эммы, – казалось невероятным, что до прошлой пятницы они ничего не слышали о Лесли Сирле. В Триммингсе еще никогда не бывало гостя, который бы так слился с жизнью его домочадцев, как Сирл. И никогда не бывало человека, который сделал бы жизнь каждого из них столь до предела насыщенной.

Сирл обошел ферму с Уолтером, восхищаясь новыми, выложенными кирпичом дорожками, новым свинарником, новым сепаратором. В школьные годы Сирл проводил каникулы на ферме, поэтому он разбирался в хозяйстве. С другой стороны, молодой человек был очень покладист. Он терпеливо стоял на луговых тропинках, пока Уолтер делал заметки в своей записной книжке: как растет живая изгородь или как поют птицы – то, что в следующую пятницу он использует в своей радиопередаче. С одинаковым энтузиазмом Сирл фотографировал и подлинный сельский домик семнадцатого века, и сюрреалистические нагромождения Триммингса, придумывая, как передать основные достоинства и того и другого. А сам Триммингс он комментировал столь остроумно, что Уолтер, сначала невольно расхохотавшись, вдруг на какой-то момент почувствовал неловкость. Этот милый молодой человек обладал, оказывается, гораздо более разносторонними познаниями, чем могло показаться при обсуждении сельскохозяйственных тем. Уолтер считал само собой разумеющимся то, что юноша ведет себя как послушный ученик, поэтому, глядя на его фотографии, он испытал смущение, словно с ним заговорила его собственная тень. Однако Уолтер тут же забыл об этом. Интровертом он не был.

Для склонной к самокопанию Лиз жизнь, напротив, превратилась внезапно в набор аттракционов, в калейдоскоп, где ни одна

плоскость не оставалась вертикальной или горизонтальной дольше нескольких секунд, в место, где человек мгновенно погружался в вымышленную опасность или начинал вертеться в вихре разноцветных огней. Лиз с семи лет более или менее регулярно влюблялась, но замуж всегда хотела выйти только за Уолтера, причем ее герой одновременно был и Уолтером, и кем-то другим, сильно отличавшимся от него. Однако никогда раньше не ощущала она присутствия какого-либо персонажа из этого длинного ряда влюбленностей – от разносчика булок до Уолтера – так, как ощущала присутствие Лесли Сирла. Даже с Тино Треска, обладателем тоскующих глаз и тенора, способного растопить любое человеческое сердце, даже с Треска, самой безумной из всех ее любовей, можно было на несколько минут забыть, что ты в той же комнате, что и он. (Конечно, когда речь шла об Уолтере, в этом не было ничего удивительного: просто он находился рядом, они дышали одним воздухом, и это было приятно.) Но забыть, что рядом Сирл, было невозможно.

«Почему?» – спрашивала себя Лиз. Почему она не может этого забыть?

Это отнюдь не было влюбленностью – ее интерес, ее возбуждение. Если бы вечером в воскресенье, после проведенных вместе двух дней, он повернулся бы к ней и сказал: «Давай убежим, Лиз», она громко рассмеялась бы такому нелепому предложению. У нее не было никакого желания убежать с ним.

Но свет тускнел, когда он выходил из комнаты, и вновь разгорался, когда он возвращался. Лиз чувствовала каждое его движение – от того, как легким нажимом указательного пальца он включал радио, до того, как, подняв ногу, он подталкивал полено в камин.

Почему?

Она гуляла с ним по лесу, она показала ему деревню, и никогда это чувство не исчезало. Оно присутствовало в его мягкой, протяжной, вежливой речи, в этих серых смущающих глазах,

которые, казалось, знали о ней слишком много. Для Лиз все мужчины-американцы делились на два класса: тех, кто обращался с вами, будто вы хрупкая старая леди, и тех, кто обращался с вами, будто вы просто хрупкое создание. Сирл принадлежал к первому классу. Он помогал Лиз перебираться через изгородь у перелазов и защищал от многочисленных опасностей, подстерегавших ее на деревенской улице. Он прислушивался к ее мнению, чем льстил ее самолюбию; подобное отношение в корне отличалось от поведения Уолтера, и Лиз это было приятно. Уолтер считал, что она достаточно взрослая, чтобы позаботиться о себе, но недостаточно взрослая, чтобы ей не давал советы Уолтер Уитмор, признанный оракул на Британских островах и Большой Части Заморских Земель. Сирл же, наоборот, был очень мило предупредителен.

Глядя, как он медленно ходит по церкви, осматривая ее, Лиз подумала, каким прекрасным товарищем он мог бы быть, если бы не это покалывающее волнение, это странное ощущение обманчивости.

Даже маловпечатлительная Лавиния, всегда наполовину живущая жизнью своей очередной героини, поддалась, как заметила Лиз, действию этой удивительной притягательной силы. Вечером в субботу, после обеда, Сирл сидел с Лавинией на террасе, Уолтер и Лиз гуляли по саду, а Эмма занималась хозяйственными делами. Каждый раз, когда они проходили под террасой, Лиз слышала тоненький, как у ребенка, голос своей тетки, радостно, как ручеек, журчащий в сумеречном свете восходящей луны. А утром в воскресенье Лавиния созналась Лиз, что никто никогда не внушал ей такого чувства *отверженности*, как мистер Сирл.

– Уверена, что в Древней Греции он был каким-то очень дурным человеком, – заключила Лавиния. И добавила, хихикнув: – Только не говори своей матери, что я так сказала!

Прочно окопавшаяся оппозиция в лице сестры, племянника и дочери сильно затрудняла для миссис Гарроуби дело освобождения Триммингса от присутствия этого молодого человека. Однако окончательно это дело было погублено рукой мисс Юстон-Диксон.

Мисс Юстон-Диксон жила в прилепившемся к склону позади деревенской улицы крошечном домике. У него было три разномастных окошка, соломенная крыша, только одна труба. Все выглядело так, будто один хороший чих обрушит строение на головы его обитателей. Однако стремление домика рассыпаться уравнивалось тем, что все в нем блестело. Оштукатуренные кремовые стены, светло-зеленые двери и окна, ослепительные, хрустящие муслиновые занавески, тщательно выметенная дорожка, выложенная красным кирпичом, вместе с добросовестной искривленностью всего, что в нормальных условиях должно было быть прямым, – все это создавало картину, которая по праву могла служить иллюстрацией к одной из книжек рождественских сказок самой мисс Юстон-Диксон.

В промежутке между сочинением своих ежегодных сказок мисс Юстон-Диксон баловалась самыми разными видами рукоделия. В школе она терзала дерево раскаленной иглой. Когда в моду вошло рисование пером, она с прилежанием стала заниматься этим, а потом перешла к лепке. Наступил период воска, за ним – плетения из соломки и, наконец, период ручного ткачества. Мисс Юстон-Диксон и сейчас иногда ткала, однако в действительности она была от природы обуреваема стремлением не творить, а переделывать. Любой голой поверхности грозила опасность со стороны мисс Юстон-Диксон. Она охотно брала обычный сливочник и низводила его функциональную простоту до кошмарной насмешки над Мейсеном. Во времена, когда разбирали, ликвидируя, чуланы и чердаки, она была истинным наказанием для своих друзей, которые, несмотря ни на что, очень ее любили.

Помимо того, что она была опорой Женского сельского института, неиссякаемым поставщиком вещей для благотворительных базаров, преданной полировщицей церковных плит, мисс Юстон-Диксон была непререкаемым авторитетом в том, что касалось Голливуда и всего с ним связанного. Каждый четверг в час дня она садилась в автобус, отправлявшийся в Уикхем, и проводила там вторую половину дня,

истратив шиллинг и девять пенсов в Холле Обращенных Приверженцев Моисея, который служил кинотеатром. Если же еженедельный фильм обещал быть таким, какие она не любила – про укулеле, например, или про испытания и беды некоей служанки безупречного поведения, – мисс Юстон-Диксон опускала шиллинг и девять пенсов вместе с восьмью пенни – платой за автобус – в фарфоровую свинью-копилку, стоявшую на каминной полке. Эти сбережения помогали мисс Юстон-Диксон добираться до Кроума, когда в этой «столице» показывали какой-нибудь фильм, который ей особенно хотелось посмотреть.

Каждую пятницу она забирала в деревне свой «Бюллетень экрана» у продавца газет, прочитывала сообщения о фильмах на будущую неделю, отмечала те, которые намеревалась посмотреть, и прятала газету, чтобы потом, если понадобится, можно было навести любую справку. Не было ни одного самого маленького актера в обоих полушариях, о ком мисс Юстон-Диксон не могла быть дать сведения с точной ссылкой на источник. Она могла объяснить, почему эксперт по гриму из «Гранд континентал» перешел к «Вильгельму» и, не менее точно, как был изменен левый профиль Мадлен Райс.

Вот так и случилось, что бедняжка Эмма, свернув по пути на вечернюю службу в церковь на чистую-пречистую, выложенную кирпичом дорожку, чтобы занести мисс Юстон-Диксон корзинку яиц, двигалась навстречу своему Ватерлоо.

Мисс Юстон спросила про вечеринку, на которой отмечали рождение «Любовника Морин» и литературное совершеннолетие Лавинии Фитч. Удачно ли прошла вечеринка?

Эмма полагала, что да. Вечеринки Росса и Кромарти всегда удаются. Достаточное количество напитков – вот все, что требуется, чтобы вечеринка удалась.

– Я слышала, у вас в этот уик-энд очень красивый гость, – проговорила мисс Юстон-Диксон не потому, что была любопытной, а

скорее чтобы не допустить паузы в беседе. Это противоречило ее представлению о хороших манерах.

– Да. Лавиния подобрала его на вечеринке. Некто по имени Сирл.

– О-о, – протянула мисс Юстон-Диксон рассеянно-ободряюще, перекладывая яйца из корзинки в десятицентовую белую миску, которую она разрисовала цветами мака и колосьями.

– Американец. Говорит, что занимается фотографией. Любой, кто снимает, может заявить, что он фотограф, и никто не сможет этого опровергнуть. Очень удобная профессия. Почти такая же удобная, как профессия сиделки, до того как их стали регистрировать и вносить в справочники.

– Сирл? – повторила мисс Юстон-Диксон, и ее рука, державшая яйцо, застыла в воздухе. – Случайно, не Лесли Сирл?

– Именно, – ответила пораженная Эмма. – Его зовут Лесли. По крайней мере, так он говорит. А что?

– Вы хотите сказать, что Лесли Сирл *здесь*? В Сэлкотт-Сент-Мэри? Но это просто невероятно!

– А что тут невероятного? – возразила Эмма, переходя к обороне.

– Но он же *знаменитость*!

– Половина жителей Сэлкотт-Сент-Мэри тоже знаменитости, – едко напомнила мисс Юстон-Диксон Эмма.

– Да, но они не фотографируют самых известных людей в мире! Знаете ли вы, что звезды Голливуда становятся на колени, упрашивая Лесли Сирла снять их? Есть кое-что, чего они не могут купить. Почет. Оказанную честь.

– Ну, мне думается, это реклама, – заявила Эмма. – Как вы полагаете, мы говорим об одном и том же Лесли Сирле?

– Ну конечно! Вряд ли существуют два Лесли Сирла, оба американцы и оба фотографы.

– Не вижу в том ничего невозможного, – фыркнула Эмма, умевшая стоять насмерть.

– Да нет, конечно же, это *тот самый* Лесли Сирл. Если вы не торопитесь на службу в церковь, мы можем прояснить все сомнения.

– Каким образом?

– У меня где-то есть его фотография.

– Лесли Сирла!

– Ну да. В «Бюллетене экрана». Я сейчас посмотрю, это займет не больше минуты. Звучит действительно захватывающе. Не могу припомнить более экзотической фигуры – и вдруг не где-нибудь, а в Сэлкотте!

Мисс Юстон-Диксон открыла дверцу покрытого желтой краской шкафа (его украшали также изображения цветов в баварском стиле) и вытащила оттуда аккуратные пачки сложенных «Бюллетеней».

– Ну-ка посмотрим. Она была напечатана года полтора назад, а может, и два.

Опытным движением она стала пропускать края страниц между большим и остальными пальцами, так что на мгновение оказывалась видна дата в углу каждого выпуска, и вытащила из пачки два или три номера.

– В конце каждого выпуска есть список вроде оглавления, – пояснила она, бросив газеты на стол, – так что за минуту можешь найти все, что нужно. Так удобно! – Затем, когда требуемый выпуск сразу не обнаружился, добавила: – Но если вы из-за этого опоздаете к службе, оставьте все и заходите на обратном пути. Пока вы будете в церкви, я все просмотрю.

Но теперь ничто не могло заставить Эмму уйти отсюда раньше, чем она увидит эту фотографию.

– А, вот она! – воскликнула наконец мисс Юстон-Диксон. – Заметка называется «Красотки и оптика». Я понимаю, трудно требовать и информацию, и стиль за три пенса в неделю. Однако, если я правильно запомнила, статья была гораздо приличнее, чем заголовок. Вот. Тут несколько его работ, – не правда ли, снимок Лотты Марлоу *очень* удачный? – а тут, вверху страницы, видите, его автопортрет. Это ваш гость?

Снимок был сделан в странном ракурсе, с замысловатой игрой света и тени. Скорее композиция, чем портрет в старом смысле

слова. Но это несомненно был Лесли Сирл. Тот самый Лесли Сирл, который сейчас жил в «башенной» спальне в Триммингсе. Если, конечно, у него не было двойника, тоже Лесли, тоже Сирла, и они оба не были американцами и фотографами. Но на это даже Эмма не надеялась.

Она бегло просмотрела статью, которая, как справедливо заметила мисс Юстон-Диксон, была откровенным панегириком молодому человеку и его работам и вполне могла быть напечатана в «Тиэтр артс мантли»^[10]. В статье приветствовали его возвращение на Побережье, где он, как и всегда, собирался пробыть некоторое время, завидовали его полной свободе в остальное время года и описывали новые, сделанные им портреты звезд, особенно портрет Дэнни Мински в роли Гамлета. «Слезы смеха, которые исторгнул у нас из глаз Дэнни, ослепили нас, и мы не разглядели этот профиль Форбса-Робертсона. Явился Сирл и показал нам его», – говорилось в статье.

– Да, – подтвердила Эмма, – это... – Она чуть была не сказала «тот тип», но вовремя спохватилась: – Это тот самый человек.

Нет, предусмотрительно заявила она, она не знает, сколько он пробудет, он гость Лавинии, – но мисс Юстон-Диксон безусловно увидится с ним до его отъезда, если это будет в человеческих возможностях.

– Если же нет, – решительно сказала мисс Юстон-Диксон, – передайте ему, пожалуйста, что я восхищаюсь его работой.

А вот этого-то Эмма вовсе и не собиралась делать. Она вообще не хотела говорить дома о том, что увидела. Эмма отправилась на службу и сидела в церкви на скамье, постоянном месте обитателей Триммингса; вид у Эммы был безмятежный и благожелательный, но чувствовала она себя совершенно несчастной. Этот тип был не только «привлекателен», он был личностью, что делало его еще более опасным.

У него была всемирная слава, которая, насколько понимала Эмма, могла соперничать со славой Уолтера. Несомненно, водились у него

и деньги. Плохо было, когда приходилось бояться только его «привлекательности». Теперь выяснялось, что он завидный жених. На его стороне оказывалось все.

Если бы можно было призвать все силы тьмы на голову Сирла, Эмма сделала бы это. Но она находилась в церкви, и приходилось пользоваться средствами, которые были под рукой. Поэтому она возвала к Богу и его ангелам, прося уберечь Лиз от зла, оказавшегося у нее на пути. Это означало – от возможности того, что, когда придет время, Лиз не унаследует состояние Лавинии.

«Сохрани ее верной Уолтеру, – молилась Эмма. – И я... – Она попробовала придумать какой-нибудь выкуп, но в тот момент ничего в голову не пришло, и она только повторяла: – Сохрани ее верной Уолтеру», не добавляя к этой фразе никакого обещания и уповая на бескорыстную доброту Господа.

Вид дочери и Сирла, стоявших опершись на маленькую боковую калитку в саду Триммингса и хохотавших, как дети, отнюдь не успокоил Эмму и не укрепил ее веру в Господа. Возвращаясь из церкви домой, она по луговой тропинке подошла к ним сзади и была встревожена какой-то особой теплотой и юностью, которыми веяло от их веселости. То, что явно отсутствовало, когда Лиз и Уолтер бывали вместе.

– Что мне нравится больше всего – так это один-два ярда Ренессанса перед кусочком карниза Бордера, – говорила Лиз. Они явно играли в свою любимую игру – забавлялись по поводу безумств бредфордского магната.

– Как это он забыл про ров, а? – спрашивал Сирл.

– Наверное, он начинал жизнь, копая канавы, и не хотел, чтобы что-нибудь напоминало ему об этом.

– А я думаю, он не захотел тратить деньги, чтобы выкопать яму, а потом заполнить ее водой. Ведь он янки, правда?

Лиз «допускала», что в крови северных народов и жителей Новой Англии есть много общего. Тут Сирл увидел Эмму, поздоровался с ней, и они все вместе пошли к дому, не переставая играть в свою

игру, нисколько не смущаясь присутствием Эммы и даже втягивая ее в свою забаву и призывая разделить удовольствие.

Эмма смотрела на смугловатое личико Лиз и пыталась вспомнить, когда она видела дочь такой оживленной, настолько переполненной радостью жизни. Чуть позже она вспомнила. Это было на Рождество, давным-давно. Тогда Лиз за один короткий час впервые увидела и снег, и свою первую рождественскую елку.

До сих пор Эмма ненавидела только красоту Сирла. Теперь она стала ненавидеть Лесли Сирла самого.

Глава четвертая

Эмма надеялась, что Сирл спокойно уедет раньше, чем откроются еще какие-нибудь его достоинства, но ее ждало разочарование. Сирл не скрывал, что приехал в Англию отдохнуть. У него не было ни родственников, ни близких друзей, которых он должен был бы посетить, у него был фотоаппарат, он намеревался всю использовать его, и, похоже, не было причин, почему бы ему не пожить в Триммингсе и не поснимать. Увидев почти нетронутую прелесть Орфордшира, Сирл объявил, что намерен найти хороший отель в Кроуме и сделать его базой своих вылазок. Но Лавиния немедленно заявила, что это нелепо. Он может жить в Триммингсе и совершать набеги так же далеко и с теми же результатами, что и из Кроума. Зачем ему каждый вечер возвращаться в отель и сидеть в компании случайных знакомых в гостиной отеля, когда он может возвращаться к ним, в уютную комнату в башне Триммингса?

Сирл, без сомнения, и так принял бы приглашение, но окончательным аргументом послужило предложение вместе с Уолтером сделать книгу. Потом они никак не могли вспомнить, кто первый высказал эту мысль – им мог оказаться и тот и другой. Уолтер, расставшись с журналистикой, стал выдающимся радиокомментатором, и как результат союза одной из самых известных в Британии личностей и одного из лучших американских фотографов наверняка появится книга, которая, даст Бог, вызовет равный интерес и в Уэстон-сьюпер-Мэр, и в Линчберге, штат Виргиния. Подобное партнерство должно обеспечить книге успех.

Так что вопрос об отъезде Сирла не возник ни утром в понедельник, ни во вторник, ни в один из дней в обозримом будущем. Похоже, он собирался жить в Триммингсе. И никто, кроме Эммы, не находил в этом ничего дурного. Лавиния предложила Сирлу пользоваться ее двухместным «роллсом» – он все равно простаивает в гараже, когда она работает, заявила она, – но Сирл

предпочел взять напрокат маленькую дешевую машину у Билла Мэддокса, который держал гараж у въезда в деревню.

– Если я собираюсь таскаться по дорожкам, которые мало чем отличаются от русла ручья, мне нужна машина, над которой я не стану дрожать, – сказал Сирл.

Лиз поняла, что это лишь способ вежливо отклонить предложение Лавинии, и этим молодой человек понравился ей еще больше.

Билл Мэддокс отозвался в деревне о Сирле хорошо: «Нос не задирает, но его не надуешь: поднял капот и все осмотрел, как будто всю жизнь продавал машины». Так что, когда вечером Сирл с Уолтером появился в «Лебеде», деревня Сэлкотт-Сент-Мэри знала о нем все и готова была принять его, несмотря на его достойную порицания красоту. У новых жителей Сэлкотта, конечно же, не было предубеждения против красоты, и они без всяких колебаний приветствовали Сирла. Тоби Таллис только взглянул на него и тут же забыл про свою «королевскую семью», про комедию, которую только что закончил, про ту, что только что начал, про неверность Кристофера Хэртона (как он, Тоби, мог так ополоуметь, что поверил типу, тщеславие которого было столь патологическим, что он взял себе подобное имя!) и направился к скамье, на которой уселся Сирл, пока Уолтер пошел за пивом.

– Кажется, я видел вас в городе на вечеринке у Лавинии, – проговорил Тоби в своей лучшей манере, как бы прощупывая почву. – Моя фамилия Таллис, я пишу пьесы.

Скромность этой фразы всегда приводила самого Тоби в восхищение. Как если бы владелец трансконтинентальной железной дороги сказал: «Я вожу поезда».

– Здравствуйте, мистер Таллис, – ответил Лесли Сирл. – Какие пьесы вы пишете?

На какую-то минуту воцарилась тишина, потом Тоби вновь обрел дыхание, но, пока он искал слова, подошел Уолтер с пивом.

– Ну, – проговорил он, – я вижу, вы познакомились.

– Уолтер, – произнес Таллис, решивший держаться своей линии. Он наклонился к Уолтеру и многозначительно закончил: – Я встретил его!

– Встретил кого? – спросил Уолтер, который всегда помнил про винительный падеж.

– Человека, который никогда не слышал обо мне. Я наконец-то встретил его!

– И каковы ощущения? – спросил Уолтер, взглянув на Сирла и еще раз подумав, что в нем кроется что-то неуловимое для глаз.

– Восхитительно, мой мальчик, восхитительно. Совершенно неповторимое чувство.

– Если желаете знать, его зовут Сирл. Лесли Сирл. Друг Куни Уиггина.

Уолтер увидел, как тень сомнения набежала на серые рыбы глаза Тоби Таллиса, и ясно смог проследить ход его мыслей. Если этот красивый молодой человек был другом Куни, имевшего международную известность, могло ли случиться, что он никогда не слышал о Тоби Таллисе, имевшем еще более международную известность? Уж не смеется ли он над Тоби?

Уолтер поставил кружки с пивом на стол, сел рядом с Сирлом и приготовился хорошо развлечься.

Он видел, как с другого конца комнаты Серж Ратов уставился на эту новообразовавшуюся группу. Ратов некогда был *raison d'être*^[11] и будущей звездой находившейся в зачаточном состоянии пьесы Тоби Таллиса, которая называлась «Послеполудень» и героем которой был фавн. Увы, в процессе рождения пьеса претерпела значительные изменения и превратилась в нечто, называвшееся «Сумерки». Там говорилось о маленьком официанте из Буа-де-Булонь (Булонского леса), и героя играл новоприбывший актер с австрийской фамилией и греческим темпераментом. Ратов так никогда и не пришел в себя от этой «измены». Сначала он пил до галлюцинаций от жалости к себе. Потом он пил, чтобы избавиться от боли, вызванной жалостью к себе в те часы, когда он бывал трезв.

Потом его выгнали, потому что он стал невыносим и на репетициях, и на спектаклях. Потом он достиг последней стадии падения для балетного танцовщика – перестал упражняться. Так что теперь было отчетливо видно, как жировая ткань начала перекрывать его худобу и подтянутость. Только бешеные глаза Сержа жили прежней жизнью и горели огнем. В них, как встарь, светились решимость и воля.

Когда Тоби перестал приглашать его в свой дом в Сэлкотте, Ратов купил старую конюшню рядом с деревенской лавочкой, простую пристройку к торцу, и превратил ее в свое жилище. Совершенно неожиданно это оказалось для него спасением, потому что выгодная позиция рядом с единственной лавочкой в поселке превратила Сержа из человека, отвергнутого Тоби, в главного поставщика сплетен, – следовательно, в человека в своем праве. Жители деревни, растроганные его ребяческим поведением, обращались с ним без той сдержанности, которую они демонстрировали по отношению к другим пришельцам, и проявляли к Сержу ту же терпимость, что и к своим собственным «юродивым». Таким образом, Серж оказался единственным человеком в деревне, чувствовавшим себя одинаково свободно в обеих общинах. Никто не знал, на что он живет, ест ли он вообще или только пьет. Почти в любое время Ратова можно было найти облокотившимся на стойку почты, задрапированным в широкий балахон, глубокие складки которого падали с неизменным изяществом, а по вечерам он пил в «Лебеде», как и остальные обитатели деревни.

В последние несколько месяцев имело место некоторое сближение между Ратовым и Тоби, и ходили слухи, что Серж даже начал снова заниматься. А сейчас он уставился на прибывшего в Сэлкотт незнакомца, который привлек к себе внимание Тоби. Несмотря на «измену» и последующее падение, Тоби все еще оставался для Сержа его собственностью и его богом. Уолтер подумал, слегка забавляясь, как шокирован был бы бедный Серж, услышь он, как обращаются с его обожаемым Тоби. А Тоби к этому времени обнаружил, что Лесли Сирл – тот самый парень, который

фотографировал мировых знаменитостей, а потому утвердился в своих подозрениях, что Сирл достаточно хорошо знает, кто такой он, Тоби. Он был поражен, чтобы не сказать – уязвлен. Никто уже лет десять по крайней мере так грубо не обращался с Тоби. Однако чисто актерская потребность нравиться оказалась сильнее чувства обиды, и он пустил в ход все свои чары, пытаясь одержать победу над этим столь неожиданно объявившимся противником.

Наблюдая за действиями Тоби, старающегося очаровать Сирла, Уолтер думал, насколько неискоренимо прилипчив эпитет «bounder»^[12] для определения личности человека. Когда он, Уолтер, был мальчиком, его школьные друзья употребляли это слово для обозначения человека, который носил воротнички «не того» фасона. Но конечно же, дело было совсем не в этом.

Человека делает способ мышления. Невежество. Толстокожесть. Это нечто не поддающееся исцелению, духовный астигматизм. И Тоби Таллис, после всех этих лет, увы, оставался bounder. Очень странная штука. При этом все двери мира, может быть за исключением Сент-Джеймского дворца, распахивались перед Тоби Таллисом. Во время его поездок с ним обращались как с членом королевской фамилии, и он пользовался почти дипломатической неприкосновенностью. Он одевался у лучших портных и у великих мира сего приобрел сноровку вести себя в обществе. Во всем, кроме своей сути, он был прекрасно воспитанным, светским человеком. А по сути оставался bounder. Марта Халлард однажды сказала: «Все, что делает Тоби, всегда немного чересчур» – и это прекрасно описывало суть проблемы.

Покосившись посмотреть, как воспринимает Сирл странное бормотание Тоби, Уолтер с радостью увидел, что тот с достаточно рассеянным выражением лица пьет пиво. Степень рассеянности, заметил Уолтер, была точно выверена. Чуть больше – и Сирла можно было бы обвинить в невоспитанности, чуть меньше – оказалось бы недостаточно, чтобы уязвить Таллиса. А так Тоби пришлось перестараться и тем самым поставить себя в дурацкое положение.

Он лез из кожи вон, только что не жонглировал тарелками. Чтобы кто-то не реагировал на Тоби Таллиса – такое невозможно было перенести. Тоби вспотел. И Уолтер улыбался, уткнувшись в свою кружку, а Лесли Сирл был мил и вежлив и немного рассеян.

Между тем Серж Ратов продолжал смотреть на них с другого конца зала. Уолтер подсчитал, что Сержу не хватает еще двух порций, чтобы устроить скандал, и подумал: может быть, стоит допить пиво и уйти, прежде чем Серж подойдет и обрушит на их головы невыносимые обвинения на нечленораздельном английском языке. Однако человеком, подсевшим к ним, оказался не Серж, а Сайлас Уикли.

Уикли некоторое время наблюдал за ними, сидя у стойки бара, а теперь взял свою кружку, подошел к столу и поздоровался. Уолтер понимал, что для этого были две причины: во-первых, Сайлас был любопытен, как женщина, и во-вторых, все красивое притягивало его, вызывая при этом неодолимое отвращение. Уикли отрицал красоту, и его трудно было обвинить, потому что на этом отрицании он заработал целое состояние. Отрицание было искренним. Мир, который одобрял Уикли, – это, как говорила Лиз, мир «дымящегося навоза и нескончаемо хлещущих дождей». Но даже самые удачные пародии на стиль Уикли не могли повредить его популярности. Его турне с лекциями по Америке имело бешеный успех не столько потому, что серьезные читатели в Пеории и Падуке любили дымящийся навоз, сколько потому, что Сайлас Уикли прекрасно соответствовал своей роли. Он был худой как скелет, смуглый, высокий, говорил медленно, свистящим голосом, в котором звучала безнадежность, и все добрые дамы Пеории и Падуки мечтали забрать его к себе, откормить и привить более светлый взгляд на жизнь. Они были гораздо великодушнее, чем британские коллеги Уикли, которые считали его невыносимо скучным и чуть-чуть дураком. Лавиния, говоря о нем, всегда называла его «этот утомительный человек, который вечно рассказывает вам, что он учился в начальной школе-интернате», и полагала немного

сумасшедшим. (Он, со своей стороны, называл ее «эта Фитч», как если бы говорил о преступнице.)

Уикли подошел к ним, потому что не мог находиться в стороне от ненавистой красоты Лесли Сирла, и Уолтер поймал себя на мысли: интересно, понимает ли это Сирл? Потому что Сирл, который с Тоби был само бесстрастное безразличие, теперь, похоже, был занят тем, что набрасывал лассо на враждебно настроенного Сайласа. Уолтер, наблюдая за почти женской сноровкой Сирла, готов был поспорить на что угодно, что через пятнадцать минут Сайлас будет заарканен и связан. Уолтер даже посмотрел на большие старые часы, которые висели на стене за стойкой, и решил засесть время.

Сирл проделал все на пять минут быстрее. Через десять минут он держал обиженного и упирающегося Уикли пойманным в петлю. А недоумение, отражавшееся в глубоко посаженных глазах Уикли, было даже более сильным, чем в рыбьих глазах Тоби. Уолтер почти расхохотался вслух.

А потом Сирл нанес последний комический штрих на всю сцену. В ту минуту, как оба – и Сайлас, и Тоби – изо всех сил старались привлечь к себе внимание Сирла, тот произнес своим тихим протяжным говорком: «Извините меня, пожалуйста, но я увидел друга», неторопливо поднялся и пошел к другу, который стоял у стойки. Другом оказался Билл Мэддокс, хозяин гаража.

Уолтер уткнулся в кружку с пивом, наслаждаясь выражением лиц своих приятелей.

Лишь потом, перебирая в уме происшедшее, он ощутил некоторый дискомфорт. Насмешка была очень мягкой и к тому же разыграна очень легко, так что сущность ее оставалась завуалированной, но она была безжалостной.

А в тот момент Уолтер просто развлекался, глядя, как типично – каждый для себя – отреагировали обе жертвы на поведение Сирла. Сайлас Уикли проглотил остаток пива, оттолкнул от себя кружку жестом, исполненным самоотвращения, и, не сказав ни слова, вышел из паба. Он был похож на человека, который бежит от воспоминаний

о том, как в какой-то затхлой комнате тайно обнимался с несчастной неряхой, на человека, которому тошно от собственной уступчивости. А что, вдруг подумал Уолтер, может быть, Лавиния права и Уикли в самом деле немного сумасшедший?

Тоби Таллис, напротив, никогда не знал, что такое отвращение к самому себе, и потому не отступал. Тоби просто собирал силы для последующей кампании.

– Он немного дикий, ваш юный друг, – заметил Тоби, глядя на Сирла, беседующего у стойки с Биллом Мэддоксом.

«Дикий» было определением, которое Уолтер употребил бы в отношении Лесли Сирла в последнюю очередь, но он понял, что Тоби нужно оправдать свое временное поражение.

– Вы должны привести его посмотреть Ху-хаус.

Ху-хаус был красивым каменным зданием, которое выглядело очень неожиданно в ряду розовых, кремовых и желтых фасадов Сэлкотта. Когда-то здесь был постоянный двор, а еще раньше, как поговаривали, из его камней было сложено аббатство, находившееся ниже по реке. Теперь Ху-хаус представлял собой столь редкий экспонат, что Тоби, который обычно менял свое место жительства (домом это вряд ли можно было назвать) каждый год, вот уже несколько лет оставался ему верен.

– Он долго пробудет у вас?

Уолтер сказал, что они с Сирлом собираются вместе сделать книгу. Но еще не решили, в какой форме.

– «Кочуя по Орфордширу»?

– Что-то вроде этого. Текст мой, а иллюстрации – Сирла. Мы еще не придумали, что будет центральной темой.

– Рановато, не самое удобное время года, чтобы кочевать.

– Зато хорошо фотографировать. Пока все не потонуло в зелени.

– Может быть, ваш юный друг захочет сфотографировать Ху-хаус, – произнес Тоби, взяв две кружки и с великолепной небрежностью направляясь к стойке.

Уолтер остался сидеть на месте и думал: интересно, сколько выпил Серж Ратов за то время, что он за ним наблюдает? Вначале ему не хватало двух порций, чтобы устроить скандал, – так решил Уолтер. Теперь, должно быть, он достиг критической точки.

Тоби поставил кружки на стойку, вступил в разговор сначала с хозяином, потом с Биллом Мэддоксом – и так, совершенно естественно, перешел к Сирлу. Это было проделано очень ловко.

– Вам нужно прийти посмотреть Ху-хаус, – услышал Уолтер слова Тоби. – Он очень красив. Может быть, вы даже захотите сфотографировать его.

– Разве его не фотографировали? – спросил Сирл удивленно. Это было совершенно невинное удивление, недоумение, что такой красивый объект остался незапечатленным. Но для слушателей это означало: «Возможно ли, чтобы какая-то грань жизни Тоби Таллиса не была разрекламирована?»

Вопрос Сирла послужил искрой, воспламенившей Сержа.

– Да! – рявкнул он и вылетел из своего угла, как петарда. Подлетел к Сирлу, так что его искаженное яростью личико оказалось на расстоянии не больше дюйма от лица Сирла. – Его фотографировали! Его фотографировали десять тысяч раз самые великие фотографы в мире, и нечего позволять унижать его какому-то глупому любителю из страны, украденной у индейцев, даже если у него имеется красивый профиль и крашенные волосы и нет моральных устоев и...

– Серж! – прикрикнул Тоби. – Замолчи!

Однако Серж с искаженным лицом продолжал без перерыва извергать дикие вопли.

– Серж! Слышишь! Прекрати! – потребовал Тоби и слегка толкнул Ратова в плечо, как бы желая отодвинуть его от Сирла.

Это было последней каплей. Тонкий голос Сержа поднялся до визга, и полился нескончаемый поток брани, бóльшая часть которой, к счастью, была произнесена на неразборчивом английском; однако она была пересыпана фразами на французском и испанском и

сплошь усеяна эпитетами и описаниями удивительной свежести. «Ты, Люцифер со Среднего Запада!» было одним из лучших.

Когда Тоби взял его за шиворот, чтобы силком оттащить от Сирла, рука Сержа невольно отлетела в сторону, где на стойке ждала заново наполненная кружка Тоби. Еще бы доля секунды, и Рив, хозяин, успел бы ее спасти. Но Серж коснулся кружки, схватил ее и выплеснул содержимое в лицо Сирлу. Голова Сирла инстинктивно дернулась в сторону, пиво потекло у него по шее и плечу. Заорав от бессильной ярости, Серж поднял тяжелую кружку над головой, собираясь запустить ее в Сирла, но мощная кисть Рива сомкнулась у него на запястье. Кружка выпала из конвульсивно сжатой руки, а Рив позвал:

– Артур!

В «Лебеде» не было вышибалы, поскольку в этом никогда не возникало нужды. Но если необходимо было кого-нибудь урезонить, это делал Артур Теббетс. Артур работал скотником на ферме Сильверлейсов и был крупным, медлительным, добрым человеком, который сойдет с тропинки, только чтобы не наступить на червя.

– Пойдемте, мистер Ратов, – проговорил Артур, обнимая маленького упирающегося космополита всем своим мощным, унаследованным от предков-саксов корпусом. – Не стоит волноваться по мелочам. Это все джин, мистер Ратов. Я предупреждал вас. Не питье это для мужчины, мистер Ратов. А теперь пойдемте со мной и посмотрим, не будет ли вам лучше от глотка свежего воздуха. Думаю, будет.

Серж не собирался ни с кем и никуда идти. Он хотел остаться здесь и убить этого пришельца. Однако спорить с методами Артура еще не удавалось никому. Артур просто обнимал человека дружеской рукой и вел. Рука была как ствол березы, ее нажим – как напор оползня. Серж под этим нажимом пошел к двери, и они с Артуром вышли. Ни на мгновение не прекратил Серж извергать поток обвинений и оскорблений, и ни разу, насколько могли разобрать присутствующие, он не повторился.

Когда тонкий, визжащий голос замер за дверьми, все с облегчением зашевелились и снова обрели дар речи.

– Джентльмены, – произнес Тоби Таллис, – я приношу извинения от имени театра.

Но это было сказано недостаточно непринужденно. Вместо того чтобы по-актерски легко замять неприятный инцидент, Тоби Таллис напомнил, что он говорит от имени Английского театра. Как сказала Марта, все, что делал Тоби, было немного чересчур. Прошелестел веселый шепоток, все улыбнулись, но слова Тоби только усилили смущение жителей деревни.

Хозяин промокнул плечо Сирла полотенцем, которым он вытирал стаканы, и предложил пройти в жилое помещение за баром, где можно промыть чистой водой пиджак, чтобы убрать запах пива, пока он не впитался. Но Сирл отказался. Он вел себя очень мило, но, похоже, ему хотелось уйти. Уолтер подумал, что у него немного больной вид.

Они пожелали доброго вечера Тоби, который все еще объяснял темперамент Сержа с точки зрения театра, и вышли. Вечер был теплый.

– Часто он так шумит? – спросил Сирл.

– Ратов? Да он и раньше устраивал сцены, но такой – нет. До этого я никогда не видел, чтобы он применял физические меры воздействия.

Они встретили Артура, возвращавшегося к прерванному занятию, и Уолтер спросил, что стало с нарушителем спокойствия.

– Убежал домой, – ответил Артур, широко улыбаясь. – Полетел как стрела, выпущенная из лука. Мог бы зайца убить. – И пошел к своему пиву.

– Для обеда еще рановато, – сказал Уолтер. – Давайте вдоль реки и потом по луговой дорожке – домой. Простите за скандал, но, наверное, вы в своей работе привыкли к разным темпераментам.

– Ну, меня, конечно, обзывали по-всякому, но до сих пор никто ничем в меня не бросал.

– Могу поклясться, что и Люцифером со Среднего Запада до этого никто не догадался вас назвать. – Уолтер остановился, облокотился на перила моста под Милл-хаус и стал смотреть на отражение вечерней зари в водах Рашмера. – Быть может, старая мудрость верна и невозможно любить, не теряя головы. Когда испытываешь к кому-нибудь такую привязанность, как Серж к Тоби Таллису, наверное, перестаешь здраво судить о предмете.

– «Здорово»? – едко заметил Сирл.

– Да, все теряет свои истинные пропорции. Что, как мне кажется, является утратой здравомыслия.

Сирл долго молчал, уставившись на гладкие воды реки, которая медленно текла в сторону моста, а потом ударялась о него и начинала неожиданно истерично бурлить под ним, как всякая вода, наткнувшись на препятствие на своем пути.

– Здорово, – повторил Сирл, глядя на то место, где река теряла свободу и засасывалась в дренажную трубу.

– Я не говорю, что этот парень сумасшедший, – продолжал Уолтер. – Просто он потерял здравый смысл.

– А здравый смысл – такое уж необходимое качество?

– Изумительное качество.

– Ничего великого не родилось из здравого смысла, – заметил Сирл.

– Напротив. Отсутствие здравого смысла виновато практически во всяком зле в жизни человека – во всем, начиная с войн и кончая нежеланием ездить в автобусах. Я вижу свет в Милл-хаус. Должно быть, Марта вернулась.

Они посмотрели вверх на нависшую над ними светлую массу дома, блестящую в начинающихся сумерках, как блестит бледный цветок. Ту сторону дома, которая смотрела на реку, заливал свет из окна. В еще не совсем погасшем свете дня он казался ярко-желтым.

– Именно такой свет любит Лиз, – произнес Сирл.

– Лиз?

– Она любит, когда при дневном свете освещение кажется золотым. До того как темнота превратит его в белое.

Уолтеру впервые пришлось подумать о Сирле в связи с Лиз. До сих пор ему и в голову не приходило думать о них вместе, потому что он ни в коей мере не испытывал собственнических чувств по отношению к Лиз. Такое отсутствие собственничества можно было бы счесть добродетелью, не проистекай оно из того факта, что Уолтер воспринимал Лиз как нечто само собой разумеющееся. Если бы каким-либо гипнотическим способом можно было вытащить наружу глубинное подсознание Уолтера, обнаружилось бы, что он считает, будто Лиз прекрасно может позаботиться о себе. Конечно, сознательное мышление Уолтера шокировала бы даже тень такого соображения, но поскольку он совершенно не был склонен к самоанализу и почти не знал, что такое застенчивость (черта, позволявшая ему работать на радио, – то, что так восстанавливало против него Марту и одновременно делало его любимцем британской публики), самое большее, до чего простиралось его сознательное мышление, – это неколебимая уверенность, что Лиз его любит.

Уолтер знал Лиз так давно, что она уже ничем не могла его удивить. Естественно, он считал, что ему все известно о Лиз. Однако он не знал такой простой мелочи – что ей нравится искусственное освещение днем.

А пришелец Сирл узнал об этом.

Более того, запомнил.

Легкая рябь прошла по гладким водам чувств самодовольного Уолтера.

– Вы знакомы с Мартой Халлард? – спросил он.

– Нет.

– Это надлежит исправить.

– Я, конечно, видел ее на сцене.

– О, в чем?

– В пьесе, которая называлась «Прогулка в темноте».

– А, да. Марта была хороша в ней. Мне думается, это одна из ее лучших ролей, – произнес Уолтер и не стал развивать эту тему. Ему не хотелось говорить о «Прогулке в темноте». Это пробуждало воспоминание о Марте Халлард, но к нему примешивалось воспоминание о Маргерит Мэрриам.

– Наверное, сейчас зайти неудобно? – спросил Сирл, глядя вверх на лившийся из окна свет.

– Слишком близко время обеда. Марта не тот человек, к которому легко просто так зайти. Подозреваю, что именно поэтому она и выбрала уединенный Милл-хаус.

– Может быть, завтра Лиз отведет меня и представит.

Уолтер почти сказал: «Почему Лиз?» – но вспомнил, что завтра пятница и он весь день будет в городе. Пятница была днем его радиопередачи. Сирл помнил, что завтра Уолтера здесь не будет, а он сам забыл. Еще раз прошла легкая рябь.

– Угу. Или мы можем пригласить ее на обед. Она любит хорошую еду. Ладно, наверное, нам пора идти.

Но Сирл не двигался с места. Он смотрел на ряд ив, росших по краю гладкой поверхности темной, со свинцовым отблеском воды.

– Нашел! – сказал он.

– Что нашел?

– Тему. Связующее звено. Мотив.

– Для книги, вы имеете в виду?

– Да. Река. Рашмер. Как мы раньше не подумали об этом?!

– Река! Превосходно! Как же это мы?! Наверное, потому, что она не целиком орфордширская река. Но конечно же, это прекрасное решение. Такое много раз делалось и для Темзы, и для Северна. Не вижу, почему бы такому подходу не сработать и для небольшого Рашмера.

– Она даст разнообразие, необходимое для книги?

– Несомненно, – ответил Уолтер. – Лучше и быть не может. Она начинается в холмистой местности, сплошные овцы, и каменные стенки, и острые очертания. Потом немного пасторали: фермы с

красивыми домиками, большие сараи, и английские деревья в лучшем виде, и деревенские церкви, похожие на соборы. Потом Уикхем, квинтэссенция английских торговых городков. Виллан, который когда-то отправлялся из такого города в Лондон, чтобы поговорить с королем Ричардом, – тот же самый человек, который сегодня гонит овец к поезду, чтобы отправить в Аргентину. – Рука Уолтера потянулась к нагрудному карману, где лежала его записная книжка, но тут же опустилась. – Потом болота. Знаете, косяки гусей на вечернем небе. Огромные кучевые облака и волнующаяся трава. Потом порт – Мер-Харбор. Почти Голландия. Полный контраст тому, что осталось позади. Город с симпатичными оригинальными постройками и гавань с рыбацкими лодками и каботажными судами. Чайки, и отражения, и фасады. Сирл, это замечательно!

– Когда начнем?

– Ну, для начала – как мы будем двигаться?

– А лодку она вынесет?

– Только плоскодонку. Или скиф, там, где она расширяется под мостами.

– Плоскодонка, – с сомнением произнес Сирл. – Это с которой стреляют гусей?

– Приблизительно.

– Звучит не очень многообещающе. Лучше бы каноэ.

– Каноэ! Байдарка!

– А вы справитесь с ней?

– Я греб на ней однажды в детстве на декоративном пруду. И все.

– Ладно, по крайней мере, главное вы, надеюсь, схватили. Потом быстро вспомните это упражнение. А как далеко отсюда мы можем начать – на каноэ? Слушайте, это замечательная идея! Она даст нам даже название: «На каноэ по Рашмеру». Заглавие, в котором слышится легкое покачивание. Вроде «Барабанов могавков» или «Лампового масла в Китае».

– Первый отрезок пути нам придется пройти пешком. Там, где овцы. Дойти до Отли, а от Отли, думаю, речка возьмет каноэ. Хотя,

видит бог, я не уверен, что буду чувствовать себя в каноэ как дома. Небольшой груз мы можем перенести на плечах от истока реки – это, как мне говорили, родник где-то посреди поля – до Отли или Кейпла, а оттуда до моря пойдем на веслах. Завтра в городе я зайду к Кормаку Россу и расскажу ему про эту идею. Посмотрим, что он сможет предложить. Если ему наш план не понравится, у меня есть полдюжины других, которые ухватятся за него. Но Росс целиком в руках Лавинии, так что мы сможем прекрасно его использовать, если он согласится участвовать в игре.

– Конечно согласится, – проговорил Сирл. – Вы же здесь в графстве как персона королевских кровей, не так ли?

Если в шутке и скрывалось какое-то недоброе чувство, это было незаметно.

– Я бы предложил эту идею Дебхему, – сказал Уолтер. – Они делали мою книгу о жизни на фермах. Но я поссорился с ними из-за иллюстраций. Они были отвратительны, и книга плохо продавалась.

– Наверное, это было до того, как вы ушли на радио?

– О да. – Уолтер оттолкнулся от перил моста и пошел в сторону луговой тропинки и обеда. – Они отказались печатать мои стихи после книги о фермах, так что теперь я могу этим воспользоваться.

– Вы и стихи пишете?

– А кто не пишет?

– Я, например.

– Ну и балда! – добродушно бросил Уолтер.

И они пошли домой, обсуждая, как и какими путями они станут спускаться по Рашмеру.

Глава пятая

– Поедемте в город, зайдем вместе к Россу, – предложил на следующее утро за завтраком Уолтер.

Но Сирл захотел остаться в деревне. Это было бы кощунством, заявил он, провести хоть один день в Лондоне, когда в английской природе лопаются почки и все начинает зеленеть. Кроме того, он незнаком с Россом. Будет лучше, если Уолтер сам расскажет издателю об их предложении, а уж потом и он вступит в дело.

И Уолтер, хотя и был разочарован, не стал задерживаться на анализе истинной причины этого разочарования.

Однако, когда он в машине ехал в город, его мысли значительно меньше, чем обычно, были заняты радиопередачей и чаще, чем обычно, возвращались в Триммингс.

Он зашел к Россу и изложил ему план «На каноэ по Рашмеру». Росс изобразил восторг и позволил выторговать у себя дополнительно два с половиной процента по предварительному соглашению. Но конечно, ничего нельзя считать решенным, подчеркнул Росс, пока он не посоветуется с Кромарти.

Все вокруг полагали, что Росс взял Кромарти в партнеры ради забавы, ради благозвучия. Он прекрасно справлялся с делами сам, и с первого взгляда казалось, что у него нет причин связывать себя с партнером, тем более с таким бесцветным партнером, как Кромарти. Но в Кормаке текло многовато западношотландской крови – он с трудом говорил «нет». Он любил нравиться. И он использовал Кромарти как дымовую завесу. Когда автора можно было принять с распростертыми объятиями, это были объятия Кормака Росса. Когда же автора, увы, отклоняли, это делалось вследствие непримиримости Кромарти. Тот однажды заявил Россу в припадке гнева: «Вы могли бы, по крайней мере, показывать мне рукописи, которые я отклоняю!» Но это был исключительный случай. Как правило, те произведения, которые ему надлежало отклонить, Кромарти читал.

Теперь, выслушав предложение напечатать книгу нынешнего любимца британской публики, Росс произнес фразу о необходимости проконсультироваться со своим партнером чисто автоматически. При этом, однако, его круглое лицо сияло от удовольствия, и он повел Уолтера на ланч и угостил его бутылкой «Романе-Конти», что было напрасной тратой денег, так как Уолтер любил пиво.

Переполненный добрым бургундским и надеждой на чеки в перспективе, Уолтер отправился на радио, но его мозг опять стал выкидывать трюки и возвращаться мыслями в Сэлкотт, вместо того чтобы, как обычно, наслаждаться пребыванием в студии.

На половину своего времени в эфире Уолтер всегда приглашал гостя. Кого-нибудь, так или иначе связанного со Свежим Воздухом. Этого товара у Уолтера имелся такой запас, что можно было объявлять монополию Уитмора. Уолтер представлял Свежий Воздух в лице браконьера, овцевода из дальних районов Австралии, знатока птиц, зрителя Сатерленда, серьезной дамы, которая путешествовала, помещая желуди в банки, попадавшие ей по пути, молодой дилетантки, охотившейся с соколами, и любого другого, кто оказывался под рукой и хотел выступить. Вторую половину своего эфирного времени Уолтер говорил сам.

Сегодня его гостем был ребенок, у которого была ручная лиса, и Уолтер испугался, обнаружив, что мальчишка ему не нравится. Уолтер любил своих гостей. Он как бы пригревал их, защищал их, испытывая по отношению к ним чувство «все-мы-братья». Он никогда не любил человечество так всеохватно и глубоко, как во время получаса, когда он беседовал со своими гостями. И теперь, ощутив свое отстраненно-критическое отношение к Гарольду Диббсу и его глупой лисе, Уолтер расстроился. Он заметил, что у Гарольда недоразвит подбородок и, увы, он сам похож на лисицу. Может быть, лиса потому и жила у него, что чувствовала их родство. Уолтер устыдился этой мысли и попытался в виде компенсации придать своему голосу больше теплоты, чем следовало, так что его интерес к

гостю выглядел несколько натянуто. Гарольд Диббс и его лиса были первой неудачей Уолтера.

И его собственная беседа тоже прошла недостаточно успешно, чтобы стереть воспоминание о Гарольде. Беседа была на тему «Что сделали земляные черви для Англии». «Для Англии» было типично уитморовским штрихом. Другие могли рассказывать о Месте Земляных Червей в Природе, и всем было наплевать и на земляных червей, и на природу. А Уолтер насадил своего червя на шекспировский крючок и так мягко водил удочкой, что слушатели буквально видели кишасщие легионы слепых созданий, превративших серую скалу в Западном море в Зеленый Рай, именуемый Англией. Завтра утром, конечно, с первой же почтой с территории, что лежит севернее границы между Шотландией и Англией, придет пятьдесят семь писем, в которых будет указываться, что в Шотландии тоже есть земляные черви. Но это будет просто еще одним доказательством способности Уолтера творчески подойти к теме.

Уолтер имел обыкновение, ведя передачу, втайне обращаться к какому-нибудь определенному человеку – трюк, помогавший ему добиваться непосредственного, дружеского тона, который и был фирменным знаком Уолтера. Это не был реально существующий человек, и Уолтер никогда не представлял себе детально своего воображаемого слушателя. Просто он решал, что сегодня будет говорить «для старой дамы из Лидса», или «для маленькой девочки, лежащей в больнице в Бриджуотере», или «для смотрителя маяка в Шотландии». Сегодня он впервые подумал, что будет говорить для Лиз. Лиз всегда слушала его передачи – само собой разумеется, будет слушать и эту, – но воображаемый слушатель Уолтера настолько был частью представления, которое он давал, что ему раньше и в голову не приходило использовать Лиз как человека, к которому он обращался. Но сегодня, сейчас, какая-то таинственная потребность ощутить свою связь с Лиз, увериться, что она рядом,

заставила Уолтера отказаться от придуманного слушателя, и он обращался к Лиз.

Однако передача оказалась не столь удачной, как хотелось бы. Сама мысль о Лиз отвлекала внимание Уолтера от текста. Он вспоминал вчерашний вечер на реке, темнеющие ивы и единственную золотую звездочку на стене Милл-хаус. Свет, бледно-желтый, как нарцисс, – «такой, какой любит Лиз». Внимание Уолтера уходило в сторону от земляных червей и от Англии, он говорил с запинками, так что иллюзия спонтанности оказалась утерянной.

Удивленный и слегка раздосадованный, но все еще не слишком встревожившийся, он расписался в книге автографов, которую прислали на студию, разобрался, что делать: а) с приглашением присутствовать на крестинах, б) с просьбой прислать один из его галстуков, в) с девятнадцатью предложениями появиться в его программе «Свежий воздух» и г) с семью просьбами дать взаймы денег, – и направил свои стопы домой. Потом ему в голову пришла одна мысль, он остановил машину, зашел в магазинчик и купил коробку шоколадных драже для Лиз. Когда он совал коробку в отделение для перчаток, то подумал, что, пожалуй, давно ничего Лиз не привозил. А ведь приятно делать подарки. Надо практиковать это почаще.

Только когда город с его большим движением на улицах остался позади и впереди простерлась римская прямизна магистрального шоссе, на котором сейчас было мало машин, мысли Уолтера переключились на того, кто прятался за образом Лиз, – на Сирла. Сирл, Люцифер со Среднего Запада, по выражению бедного Сержа. Интересно, почему Люцифер? Люцифер, князь тьмы. В воображении Уолтера Люцифер всегда представал в образе великолепной, сверкающей фигуры шести с половиной футов ростом. Совсем не похоже на Сирла. Почему Сирл вызвал образ Люцифера в горячем мозгу Сержа Ратова?

Люцифер. Падший ангел. Красота, обернувшаяся злом.

Перед мысленным взором Уолтера стоял Сирл, который вместе с ним обходил ферму: светлая голова без шляпы, волосы развеваются на ветру, руки засунуты глубоко в карманы чисто английских спортивных брюк. Люцифер. Уолтер почти рассмеялся вслух.

Однако некоторая странность присутствовала, конечно, в красоте Сирла. Какая-то, как бы это сказать, неуместная черточка. Что-то не относящееся к миру мужчин.

Может быть, это и подсказало образ падшего ангела воспаленному мозгу Сержа?

Как бы то ни было, Сирл, похоже, славный парень, и они вместе будут делать книгу. И Сирл знает, что Уолтер обручен с Лиз, так что он не...

Уолтер не довел мысль до конца, даже наедине с самим собой. И ему не пришло в голову подумать над тем, как красота, напоминающая о падших ангелах, может воздействовать на молодую женщину, которая собирается выйти замуж за сотрудника Би-би-си.

Уолтер ехал домой на большей скорости, чем всегда. Он поставил машину в гараж, достал из отделения для перчаток любимые сласти Лиз и пошел вручить их ей и получить взамен поцелуй за проявленное внимание. У него были, кроме того, и другие хорошие новости: Кормаку Россу понравилась идея книги и он готов был хорошо заплатить за нее. Уолтер едва мог дождаться момента, когда войдет в гостиную.

Когда он проходил через баронский холл, там было тихо и холодно. Несмотря на анахронизм – обитые сукном двери, – пахло брюссельской капустой и тушеным ревенем. В гостиной, теплой и веселой, как всегда, находилась только Лавиния. Она сидела, поставив ноги на каминную решетку и разложив на коленях свежий выпуск претендующего на интеллектуальность еженедельника.

– Странное дело, – произнесла Лавиния, поднимая глаза от «Уотчмена». – Зарабатывать деньги писательством – это что, аморально?

– Хелло, тетя Вин. А где остальные?

– Этот листок благоговел перед Сайласом Уикли, пока тот не составил себе состояние. Эм наверху, полагаю. А остальные еще не вернулись.

– Не вернулись? Откуда?

– Не знаю. Они уехали после ланча в этой ужасной маленькой машине Билла Мэддокса.

– После ланча...

– «Ловкое повторение приема, которому столь же не хватает утонченности, как рекламе». Ну до чего тошнотворно! Да, мне сегодня во второй половине дня не нужна была Лиз, и они уехали. День был прекрасный, не правда ли?

– Но до обеда остается всего десять минут!

– Угу. Похоже, они опоздают, – произнесла Лавиния, пробегая глазами сюжет про избиение Сайласа Уикли.

Значит, Лиз не слышала радиопередачи! Он обращался к ней, а она даже не слушала. Уолтер был ошеломлен. Тот факт, что старая леди в Лидсе, ребенок в Бриджуотерской больнице, смотритель маяка в Шотландии тоже не слушали, не имел значения. Лиз *всегда* слушала. Это был ее долг – слушать. Он – Уолтер, ее жених, и, если он обращается ко всему миру, ей полагалось бы слушать. А она уехала с Лесли Сирлом, и, выходит, он говорил в пустоту. Она отправилась гулять, не подумав, что это пятница, день его радиопередачи, уехала бог знает куда, с Сирлом, парнем, которого знает всего неделю, и они застряли где-то. Ее здесь нет, она даже не может получить шоколад, привезенный ей в подарок. А он специально заезжал, чтобы купить его. Ужасно.

Потом приехал викарий. Все забыли, что он приглашен к обеду. Уж такой это был человек. И Уолтер провел еще пятнадцать минут с земляными червями, хотя был уже сыт ими по горло. Викарий слышал передачу и пришел от нее в восторг. Ни о чем другом говорить он не мог.

Вошла миссис Гарроуби, с достойным похвалы присутствием духа поздоровалась с викарием и ушла разогреть фасоль из банки, добавочное блюдо между рыбой и жарким, и приготовить печенье к тушеному ревеню.

Отсутствующая пара опаздывала на двадцать минут, и миссис Гарроуби решила не ждать их. К этому моменту мысли Уолтера приняли другое направление: он решил, что Лиз погибла. Она никогда не опаздывала к обеду. Она лежит где-нибудь в канаве. Может быть, машина на ней. Сирл – американец, а хорошо известно, что все американцы – отчаянные лихачи и не могут спокойно ездить по английским дорогам. Возможно, на повороте они врезались во что-нибудь.

Уолтер болтал ложкой в супе, сердце его сжималось от ужаса, но приходилось слушать, как викарий говорит о демонологии. Уолтер уже не раз слышал все, что викарий мог сказать по поводу демонологии, но это хоть позволяло уйти от обсуждения червей. Все-таки облегчение.

Когда сердце Уолтера совсем сжалось и стало похоже на сморщенный, почерневший гриб, в холле послышались веселые голоса Сирла и Лиз. Они влетели, запыхавшиеся, сияющие, несколько развязно выпалили извинения за свое опоздание и похвалили семейство за то, что их не стали ждать с обедом. Лиз представила Сирла викарию, но не подумала даже сказать хоть одно слово Уолтеру, прежде чем, как умирающий от голода беженец, наброситься на суп. Они рассказали, что объездили все графство. Сначала они осмотрели аббатство Твеллс и прилегающие деревни, потом они встретили Питера Мэсси и пошли взглянуть на его лошадей. Затем подбросили его в Кроум. Потом они пили чай в Кроуме, в «Звезде и Подвязке», и уже были на пути домой, когда наткнулись на кинотеатр, в котором показывали «Великое ограбление поезда». Конечно, они были не в силах упустить случай и не посмотреть «Великое ограбление». Им пришлось просидеть несколько коротких документальных лент до того, как началось

«Великое ограбление поезда», потому-то они и опоздали, – но подождать стоило.

Рассказ о «Великом ограблении поезда» занял бóльшую часть рыбной перемены.

– Как прошла передача, Уолтер? – спросила Лиз, протягивая руку за хлебом.

Плохо было уже то, что Лиз не сказала: «Я в отчаянии, оттого что пропустила твою передачу, Уолтер», но то, что она уделила передаче лишь малую толику своих мыслей – ту, что не была занята наполнением тарелочки для хлеба, – оказалось последней соломинкой.

– Викарий расскажет, – ответил Уолтер. – Он слушал.

Викарий рассказал *con amore*^[13]. Но ни Лиз, ни Лесли Сирл, как заметил Уолтер, не слушали его как следует. Один раз во время повествования, передавая что-то Сирлу, Лиз встретила с ним взглядом и быстро, дружески улыбнулась ему. Они были очень довольны собой, друг другом и тем, как провели день.

– Что сказал Росс про книгу? – спросил Сирл, когда викарий наконец замолчал.

– Он пришел в восторг от этой идеи, – ответил Уолтер, страстно жалея, что затеял совместную работу с Сирлом.

– Вы слышали, что они задумали, викарий? – спросила миссис Гарроуби. – Они собираются сделать книгу о Рашмере. От истоков до моря. Уолтер напишет текст, а мистер Сирл его проиллюстрирует.

Викарий одобрил идею и отметил классичность ее формы.

– Как собираетесь путешествовать – на своих двоих или на осле? – спросил он.

– Пешком примерно до Отли, – ответил Уолтер, – а оттуда по воде.

– По воде? Но в Рашмере, особенно в ее верхнем течении, полно коряг, – удивился викарий.

Ему сообщили, что они пойдут на каноэ. Викарий счел каноэ подходящим судном для такой реки, как Рашмер, но поинтересовался, где они возьмут его.

– Я сегодня говорил об этом с Кормаком Россом, – сказал Уолтер, – и он обещал узнать: может быть, у Килнера, на маленькой верфи в Мер-Харбор, оно найдется. Они строят все на свете. Джо Килнер был конструктором этой складной штуки – плота с палаткой, – на которой Мэнселл прошел по Ориноко во время своего последнего путешествия. Джо потом говорил, что, если бы вовремя подумать, он сделал бы плот глиссирующим. Сирл, я хотел предложить, чтобы мы с вами завтра поехали в Мер-Харбор и повидались с Килнером, – у вас нет других планов?

– Отлично, – отозвался Сирл. – Отлично.

Потом викарий спросил Сирла, любит ли тот рыбачить. Сирл не любил, но викарий любил. Вторым после демонологии коньком викария была ловля на искусственную мушку. Поэтому все остальное время обеда они слушали рассуждения викария о мушках с отдельным указанием того, как их можно использовать при смешивании цемента, изготовлении жевательной резинки и штопке носков, – вопросы, имеющие чисто теоретический интерес. При этом незанятая часть мыслей всех присутствующих работала каждая в своем направлении.

Уолтер решил, что маленький белый пакетик с шоколадом будет лежать на столе в холле, где он его оставил, идя обедать, пока Лиз не спросит, откуда это. Тогда он небрежно ответит, что это такое, и ее станут мучить угрызения совести: он думал о ней, а она забыла о нем совершенно.

Когда они вышли из столовой, Уолтер бросил взгляд в ту сторону, дабы убедиться, что пакетик на месте. Да, он был там. Однако Лиз, когда шла обедать, похоже, тоже положила на стол кое-что. Большую плоскую коробку конфет из самой дорогой кондитерской в Кроуме. Весом не меньше четырех фунтов. «Конфеты» – гласила размашистая надпись крупными дурацкими золотыми буквами через всю кремовую поверхность крышки. Коробка была перевязана широкой лентой с очень пышным бантом. Уолтер счел «Конфеты» кощунством, а ленту немисливо показной. Как это похоже на

американца – купить что-то большое и кричащее. Уолтера почти затошнило при виде этой коробки.

Тошнило его, конечно, не от коробки конфет.

Его тошнило от чувства, которое было древним уже тогда, когда конфеты еще не были изобретены.

Когда Уолтер наливал бренди Сирлу, викарию и себе, чтобы выпить перед кофе, он мысленно искал утешения и нашел его.

Сирл мог дарить Лиз сколько угодно коробок дорогих сладостей, но он, Уолтер, знал, какие были ее любимыми.

А может, Сирл знал и это? Может, в кондитерской в Кроуме не оказалось драже?

Уолтер снова наклонил бутылку с бренди. Сегодня вечером ему необходим был дополнительный глоток.

Глава шестая

Если можно сказать, что Эмму Гарроуби радовало хоть что-то, связывавшее Сирла и Триммингс, то это была идея книги. Книга обещала увести Сирла от домочадцев Триммингса на все оставшееся время его пребывания в Орфордшире, а когда путешествие по Рашмеру закончится, он уедет, и они никогда больше не увидят его. Пока что, насколько Эмма могла судить, ничего плохого не случилось. Лиз, конечно, нравилось общество этого типа, потому что оба они были молоды и, похоже, получали удовольствие от одних и тех же вещей и потому, естественно, что на него приятно смотреть. Однако не было никаких признаков, что Лиз серьезно увлечена. Она смотрела на Сирла, только когда обращалась к нему, никогда не следила за ним глазами, как это делают влюбленные девушки, в комнате никогда не садилась рядом с ним.

Несмотря на свои страхи, Эмма Гарроуби оказалась очень непонятливой.

Как ни странно, заметила неладное и обеспокоилась державшаяся особняком Лавиния. Беспокойство всколыхнулось и примерно через неделю вылилось в слова. Лавиния, как обычно, диктовала Лиз, но все время запинаясь. Это случалось так редко, что Лиз удивилась. Лавиния писала свои книги с необычайной легкостью, при этом бывала искренне заинтересована судьбой своей очередной героини. Потом она не могла вспомнить, которая из них – Дафна или Валери, – собирая на заре фиалки на Капри, встретила своего возлюбленного, однако, пока происходил процесс сбора цветов или встреча, Лавиния Фитч относилась к Дафне (или Валери) как крестная мать. А тут, в отличие от всех предыдущих случаев, она была рассеянна и испытывала большие затруднения. Она даже не могла запомнить, как выглядит Сильвия.

– На чем я остановилась, Лиз, на чем это я остановилась? – говорила Лавиния, шагая взад и вперед по комнате. Один карандаш

торчал в ее рыжих взлохмаченных волосах, похожих на воронье гнездо, другой, вконец изжеванный, был зажат в маленьких острых зубках.

– Сильвия выходит из сада. Через застекленную дверь балкона.

– А, да. «Сильвия остановилась в дверях, ее стройный силуэт вырисовывался на фоне света, ее большие голубые глаза были полны настороженности и сомнений...»

– Карие, – сказала Лиз.

– Что?

– Глаза. – Лиз перелистала назад несколько страниц рукописи. – Страница пятьдесят девять: «Ее карие глаза, прозрачные, как капли дождя на осенних листьях...»

– Хорошо, хорошо. «Ее большие карие глаза были полны настороженности и сомнений. Решительным, но грациозным движением она ступила в комнату, каблучки ее крошечных туфелек простучали по паркету...»

– Никаких каблучков.

– Что ты говоришь?

– Никаких каблучков.

– Почему?

– Она только что играла в теннис.

– Она могла переодеться, не так ли? – произнесла Лавиния с холодком в голосе, что было ей так несвойственно.

– Не думаю, – терпеливо возразила Лиз. – У нее все еще ракетка в руках. «Она прошла по террасе, слегка помахивая ракеткой».

– О, ну и пусть! – взорвалась Лавиния. – Спорю, она даже *играть* в теннис не умеет! На чем я остановилась? «Она вошла в комнату... она вошла в комнату, ее белая юбка развевалась» – нет, нет, подожди – «она вошла в комнату»... О, к черту Сильвию! – крикнула Лавиния, швыряя на стол свой изжеванный карандаш. – Какое кому дело, что делает эта идиотка! Пусть остается стоять в дверях и умрет от голода!

– В чем дело, тетя Вин?

- Не могу сосредоточиться.
- Вы чем-то обеспокоены?
- Нет. Да. Нет. Да, по крайней мере, думаю, что близка к этому.
- Не могу ли я помочь?

Лавиния запустила пальцы в воронье гнездо, выудила оттуда карандаш и удовлетворенно посмотрела на него:

– Смотри-ка, вот где мой желтый карандаш. – Она сунула его обратно в прическу. – Лиз, дорогая, не подумай, пожалуйста, что я вмешиваюсь или что-нибудь такое, но ты, случайно, немного не... не испытываешь чего-то к Лесли Сирлу? А?

Лиз подумала, как это похоже на ее тетку – употребить такой старомодный эдвардианизм, как «испытывать что-то». Ей всегда приходилось осовременивать язык Лавинии.

– Если под «испытывать что-то» вы имеете в виду «влюблена», успокойтесь, я не влюблена.

– Не знаю, то ли это, что я имею в виду. Если уж на то пошло, магнит любить не станешь.

– Что?! О чем вы говорите?

– Не полюбить, нет, не настолько. Плениться. Он восхищает тебя, ведь правда? – Она произнесла это не вопросительно, а утвердительно.

Лиз подняла голову, посмотрела в обеспокоенные детские глаза и, уклоняясь от ответа, спросила:

– Почему вы так думаете?

– Наверное, потому, что и я чувствую то же самое, – ответила Лавиния.

Это было так неожиданно, что Лиз потеряла дар речи.

– Я очень жалею, что пригласила его в Триммингс, – продолжала Лавиния с несчастным видом. – Но не будешь же ты отрицать, что этот человек выводит всех из душевного равновесия? Я уж не говорю о Серже и Тоби Таллисе...

– Это что-то новенькое!

– Они снова стали было друзьями, и Серж вел себя хорошо и работал, а теперь...

– Но Лесли Сирл в этом не виноват. Это было неизбежно. Вы же понимаете, что это так.

– И Марта как-то странно забрала его к себе после обеда у нас и долго не отпускала. Я хочу сказать, *таким образом* она присвоила его в качестве эскорта, не ожидая, что будут делать остальные.

– Но викарий должен был проводить домой мисс Юстон-Диксон. Марта знала это. Совершенно естественно, что викарий должен был пойти с мисс Диксон, им по пути.

– Дело не в том, *что* сделала Марта, дело в том – *как*. Она *захватила* его.

– О, это просто барственная манера Марты.

– Чепуха. Она тоже это почувствовала. За... зачарованность.

– Конечно, он необыкновенно привлекателен, – проговорила Лиз и подумала, что это клише абсолютно не отражает характера Лесли Сирла.

– Он... он сверхъестественный, – с несчастным видом произнесла Лавиния. – Другого слова нет. Смотришь и ждешь, что он теперь станет делать, словно это будет знак, или знамение, или откровение, или еще что-нибудь. – Она поймала на себе взгляд Лиз и добавила с вызовом: – Ведь *так*, правда?

– Да, – согласилась Лиз. – Наверное, что-то вроде этого. Как будто... как будто все, что он делает, любая мелочь приобретает значение.

Лавиния взяла со стола изжеванный карандаш и начала что-то машинально черкать на промокашке. Лиз заметила, что тетка рисует восьмерки. Должно быть, Лавиния действительно была взволнована: когда она бывала в хорошем настроении, она рисовала елочки.

– Понимаешь, очень странно, – проговорила Лавиния в раздумье. – Я чувствую такое же желание смыться из комнаты, в которой он находится, как если бы там находился известный преступник. Только он, конечно, гораздо более славный. Но то же

ощущение чего-то дурного. – Она яростно начертила несколько восьмерок. – Если бы он исчез сегодня вечером и кто-нибудь сказал, что это был просто красивый демон, а вовсе не человеческое существо, я бы поверила. Помоги мне Бог, поверила бы.

Тут она опять швырнула карандаш на стол и произнесла с легким смешком:

– И тем не менее все это совершенная нелепица. Смотришь на него, пытаешься найти, что в нем такого необыкновенного, – и что? Ничего. Светло-золотые волосы, кожа как у младенца. У того норвежского корреспондента «Кларион», которого Уолтер приводил к нам домой, было все то же самое. Сирл необыкновенно изящен для мужчины, но и Серж Ратов изящен. У Сирла приятный мягкий голос и такая милая медлительная манера речи, но половина жителей Техаса и бóльшая часть населения Ирландии говорит так же. Перечисли все его привлекательные черты – и что получишь в итоге? Могу сказать, чего не получишь. Не получишь Лесли Сирла.

– Да, – задумчиво произнесла Лиз. – Да. Не получишь.

– Самое главное, самое притягательное ускользает. Что делает его столь отличным от других? Знаешь, даже Эмма это чувствует.

– Мама?

– Только это оказывает на нее обратное действие. Она не выносит его. Она достаточно часто не одобряет тех, кого я приглашаю в дом, иногда испытывает неприязнь к ним, но Лесли Сирла она *ненавидит*.

– Она говорила вам?

– Нет. Это и так видно. Слов не требуется.

Да, подумала Лиз. Не требуется. Лавиния Фитч, милая, добрая, рассеянная Лавиния, изготовительница романов для вечных подростков, обладала, оказывается, интуицией писателя.

– Какое-то время я даже думала, не потому ли это, что он немного сумасшедший, – сказала Лавиния.

– Сумасшедший?!

– Только чуть-чуть, конечно. Есть какая-то дьявольская притягательность в людях, которые безумны в каком-нибудь одном

отношении и при этом совершенно здоровы во всех остальных.

– Лишь в том случае, если вы знаете об их безумии, – заметила Лиз. – Вам должны быть известны их заскоки, только тогда вы ощутите их «дьявольскую притягательность».

Лавиния подумала.

– Да, наверное, ты права. Но это не важно, потому что я для себя решила, что теория «сумасшествия» не проходит. Я никогда не встречала в этом доме никого столь здравомыслящего, как Лесли Сирл. А ты?

Лиз не встречала.

– А тебе не кажется, – проговорила Лавиния, снова принимаясь что-то машинально рисовать и избегая глаз племянницы, – что Уолтер тоже начинает обижаться на Лесли Сирла?

– Уолтер?! – воскликнула удивленно Лиз. – Ну конечно нет. Они лучшие друзья.

Лавиния, семью точными взмахами карандаша построившая дом, пририсовала ему дверь.

– Почему вы сказали так про Уолтера? – спросила Лиз, как бы бросая вызов.

Лавиния прибавила четыре окна и трубу и разглядывала полученный результат.

– Потому что он так внимателен к нему.

– Внимателен! Но Уолтер *всегда*...

– Когда Уолтер кого-то любит, он принимает этого человека как нечто само собой разумеющееся, – объяснила Лавиния, пририсовывая дым. – Чем больше он его любит, тем меньше обращает на него внимания. Он даже тебя считает чем-то безусловно данным – как ты, несомненно, заметила еще раньше. До последнего времени он и Лесли Сирла принимал как нечто само собой разумеющееся. А сейчас нет.

Лиз молча обдумывала сказанное.

– Если бы Уолтер не любил его, – наконец произнесла она, – он бы не согласился отправиться с ним по Рашмеру и не стал бы делать

книгу. Разве не так? – добавила она, потому что Лавиния, казалось, полностью погрузилась в точное изображение дверной ручки-шарика.

– Книга обещает быть очень доходной, – проронила Лавиния чуть-чуть суховато.

– Уолтер никогда не стал бы сотрудничать с человеком, который ему не нравится, – решительно заявила Лиз.

– Уолтеру, наверное, трудно было бы объяснить, почему он после всего отказывается писать книгу, – докончила свою мысль Лавиния, как будто не слыша того, что сказала Лиз.

– Почему вы *мне* это говорите? – полусердито спросила Лиз.

Лавиния перестала черкать и произнесла обезоруживающим тоном:

– Лиз, дорогая, я и правда не знаю. Наверное, я надеялась, что ты найдешь какой-нибудь способ успокоить Уолтера. Как ты, умница, умеешь это делать. То есть не ставя точки над «и». – Она поймала взгляд Лиз и добавила: – О да, ты умница. Уолтеру до тебя далеко. Он не очень умен, бедный Уолтер. Лучшее, что с ним случилось, – это то, что ты полюбила его. – Лавиния оттолкнула от себя исчерканную промокашку и неожиданно улыбнулась. – Знаешь, я думаю, это совсем не так плохо, что у него появился соперник, с которым он должен бороться. Если, конечно, это все несерьезно.

– Конечно, это все несерьезно, – заверила ее Лиз.

– Тогда выведем, пожалуй, эту идиотку из дверей и до ланча закончим главу, – решила Лавиния и, взяв карандаш, снова принялась жевать его.

Однако все время, пока Лиз писала о действиях «идиотки Сильвии» (ради пользы библиотек, выдающих книги на дом, и внутреннего департамента государственных налогов), шок, который она испытала, не проходил. Ей раньше и в голову не приходило, что ее отношение к Сирлу может интересовать еще кого-то, помимо нее самой. Теперь оказалось, что Лавиния осведомлена о ее чувствах. Тетка даже намекала, что Уолтер тоже знает. Но это невероятно! Как

он узнал? Лавиния все поняла, потому что, как она честно призналась, сама стала жертвой чар Сирла. Но с Уолтером этого случиться не могло!

И все же Лавиния совершенно права. Первоначальное восприятие Уолтером Сирла как данности сменилось отношением хозяина к гостю. Все изменилось незаметно, причем моментально, накануне вечером. Что могло это вызвать? Несчастное совпадение с двумя коробками конфет, такими разными? Но неужели взрослый человек стал бы терзаться из-за этого? Купить девушке конфеты – это у американцев просто рефлекс, такой же безусловный, как пропустить ее вперед в дверях. Вряд ли Уолтер мог обидеться на это. Как же тогда Уолтер догадался о тайне, которая объединяла с ней, Лиз, ее товарища по несчастью – Лавинию?

Лиз продолжала перебирать в мыслях слова Лавинии и собственные ощущения. Она вспомнила, что один пункт Лавиния в своих обвинениях упустила – пренебрежение Тоби Таллисом. Интересно, подумала Лиз, тетка не упомянула об этом по неведению или просто потому, что ей не было дела до страданий Тоби? А Тоби, как было известно всей деревне, испытывал утонченные танталовы муки. С безразличием, которое даже трудно вообразить, Сирл отказался прийти посмотреть Ху-хаус или принять участие в каком-нибудь другом мероприятии, которое Тоби с радостью готов был организовать для него. Он даже не проявил никакого интереса, когда Тоби предложил отвести его в Стенурт и представить хозяевам. Такого с Тоби не случалось никогда. Право свободно бывать в герцогском великолепии Стенурта всегда было его козырной картой. До сих пор он никогда не разыгрывал ее впустую. С американцами этот трюк удавался особо успешно. Но не с этим. Сирл не хотел ничего принимать от Тоби Таллиса и дал это понять самым очаровательно-вежливым образом. Он устроил изящную обструкцию, за которой, несмотря на ее едкость, забавно было наблюдать. Интеллектуальные силы деревни Сэлкотт следили за ней с откровенным восхищением.

Это-то и сдирало кожу с Тоби.

То, что Лесли Сирл пренебрегал им, было достаточно плохо само по себе, но сознавать, что об этом знает вся деревня, – это была пытка.

Честно говоря, приезд Лесли Сирла не был таким уж радостным событием для Сэлкотт-Сент-Мэри, подумала Лиз. Из всех людей, с которыми он соприкоснулся, вероятно, только мисс Юстон-Диксон была искренне рада его появлению. Сирл был очень мил с мисс Диксон, добродушно и терпеливо отвечал на ее бесконечные вопросы, как будто сам был женщиной и ему была интересна болтовня о мире кино. Он выложил ей весь свой небольшой запас сплетен о делах Голливуда и обменивался с ней мнениями о фильмах хороших и фильмах плохих до тех пор, пока Лавиния не сказала, что они похожи на парочку домохозяек, обменивающихся рецептами.

В тот вечер, когда у них обедала Марта, в какой-то момент Лиз, наблюдавшую за Сирлом и мисс Диксон, охватил ужасный страх, что она может влюбиться в Лесли Сирла. Лиз до сих пор благодарна Марте, что та помогла ей успокоиться. Потому что потом, когда Марта реквизировала Сирла и увела его за собой в темноту, а Лиз не почувствовала при этом ни малейшей дрожи, тогда она поняла, что, как бы велика ни была привлекательность Сирла, она не пала ее жертвой.

Теперь же, записывая действия «идиотки Сильвии», Лиз решила, что последует совету Лавинии и найдет способ успокоить Уолтера. Пусть он отправится в путешествие с радостью в сердце и не держит зла на Сирла. Когда они вернутся из Мер-Харбора – а они уже стали обладателями двух каноэ и организовали их доставку в Отли, где лодки будут их дожидаться, – Лиз придумает что-нибудь специально для Уолтера, какой-нибудь особенный tête-à-tête^[14]. А то последнее время слишком часто образовывался треугольник.

А может быть, слишком часто tête-à-tête оказывался неудачным?

Глава седьмая

Уолтер приветствовал идею плавания на каноэ не потому, что предвкушал удовольствие оттого, что придется скрючиться в маленькой неудобной лодке, а потому, что это даст ему «сюжет». Чтобы книга имела успех, в ней должны быть «приключения», а необычный способ передвижения – самый легкий путь обеспечить их. Трудно ожидать оригинального происшествия, если едешь в комфортабельной машине. А ходьба пешком утратила свой престиж, превратившись во всеобщее увлечение. Теперь это называлось «совершать экскурсии». Уолтер, который прошел пешком изрядную часть Европы с зубной щеткой и запасной рубашкой в кармане плаща, был бы рад прогуляться по долине Рашмер, но понимал, что таким образом он не может надеяться удовлетворить ожидания современных приверженцев подобных прогулок. Способ «зубная щетка плюс рубашка» только вызовет недоумение у энтузиастов-мазохистов, которые бредут нагруженные, обутые в тяжелые, иногда даже подкованные сапоги, уставившись остекленелым взглядом на горизонт, похожие больше на Атласов, чем на Одиссеев. А проехать по долине в качестве случайного попутчика кукольного театра Панча и Джуди – это могло бы весьма плодотворно сказаться на книге, но несколько унизило бы собственное достоинство человека, сделавшего сферу Свежего Воздуха почти своей монополией.

Поэтому Уолтер приветствовал идею каноэ. А за последнюю неделю он стал приветствовать эту идею и по совершенно другой причине.

В машине или пешком, ему пришлось бы день за днем находиться бок о бок с Лесли Сирлом, а в каноэ он практически будет избавлен от него. Уолтер достиг той стадии, когда самый звук спокойной тягучей речи Сирла раздражал его настолько, что приходилось постоянно следить за собой. Даже смутно понимая, что смешон, он не мог подавить это чувство раздражения. Последней соломинкой

было то, что Лиз стала добра по отношению к нему, Уолтеру. Он никогда не анализировал отношение Лиз к себе, оно всегда представлялось ему безупречным. Иначе говоря, Лиз проявляла спокойную, нетребовательную преданность, а после восьми месяцев отношений с Маргерит Мэрриам Уолтер считал это идеалом поведения женщины. И вот Лиз стала выказывать доброту. Сам с собой Уолтер называл это «снизошла». Если бы не его новое видение Лиз, он мог бы и не заметить перемены. Но Лиз теперь вышла в мыслях Уолтера на передний план, и он анализировал малейшее ее слово, каждое мимолетное выражение ее лица. И поймал ее на том, что она старается быть доброй с ним. Доброй! С ним. С Уолтером Уитмором.

Это переворачивало все имеющиеся представления, это было неприлично, и ничего этого не произошло бы, если бы не присутствие Лесли Сирла. Когда он думал о Лесли Сирле, Уолтеру постоянно приходилось держать себя в руках.

Они собирались каждую ночь разбивать лагерь, если позволит погода. И этому Уолтер тоже был рад. Не только потому, что таким образом он получал возможность смотреть на Большую Медведицу сквозь густеющие кроны дубов или описывать ночную жизнь полей и реки. Это позволяло ему избежать совместного пребывания с Сирлом в тесной компании какой-нибудь крошечной деревенской гостиницы. С бивака можно уйти побродить одному, ничего не сказав, а с постоялого двора не уйдешь.

Каноз окрестили «Пип» и «Эмма»: Рашмер, считал Сирл, место, где время застыло на послеполудне^[15]; и миссис Гарроуби была очень недовольна, обнаружив, что «Эмма» досталась Сирлу. Но гораздо сильнее ее приводил в уныние еще один факт: она внезапно поняла, что избавиться от Сирла не удастся и после окончания путешествия. Похоже, ради книги придется прибегнуть к маленькому жульничеству. Дело в том, что для фотографирования больших панорамных пейзажей требовалось аппаратуры больше, чем можно было погрузить на каноз, где уже лежали спальный мешок и палатка.

Поэтому решили, что позже Сирл вернется и сфотографирует необходимые для панорам фрагменты.

Однако, какие бы подземные толчки ни сотрясали Триммингс – дурные предчувствия Лавинии, обиды Уолтера, ощущение вины у Лиз, ненависть к Сирлу у Эммы, – на поверхности жизнь текла гладко. Солнце сияло с невероятной силой, что так характерно для Англии ранней весной – до того, как деревья оденутся листвой. Вечера были безветренными и теплыми, как летом. И Сирл, стоя однажды вечером, после обеда, на каменной террасе, сказал, что Эта Англия вполне стоит Той Франции.

– Напоминает летний вечер в Вильфранше, – пояснил он. – До сих пор это был мой критерий волшебства. Блики на воде и последняя лодка, где-то между часом и двумя ночи торопящаяся к кораблю.

– К какому кораблю? – спросил кто-то.

– Все равно к какому, – лениво отозвался Сирл. – Я не знал, что вероломный Альбион может быть таким волшебным.

– Волшебство! – воскликнула Лавиния. – Ну, тут мы фирма, держащая пальму первенства с доисторических времен.

Они немного посмеялись и почувствовали, что снова друзья. И ничто не нарушало этого чувства до самого момента, когда Уолтер и Сирл в пятницу отправились путешествовать по Англии. Уолтер, как обычно, провел передачу, вернулся домой к обеду (который в «радиодень» всегда откладывался часа на полтора), и они все выпили за успех «На каноэ по Рашмеру».

Был теплый весенний вечер, и Лиз отвезла путешественников миль на двадцать вверх по течению Рашмера к месту их старта. Они собирались провести ночь в Грим-хаус – пещере в холмах над выгоном, где начиналась река Рашмер. Уолтер заявил, что очень удачно, если они начнут свой рассказ с места, связанного с доисторическими временами, но Сирлу глубокая древность именно этого места казалась сомнительной. Вряд ли, заявил он, бóльшая часть Англии произошла от Грима, кем бы он ни был.

Лиз довезла их до места, где проселок кончался, и вместе с ними прошла около сотни ярдов по заросшей травой тропинке, желая посмотреть их убежище на эту ночь. Все трое были очень веселы, тем более после хорошего обеда, и немного пьяны от волшебства ночи. Мужчины сбросили сумки с едой и спальные мешки и пошли проводить Лиз обратно к машине. Когда все на какое-то мгновение замолчали, их поразила тишина вокруг. Они остановились и прислушались, стараясь уловить хоть какой-то звук.

– Как мне не хочется возвращаться домой, под крышу, – нарушила молчание Лиз. – Эта ночь – из доисторических времен.

Однако она уехала по проселку с выбитой в траве колеей, отбрасывая фарами зеленоватые, казавшиеся металлическими пятна света на темную траву, оставив мужчин тишине и древней истории.

После этого путешественники стали голосами в телефоне.

Каждый вечер они звонили в Триммингс из какого-нибудь паба или из телефона-автомата и докладывали о своем продвижении. Они благополучно добрались до Отли, нашли там ожидавшие их каноэ, спустили свои суда на воду и пришли от них в восторг.

Первая записная книжка Уолтера была уже заполнена, а Сирл был очень лирично настроен. Красота Англии, еще только чуть-чуть припудренная начинающимся цветением, покорила его. Из Кейпла он специально позвонил Лавинии, чтобы сказать, что она права: у Англии действительно право первенства на все, что касается волшебства.

– Похоже, они очень довольны, – произнесла Лавиния с полусомнением-полуоблегчением в голосе, повесив трубку. Ей очень хотелось поехать повидать путешественников, но уговор был таков: якобы они иностранцы и спускаются в чужой стране по реке мимо Сэлкотт-Сент-Мэри, как будто никогда тут не бывали.

– Вы все мне испортите, если привнесете в нашу затею Триммингс, – заявил Уолтер. – Мне необходимо увидеть все так, будто я раньше ничего этого не видел. Пейзаж, я имею в виду. Увидеть свежим глазом и словно в первый раз.

Так что в Триммингсе каждый вечер ждали их телефонного отчета, слегка улыбаясь этому воображаемому водовороту новых впечатлений.

А потом в среду вечером, через пять дней после старта, Уолтер с Сирлом вошли в «Лебедь». Все присутствующие без исключения приветствовали их как рашмерских Стэнли^[16] и стали угощать выпивкой. Они объяснили, что причалили у Пэтт-Хатч и не смогли устоять перед соблазном пройти полями в Сэлкотт. По воде от Пэтт-Хатч до Сэлкотта две мили вниз по реке, но Рашмер здесь делает петлю, и полем от одного места до другого – всего миля. В Пэтт-Хатч нет постоянного двора, поэтому они луговой тропинкой пришли в Сэлкотт, в привычную гавань «Лебеда».

Сначала разговор был общим: каждый вошедший расспрашивал их о путешествии. Потом Уолтер взял свое пиво и отнес его к любимому столику в углу, а немного погодя и Сирл последовал за ним. Несколько раз после этого то один, то другой посетитель, стоявший у стойки, делал одно-два движения в их сторону, как бы желая снова вовлечь их в беседу, однако, раздумав, останавливался: кое-что в поведении этой пары казалось странным. Они не ссорились, просто что-то очень личное и важное, сквозившее в их отношении друг к другу, не позволяло другим присоединиться к ним.

А потом, совершенно неожиданно, Уолтер ушел.

Он вышел тихо, не пожелав никому спокойной ночи. Только звук захлопнувшейся двери привлек общее внимание к его уходу. Это было весьма красноречивое хлопанье, яростное и как бы ставящее окончательную точку. Очень многозначительный уход.

Присутствующие перевели взгляд с двери на недопитое пиво возле опустевшего места Уолтера и решили, что, несмотря на сердитое хлопанье дверью, Уолтер вернется. Сирл сидел спокойно, расслабившись; он откинулся к стенке и слегка улыбался. Билл Мэддокс, вдохновленный тем, что разрядилось какое-то непонятное напряжение, нависшее как туча в углу небосклона, подсел к Сирлу. Они поговорили о подвесных моторах, обсудили достоинства

клинкерного кирпича по сравнению с гладким. Тем временем их кружки опустели. Когда Мэддокс встал, чтобы пойти наполнить их, его взгляд упал на кружку Уолтера: поверхность жидкости в ней стала совсем гладкой. Мэддокс сказал:

– Пожалуй, я принесу другую для мистера Уитмора. Это пиво уже выдохлось.

– О, Уолтер отправился спать, – остановил его Сирл.

– Но еще только... – начал было Мэддокс и понял, что был близок к тому, чтобы сказать бестактность.

– Да, верно, но он решил, что так будет лучше.

– У него что-нибудь болит?

– Нет, но, останься он здесь подольше, он, пожалуй, задушил бы меня, – улыбаясь, проговорил Сирл. – А в школе, где учился Уолтер, плохо относились к удушению. Он убежал от соблазна. Буквально.

– Вы действуете на нервы бедному мистеру Уитмору? – спросил Билл, чувствуя, что понимает этого молодого американца гораздо лучше, чем Уолтера Уитмора.

– Ужасно, – произнес Сирл, отвечая улыбкой на улыбку Билла Мэддокса.

Мэддокс прищелкнул языком и пошел за пивом.

Вскоре разговор стал общим. Сирл оставался до самого закрытия, пожелал спокойной ночи Риву, хозяину паба, когда тот запирает за ними двери, и вместе со всеми пошел по деревенской улице. Потом, сопровождаемый насмешливыми выражениями сочувствия по поводу отсутствия у него уютной постели и в свою очередь обвиняя остальных в приверженности к спертому воздуху и в том, что кровь у них в сосудах стала медленно течь, он свернул в узкий проулок между домами, который вел к полям.

– Доброй ночи! – крикнул Сирл, уходя по проулку.

Больше в Сэлкотт-Сент-Мэри никто никогда не видел Лесли Сирла.

Сорок восемь часов спустя Алан Грант приступил к расследованию.

Глава восьмая

Грант только что вернулся из Хэмпшира. Случай, которым он занимался, закончился самоубийством, и он все еще мысленно возвращался к нему и раздумывал, можно ли было, действуя по-другому, привести дело к иному исходу. Поэтому он лишь вполуха слушал то, что говорил его начальник. Вдруг знакомое название привлекло внимание Гранта.

– Сэлкотт-Сент-Мэри? – переспросил Грант.

– А что? – ответил вопросом на вопрос Брюс, прерывая свой рассказ. – Вы знаете это место?

– Я никогда там не был, но слышал о нем, конечно.

– Почему «конечно»?

– Это что-то вроде богемного притона. В это место произошла миграция интеллигенции. Сайлас Уикли живет там, и Марта Халлард, и Лавиния Фитч. У Тоби Таллиса тоже есть там дом. Кстати, это не Тоби Таллис пропал? – спросил Грант с надеждой в голосе.

– Увы, нет. Это парень по имени Сирл. Лесли Сирл. Молодой американец, кажется.

На мгновение Грант снова оказался в дверях набитой людьми комнаты Кормака Росса и услышал голос, говоривший: «Я забыл свой мегафон». Значит, этот красивый юноша исчез.

– Орфордшир говорит, что они хотели бы передать это дело в наши руки не потому, что считают загадку неразрешимой, а потому, что дело это крайне деликатное. Они думают, что нам легче провести расследование среди местных шишек, и если надо будет кого-то арестовать, они предпочтут, чтобы это сделали мы.

– Арестовать? Они что, подозревают убийство?

– Они сильно склоняются к этой версии, так я понял. Однако, как сказал мне местный инспектор, когда произносишь все вслух, это звучит так абсурдно, что у них не хватает духу даже выговорить имя.

– Чье имя?

– Уолтера Уитмора.

– *Уолтер Уитмор!* – Грант беззвучно присвистнул. – Неудивительно, что они не хотят произнести это имя вслух. И что, как они предполагают, он сделал с Сирлом?

– Они не знают. Все, что у них есть, это намек на ссору перед исчезновением. Кажется, Уолтер Уитмор и Сирл спускались по Рашмеру на каноэ и...

– На каноэ?..

– Да, такой вот номер. Уолтер Уитмор должен был описать путешествие, а этот парень Сирл – сделать иллюстрации.

– Значит, он художник?

– Нет. Фотограф. Они каждый вечер разбивали лагерь и в ночь со вторника на среду собирались ночевать на берегу реки примерно в миле от Сэлкотта. В тот вечер они оба пришли в паб в Сэлкотте выпить пива. Уитмор ушел рано – вроде бы в дурном настроении, как утверждают. Сирл оставался до самого закрытия, и все видели, как он пошел по дорожке, ведущей к реке. После этого его никто больше не видел.

– Кто заявил об исчезновении?

– Уитмор – на следующее утро. Когда он проснулся и обнаружил, что Сирла нет в его спальном мешке.

– Он вообще не видел Сирла вечером во вторник, после того как ушел из паба?

– Не видел. Он говорит, что сразу заснул, и хотя просыпался ночью, считал, что Сирл вернулся и спит. Только когда рассвело, он понял, что Сирла нет.

– Я полагаю, версия такова, что Сирл упал в реку.

– Да. Люди из Уикхема взялись и протралили ее в поисках тела. Но между Кейплом и Сэлкотт-Сент-Мэри дно очень вязкое, так что они ничуть не удивились, не найдя ничего.

– Понятно, почему они не хотят связываться с этим делом, – произнес Грант сухо.

– Да. Оно слишком деликатное. Никаких намеков, только происшествие. И – большой вопросительный знак.

– Но... но... *Уолтер Уитмор!* – воскликнул Грант. – Знаете, в этом с самого начала есть что-то абсурдное. Что общего у этого любителя крольчат с убийством?

– Вы достаточно давно в полиции, чтобы знать, что именно такие любители крольчат и совершают убийства, – огрызнулся шеф. – Во всяком случае, ваше дело – просеять этот ваш богемный притон сквозь самое мелкое сито и посмотреть, что останется. Вам лучше взять машину. Уикхем говорит, что оттуда до станции четыре мили и, кроме того, в Кроуме пересадка.

– Очень хорошо. Вы не против, если я возьму с собой сержанта Уильямса?

– В качестве шофера или как?

– Нет, – добродушно ответил Грант. – Просто чтобы он знал план действий. Тогда, если вы отзовете меня оттуда для чего-нибудь более важного – а вы можете сделать это в любой момент, – Уильямс продолжит дело.

– Вы выдумываете самые убедительные оправдания, чтобы вздремнуть в машине.

Грант совершенно справедливо счел это капитуляцией и пошел искать Уильямса. Он любил Уильямса и любил работать с ним. Уильямс был и противоположностью Гранта, и его дополнением. Он был большой, румяный, двигался медленно и редко читал что-нибудь, кроме вечерней газеты, но у него были качества терьера, незаменимые на охоте. Никакой терьер у крысиной норы не проявлял больше терпения и упорства, чем Уильямс, когда он собирал факты. «Не хотел бы я иметь вас у себя на хвосте», – много раз говорил ему Грант за годы их совместной работы.

Для Уильямса же Грант был олицетворением всего блестящего и импульсивного. Он страстно восхищался Грантом и по-доброму завидовал ему. У Уильямса не было амбиций, и он не домогался чужого места. «Вы не знаете, какой вы счастливчик, сэр, что не

похожи на полицейского, – говорил Уильямс. – Я... я войду в паб, они только взглянут на меня и сразу думают: коп! А с вами – они взглянут на вас и делают вывод: военный в штатском платье. И ничего другого про вас не думают. Это большое преимущество в такой работе, как наша, сэр».

– Но у вас есть преимущества, которых нет у меня, – заметил однажды Грант.

– Какие, например? – недоверчиво спросил Уильямс.

– Вам стоит только сказать: «Разбегайсь!» – и люди как будто растворяются в воздухе. А когда я говорю где-нибудь: «Разбегайсь!» – все только что не отвечают: «К кому, как вы полагаете, вы обращаетесь?»

– Храни вас Бог, сэр, – произнес Уильямс. – Вам даже не нужно говорить «Разбегайсь!». Вы просто посмотрите на них, и они тут же вспоминают, что у них назначено свидание.

Грант рассмеялся:

– Надо будет как-нибудь попробовать!

Но ему нравилось вежливое преклонение Уильямса, а еще больше нравились надежность и упорство своего верного подчиненного.

– Вы слушаете Уолтера Уитмора, Уильямс? – спросил Грант, когда Уильямс уже вел машину по прямой как стрела дороге, проложенной легионами еще две тысячи лет назад.

– Не могу этого сказать, сэр. Я не очень-то люблю деревню. Родиться и вырасти в деревне – это помеха.

– Помеха?

– Да. Знаешь, как она действительно выглядит в будни.

– Больше Сайлас Уикли, чем Уолтер Уитмор?

– Я не знаю про этого малого, Сайласа, но деревня абсолютно не похожа на то, как ее изображает Уолтер Уитмор. – Уильямс немного подумал. – Он как аристократ-костюмер. Посмотрите на это путешествие по Рашмеру.

– Смотрю.

– Я хочу сказать: что мешало ему жить дома у тетки и проехать по долине реки, как доброму христианину, на машине? Рашмер не такой уж длинный. Так нет, ему потребовались эти ужимки с каноэ и всем прочим.

Упоминание тетки Уитмора подсказало Гранту следующий вопрос:

– Полагаю, вы не читаете романы Лавинии Фитч?

– Я – нет, но Нора читает.

Нора – это миссис Уильямс, мать Анджелы и Леонарда.

– Ей нравится?

– Она их обожает. Говорит, что только три вещи позволяют ей почувствовать себя уютно: бутылка с горячей водой, четверть фунта шоколада и новый роман Лавинии Фитч.

– Если бы мисс Фитч не существовало, ее следовало бы выдумать, – проговорил Грант.

– Наверное, сколотила целое состояние, – отозвался Уильямс. – Уитмор – ее наследник?

– Во всяком случае, предполагаемый наследник. Но исчезла-то не Лавиния.

– Угу. А что мог Уолтер иметь против этого парня – Сирла?

– Может быть, он в принципе не переносит фавнов.

– Кого, сэр?

– Я один раз видел Сирла.

– Да ну!

– Я говорил с ним на ходу – на вечеринке с месяц назад.

– Как он выглядит, сэр?

– Очень красивый молодой человек.

– О-о! – глубокомысленно протянул Уильямс.

– Нет, – сказал Грант.

– Нет?

– Американец, – уточнил Грант не к месту. А потом, вспомнив вечеринку, добавил: – Кажется, его интересовала Лиз Гарроуби, как я теперь припоминаю.

– Кто это – Лиз Гарроуби?

– Невеста Уолтера Уитмора.

– И он? Ну-ну!

– Не спешите с выводами, пока мы не собрали каких-нибудь фактов. Не могу поверить, что в Уолтере Уитморе течет достаточно красная кровь, чтобы стукнуть человека по голове и спихнуть в реку.

– Да, – согласился Уильямс, подумав. – Пожалуй, он мямля.

Это замечание привело Гранта в хорошее настроение, которое сохранялось весь остаток пути.

В Уикхеме их встретил местный инспектор Роджерс, худой озабоченный человек, по виду которого можно было предположить, будто он плохо спал. Однако он был наблюдателен, охотно делился информацией и проявил изрядную предусмотрительность: заказал две комнаты в «Лебеде» в Сэлкотте и две в «Белом олене» в Уикхеме, так что Гранту предоставлялось право сделать выбор. Роджерс повел их на ланч в «Белый олень», где Грант сказал, что жить они будут здесь, в Уикхеме, и попросил отменить заказ в Сэлкотте. Пока не нужно, чтобы заподозрили, что Скотленд-Ярд заинтересовался исчезновением Лесли Сирла. А вести расследование, живя в «Лебеде», означало вызвать сенсацию в Сэлкотте.

– Но мне бы хотелось встретиться с Уитмором, – сказал Грант. – Я полагаю, он вернулся в – как вы его назвали? – в дом мисс Фитч?

– Триммингс. Только сегодня он в городе, ведет свою радиопередачу.

– В Лондоне? – немного удивился Грант.

– Так было условлено еще до того, как они отправились в путь. Контракт мистера Уитмора кончается в августе, когда на радио спад. Поэтому и не стали отказываться от передачи на этой неделе потому лишь, что он идет на каноэ по Рашмеру. Они рассчитали так, чтобы прибыть сегодня в Уикхем и заночевать здесь. Заказали две комнаты в «Ангеле». Это старинный дом, достопримечательность Уикхема. Очень фотогеничный. А потом это случилось. Но поскольку мистеру Уитмору делать здесь нечего, он поехал провести свою получасовую

передачу, как сделал бы, если бы они благополучно добрались до Уикхема.

– Понимаю. И вечером он возвратится?

– Если тоже не исчезнет.

– По поводу этого исчезновения: Уитмор подтверждает, что между ними были разногласия...

– Я не спрашивал его. Для этого... – Инспектор замолчал.

– Для этого здесь я, – закончил Грант фразу за него.

– Примерно так, сэр.

– Откуда пошли эти разговоры о «разногласиях»?

– Из «Лебеде». У всех, кто там был в среду вечером, сложилось впечатление, что между ними ощущалась какая-то натянутость.

– Открытой ссоры не было?

– Нет, ничего похожего. Случись подобное, мне легче было бы прицепиться. А так – просто мистер Уитмор ушел рано, не попрощавшись, а Сирл сказал, что он на что-то рассердился.

– Сирл сказал! Кому?

– Хозяину местного гаража. Его зовут Билл Мэддокс.

– Вы говорили с Мэддоксом?

– Я говорил с ними со всеми. Я был в «Лебеде» вчера вечером. Мы целый день шарили по реке на случай, если Сирл упал в нее, и расспрашивали всех в ближайшей округе на случай, если он потерял память и просто где-то бродит. Мы не нашли тела, и никто не видел человека, хоть чем-то похожего на Сирла. Вот я и закончил день в «Лебеде» и встретился почти со всеми, кто был там вечером в среду. Это единственный паб в деревне, и у них очень славный маленький отель. Его хозяин – Джэй, бывший сержант флота. Там встречаются все в деревне. Никому не хотелось впутывать мистера Уитмора...

– Он пользуется популярностью?

– Пожалуй, достаточной. Наверное, он выигрывает в сравнении со странной командой, которая там поселилась. Не знаю, в курсе ли вы дела.

– Да, я слышал.

– Они не хотели причинять мистеру Уитмору неприятности, но им пришлось объяснить, почему оба друга не пошли обратно в лагерь вместе. А уж когда все разговорились, то единодушно признали, что между мистером Уитмором и Сирлом что-то произошло.

– Мэддокс сам обо всем рассказал?

– Нет, местный мясник. Мэддокс рассказал остальным, когда они шли домой. После того как распрощались с Сирлом и посмотрели, как он один пошел по дорожке к реке. Но Мэддокс все подтвердил.

– Ладно, поеду повидать Уитмора, когда он вечером вернется, послушаю, что он скажет. А пока пойдем осмотрим место, где они в среду вечером разбили лагерь.

Глава девятая

– Мне бы не хотелось появляться сейчас в Сэлкотте, – сказал Грант, когда они выехали из Уикхема. – Нет ли какой-нибудь дороги к реке?

– К реке, строго говоря, вообще нет дороги. От Сэлкотта до места, где они остановились, ведет луговая тропинка длиной примерно в милю. Но мы легко можем добраться туда, свернув с главного шоссе Уикхем – Кроум и пройдя по полям. Или по проселку, который ведет к Пэтт-Хатч, а оттуда спустимся к реке. Они причалили к берегу примерно в четверти мили ниже Пэтт-Хатч.

– Я бы, пожалуй, предпочел пройти через поля от главного шоссе. Интересно проверить, далеко ли это, если идти пешком. А что за деревня Пэтт-Хатч?

– Это вообще не деревня. Просто разрушенная мельница и несколько домов, где раньше жили те, кто работал на ней. Поэтому Уитмор и Сирл и отправились в Сэлкотт, когда вечером им захотелось выпить.

– Понимаю.

Роджерс, всегда во всеоружии, достал из кармана чехла машины однодюймовую карту и стал изучать ее. Для глаз горожанина Гранта поле, у которого они остановились, выглядело совершенно так же, как другие поля, мимо которых они проезжали, выбравшись из Уикхема, но инспектор произнес:

– Должно быть, мы против их лагеря, я полагаю. Да, вот тут были они, а здесь – мы.

Он показал план местности Гранту. К северу и югу шло шоссе Уикхем – Кроум. Западнее, направляясь на северо-восток, тек Рашмер, возле Уикхема подходя вплотную к шоссе. Примерно там, где они сейчас стояли, река поворачивала назад, делая большую петлю в плоском ложе долины. В начале петли Уитмор и Сирл и устроили лагерь. На дальнем конце петли, где река возвращалась к

своему первоначальному направлению, стояла деревня Сэлкотт-Сент-Мэри. И лагерь путешественников, и деревня располагались на правом берегу реки, так что между ними была всего миля поймы.

Когда трое мужчин добрались до третьего, считая от дороги, поля, их глазам открылся весь ландшафт целиком – долина Рашмер лежала перед ними, как на карте Роджерса: плоское зеленое поле, на которое наброшен более темный шарф – Рашмер. На дальнем конце гряда крыш и садов – там в деревьях пряталась Сэлкотт-Сент-Мэри. А на юге, если смотреть по реке, несколько кустиков – Пэтт-Хатч.

– А где проходит железная дорога? – спросил Грант.

– Здесь нет железной дороги ближе чем в Уикхеме. То есть нет станций. Сама дорога проходит с другой стороны шоссе Уикхем – Кроум, совсем не по долине реки.

– А по шоссе Уикхем – Кроум ходит много автобусов?

– О да. Но не думаете же вы, что парень просто смылся, а?

– Я предусматриваю и такую возможность. В конце концов, мы ничего о нем не знаем. Могло произойти всякое, я бы так сказал.

По длинному склону Роджерс провел их вниз, к берегу реки. Там, где она поворачивала на юго-запад, над росшим у воды кустарником возвышались два дерева – большая ива и ясень. Под ясенем на земле лежали два каноэ. Трава все еще выглядела примятой.

– Вот это место, – сказал Роджерс. – Мистер Уитмор расстелил свой спальный мешок под большой ивой, а Сирл положил свой с другой стороны ясеня, там, где между корнями есть впадина, – получается как бы естественное ложе. Поэтому совершенно естественно, что мистер Уитмор не знал, что его там нет.

Грант подошел к месту, где должна была находиться постель Сирла, и посмотрел на воду.

– Какое здесь течение? Если он споткнулся об эти корни в темноте и полетел головой в реку, мог он утонуть?

– Ужасная река – Рашмер, должен сказать. Сплошные ямы и водовороты. И дно, которое главный констебль называет «незапамятной грязью». Но Сирл плавать умел. По крайней мере, так говорит Уолтер Уитмор.

– Он был трезв?

– Абсолютно. Как стеклышко.

– А если он, упав в воду, потерял сознание, где вы рассчитывали найти его тело?

– Между этим местом и Сэлкоттом. В зависимости от того, сколько прошло дождей. У нас последнее время их было так мало, что уровень реки страшно понизился, но в Танстолле во вторник прошел ливень, по старой доброй английской традиции – с чистого неба, и Рашмер забурлил, как на мельнице.

– Понимаю. А что стало с их лагерным имуществом?

– Уолтер Уитмор отвез его в Триммингс.

– Значит, вещи Сирла все еще в Триммингсе?

– Думаю, да.

– Вероятно, мне стоит взглянуть на них сегодня вечером. Если среди них было что-нибудь для нас интересное, оно, конечно, уже пропало, но, возможно, они натолкнут на какую-нибудь мысль. А вы не знаете – с другими жителями Сэлкотта Сирл был в хороших отношениях?

– Ну, я слышал, примерно неделю назад там произошла какая-то сцена. Этот парень, танцор, плеснул в Сирла пивом.

– Почему? – спросил Грант, без труда идентифицируя «этого парня, танцора». Марта была честным летописцем истории Сэлкотта.

– Говорят, будто ему не понравилось, что Тоби Таллис уделяет много внимания Сирлу.

– А Сирл?

– Если отчеты сообщают правду, никак не реагировал, – ответил Роджерс, и улыбка на миг осветила его озабоченное лицо.

– Значит, усилия Таллиса были напрасны?

– Похоже.

– У вас, наверное, не было времени собрать алиби.

– Не было. Мы только к вечеру обнаружили, что это может оказаться чем-то худшим, чем простое исчезновение. До этого мы просто шарили в реке и расспрашивали жителей. А когда поняли, какое заворачивается дело, решили, что нужна помощь извне, и послали за вами.

– Я рад, что вы так быстро послали за мной. Всегда легче, если ты на месте с самого начала. Ладно, кажется, нам тут больше делать нечего. Давайте вернемся в Уикхем, и я приму дела.

Роджерс высадил Гранта и Уильямса у «Белого оленя» и уехал с уверениями в готовности сделать все, что будет в его силах.

– Хороший парень этот инспектор, – проговорил Грант, пока они поднимались по лестнице, собираясь посмотреть отведенные им комнаты под крышей, комнаты с вышитыми шерстью изречениями на стенах, с обоями в цветочек, – ему бы работать в Ярде.

– Странная ситуация, правда? – отозвался Уильямс, разглядывая убогое убранство комнат. – Фокус с веревкой на английской лужайке. Как вы полагаете, сэр, что с ним случилось?

– Я ничего не знаю про фокус с веревкой, но здесь сильно пахнет ловкостью рук. Вот оно есть, а вот его нет. Старый трюк фокусника – отвлечь внимание. Вы видели когда-нибудь, Уильямс, как женщину распиливают пополам?

– Много раз.

– Все это сильно пахнет распиленной женщиной. Вам не кажется?

– У меня нет вашего нюха, сэр. Все, что я вижу, очень подозрительная ситуация. Весенний вечер в Англии и молодой американец, потерявшийся на дороге длиной в милю между деревней и рекой. Вы и правда думаете, сэр, что он мог смяться?

– Не могу придумать подходящую причину, зачем бы ему это делать, но вдруг Уитмор сможет.

– Наверное, он очень постарается, – заметил Уильямс сухо.

Однако, как ни странно, Уолтер Уитмор отнюдь не старался поддержать такую версию. Наоборот, он презрительно отверг ее. Это абсурд, заявил он, совершеннейший абсурд – предположить, что Сирл исчез по собственной воле. Не говоря о том, что он был очень доволен путешествием, перед ним маячило выгодное дело. Он с огромным энтузиазмом отнесся к идее вместе сделать книгу, и было бы чистой фантазией думать, что он так просто бросит ее.

Грант приехал в Триммингс после обеда, тактично учтя тот факт, что обед в Триммингсе в день радиопередачи должен быть очень поздним. Послав спросить, примет ли мистер Уитмор Алана Гранта, он не упомянул, по какому делу приехал, пока не очутился лицом к лицу с Уолтером.

Первой мыслью Гранта, когда он увидел Уолтера Уитмора во плоти, было: насколько старше, чем Грант ожидал, тот выглядит. Потом он подумал: интересно, выглядит ли Уолтер старше, чем выглядел в среду? Уолтер показался Гранту каким-то потерянным, словно отдавшимся на волю волн. С ним случилось нечто, чему не было места в мире, который Уолтер знал и одобрял.

Однако он спокойно воспринял сообщение Гранта, кто он такой.

– Я почти ждал вас, – проговорил Уолтер, протягивая Гранту сигареты. – Не вас лично, конечно. Просто представителя того, что называют Высшим Эшеленом.

Грант спросил об их путешествии по Рашмеру, просто чтобы начать беседу. Если человека разговорить, он теряет стремление защищаться. Уитмор слишком сильно затягивался сигаретой, но рассказывал совершенно спокойно. Прежде чем он дошел до их визита в «Лебедь» в среду вечером, Грант отвлек его. Слишком рано было расспрашивать о том вечере.

– В действительности вы ведь не многое знаете о Сирле, не так ли? А вообще, вы слышали о нем до того, как он появился на той вечеринке у Росса?

– Нет, не слышал. Но это понятно. Фотографов – как собак нерезанных. Почти столько же, сколько журналистов. Я и не мог

ничего слышать о нем.

– У вас нет причин думать, что он не тот, за кого себя выдает?

– Нет, нет, конечно нет. Я никогда не слышал о нем, но мисс Юстон-Диксон слышала.

– Мисс Юстон-Диксон?

– Одна из наших местных писательниц. Она пишет сказки и очень увлекается кино. Она не только слышала о Сирле, у нее есть его фотография.

– Фотография? – воскликнул Грант, приятно удивленный.

– В одном из этих журналов о кино. Я сам не видел. Она рассказала об этом как-то вечером, когда обедала у нас.

– А она встретила с Сирлом, когда обедала у вас? И узнала его?

– Да, узнала. Они прекрасно поболтали. Сирл снимал некоторых из ее любимых актеров. У нее есть и эти фотографии тоже.

– Так что вы не сомневаетесь, что Сирл тот, за кого себя выдает?

– Я замечаю, что вы употребляете настоящее время, инспектор. Это меня радует. – В голосе Уолтера Уитмора звучала скорее ирония, чем радость.

– У вас самого есть какое-нибудь объяснение того, что случилось, мистер Уитмор?

– Если не считать огненных колесниц и ведьминой метлы – нет. Совершенно неразрешимая загадка.

Грант поймал себя на мысли, что Уолтер Уитмор, похоже, близок к тому, чтобы подумать о ловкости рук.

– Мне кажется, самое разумное объяснение, – продолжал Уолтер, – что он заблудился в темноте и упал в реку в таком месте, где никто не услышал.

– Но вы не согласны с этим? – спросил Грант, отвечая на тон, которым говорил Уолтер.

– Ну, во-первых, у Сирла глаза как у кошки. Я провел с ним четыре ночи подряд, и я знаю. Во-вторых, он великолепно ориентируется на местности. В-третьих, он был трезв как стеклышко, когда уходил из «Лебеда». В-четвертых, от Сэлкотта до берега реки, где был наш

лагерь, идешь по прямой, ориентируясь все время по холмам. Отклониться в сторону невозможно, потому что, отойдя от холмов, попадешь на пашню, или в посевы, или еще куда-нибудь. И последнее. Молва говорит, что Сирл отлично умел плавать.

– Ходят слухи, мистер Уитмор, что вы с Сирлом в среду вечером поссорились. В этом есть хоть доля правды?

– Я так и думал, что рано или поздно мы к этому придем, – проговорил Уолтер. Он раздавил в пепельнице наполовину недокуренную сигарету так, что от нее осталась только труха.

– Ну и? – подтолкнул его Грант, потому что, казалось, продолжать тот не собирается.

– Между нами произошла, я бы сказал, размолвка. Я... я был раздражен. Но не более.

– Он раздражал вас так сильно, что вы оставили его в пабе, а сами ушли?

– Я люблю быть один.

– И вы отправились спать, не дожидаясь возвращения Сирла?

– Да. Мне не хотелось больше разговаривать в тот вечер. Говорю вам, он раздражал меня. Я подумал, может быть, утром мое настроение улучшится, а он не будет так провоцирующе дерзить.

– А он дерзил?

– Да, думаю, это точное слово.

– По поводу чего?

– Я не обязан говорить вам этого.

– Вы не обязаны ничего говорить мне, мистер Уитмор.

– Да, знаю, что не обязан. Но я хотел помочь чем могу. Видит Бог, как бы я хотел, чтобы это дело прояснилось как можно скорее. Просто мы... мы разошлись во мнении по весьма личному и не относящемуся к делу вопросу. Это не имело никакого отношения к тому, что случилось с Сирлом вечером в среду. Конечно же, я не поджидал его, спрятавшись, когда он шел в лагерь, и не спихивал в воду – и вообще не трогал его.

– Вы не знаете никого, кому бы пришло в голову учинить над ним насилие?

Прежде чем ответить, Уитмор поколебался. Он подумал о Серже Ратове.

– Во всяком случае, не такого типа насилие, – произнес он наконец.

– «Не такого типа»?

– Не типа «дождаться-в-темноте».

– Понимаю. Обычная пощечина проще? Я слышал, Серж Ратов устроил сцену.

– Всякого, кто живет в непосредственной близости от Сержа Ратова и кому тот не устроил сцену, можно считать ненормальным, – заявил Уолтер.

– Вы не знаете никого, кто мог бы иметь зуб на Сирла?

– В Сэлкотте – никого. А в других местах я не знаю ни его друзей, ни его врагов.

– Вы разрешите мне взглянуть на вещи Сирла?

– Я не против, но Сирл, возможно, был бы против. Что вы надеетесь найти, инспектор?

– Ничего особенного. Вещи человека могут быть очень красноречивы. Просто я ищу какое-нибудь объяснение, которое помогло бы понять эту загадочную ситуацию.

– Тогда я провожу вас наверх, если вы больше ни о чем не хотите спросить меня.

– Спасибо, нет. Вы мне очень помогли. Мне бы хотелось, чтобы вы отнесли ко мне с бóльшим доверием и рассказали, из-за чего произошла ссора...

– Ссоры не было! – решительно воскликнул Уолтер.

– Простите, пожалуйста. Я имел в виду – почему вы рассердились на Сирла? Это сказало бы мне больше о Сирле, чем о вас. Но, вероятно, с моей стороны опрометчиво надеяться на вашу откровенность.

Уитмор остановился в дверях, обдумывая слова Гранта.

– Нет, – медленно проговорил он. – Я понимаю, что вы имеете в виду. Но сказать вам – означало бы впутать... Нет, пожалуй, я не могу.

– Понимаю. Пойдемте наверх.

Когда из библиотеки, где происходила их беседа, они выходили в баронский холл, в дверях гостиной появилась Лиз и направилась через холл к лестнице. Заметив Гранта, она остановилась; лицо ее вспыхнуло от радости.

– О! – воскликнула она. – У вас есть о нем новости!

Услышав ответ Гранта, что новостей нет, она, казалось, была озадачена.

– Но ведь именно вы представили его тетушке, – попыталась настаивать Лиз. – На той вечеринке.

Это было новостью для Уолтера: Грант заметил, что тот удивился. Он почувствовал также, что Уолтеру неприятна вспышка нескрываемой радости на лице Лиз.

– Лиз, дорогая, – проговорил Уолтер холодным, чуть-чуть злым тоном, – это инспектор уголовного розыска Грант из Скотленд-Ярда.

– Из Ярда! Но... ведь вы же *были* на той вечеринке!

– Полисмену не возбраняется интересоваться искусством, – сказал Грант, улыбнувшись. – Только...

– О, простите! Я не это имела в виду.

– Я лишь заглянул туда, чтобы забрать одного из своих друзей. Сирл стоял у дверей, и у него был совершенно потерянный вид, потому что он не знал мисс Фитч в лицо. Вот я и отвел его и представил. И все.

– А теперь вы приехали сюда – расследовать...

– Расследовать, куда он исчез. У вас есть какие-нибудь соображения, мисс Гарроби?

– У меня? Нет. Абсолютно никаких. Я просто не вижу смысла в его исчезновении. Это фантастическая бессмыслица.

– Если еще не слишком поздно, мог бы я поговорить с вами после того, как посмотрю вещи Сирла?

– Что вы, конечно, совсем не поздно. Еще нет десяти часов. – Голос Лиз звучал утомленно. – С тех пор как это произошло, время все тянется и тянется. Как будто накурилась... гашиша, да? А вы ищите что-то определенное, инспектор?

– Да, – ответил Грант. – Ищу подсказку. Но очень сомневаюсь, что найду ее.

– Я буду ждать вас в библиотеке. Надеюсь, вы найдете что-нибудь, что поможет вам. Это ужасно – словно висишь на паутинке.

Осматривая вещи Сирла, Грант думал о Лиз Гарроуби – «милой, дорогой Лиз», как называла ее Марта – и о том, насколько она подходит «мямле», по выражению Уильямса. Всегда трудно сказать, что нашла женщина в мужчине, а Уитмор был, конечно, знаменитостью и завидной партией. Все это Грант говорил Марте в тот день, когда они ушли с вечеринки. Но насколько права была Марта относительно способности Сирла расстраивать планы? Насколько Лиз Гарроуби подпала под обаяние Сирла? Было ли внимание, которое она проявила в холле по отношению к Гранту, вызвано радостью, что он принес хорошие известия и с Сирлом ничего плохого не случилось, или просто облегчением оттого, что спал тяжкий груз подозрений и уныния?

Руки Гранта привычными движениями машинально перебирали вещи Сирла, а мысли инспектора были заняты другим. Какие вопросы задать Лиз Гарроуби, когда он спустится к ней?

Сирл занимал комнату на втором этаже в увенчанной зубцами башне, возвышавшейся слева от парадного входа, выполненного в стиле Тюдоров. Окна комнаты выходили на три стороны, и сама комната была большой, с высоким потолком. Обставлена она была типичнейшей мебелью с Тоттенхэм-Корт-роуд, немного слишком веселенькой и простенькой для викторианского размаха помещения. Комната выглядела совершенно безликой, и Сирл явно ничего не сделал, чтобы оставить в ней отпечаток собственной личности. Странно, подумал Грант. Ему редко доводилось видеть комнату, в которой бы жили достаточно долго и при этом она была бы начисто

лишена какой-либо личностной ауры. На туалетном столике лежали щетки, на тумбочке у кровати – книги, но никаких следов самого обитателя комнаты. Так могла бы выглядеть комната в витрине.

Конечно, комнату подмели и убрали после того, как жилец вышел из нее шесть дней назад. И все же. Все же.

Ощущение странности было столь сильным, что Грант прекратил работу, остановился и огляделся, размышляя. Он думал обо всех комнатах, которые ему приходилось осматривать в свое время. Все они, даже комнаты в отелях, сохраняли следы присутствия последнего жильца. А здесь – только пустота. Сирл никак не хотел проявлять свою индивидуальность.

Грант отметил, как отметила и Лиз в самый первый день, что одежда и прочие личные вещи Сирла очень дорогие. Перебирая в ящике его носовые платки, Грант заметил, что на них нет метки прачечной, и слегка удивился. Вероятно, стираются дома. На рубашках и белье метки были, но старые. Очевидно, американские.

Кроме двух кожаных чемоданов, здесь находился жестяной, покрытый черным лаком ящик вроде очень большой коробки для красок. На его крышке была надпись белыми буквами: «Л. Сирл». У ящика имелся замок, но он не был заперт, и Грант с любопытством поднял крышку. Увы, он обнаружил, что в ящике лежат фотографические материалы Сирла. Ящик был сделан по типу коробки для красок, со вставленным внутрь лотком, который можно было вынимать. Грант подцепил лоток указательными пальцами, поднял и заглянул в нижнее отделение. Оно было заполнено, пустым оставалось только одно место, откуда был вынут какой-то предмет продолговатой формы. Грант поставил лоток на место и стал разворачивать тюк с лагерными принадлежностями, принесенный с берега реки. Ему хотелось найти то, что лежало на ныне пустом месте в ящике.

Но ничего подходящего он не нашел.

В тюке он обнаружил две маленькие фотокамеры и несколько катушек пленки. Но ни по отдельности, ни вместе они негодились,

чтобы заполнить пустое пространство. Ничто другое из тюка тоже не годилось.

Грант вернулся к ящику и какое-то время постоял, гадая, что могли оттуда извлечь. Это был какой-то предмет размерами десять на три с половиной на четыре дюйма. После того как он был вынут, ящик не трогали, иначе остальные предметы сдвинулись бы с места и заполнили пустоту.

Нужно будет спросить Лиз, когда он сойдет вниз.

Войдя в комнату, Грант окинул ее беглым взглядом, теперь он начал рассматривать ее подробно. Но даже при этом он едва не упустил очень существенную вещь. Он перебирал ворох носовых платков и галстуков в ящике шкафа и уже собрался было закрыть его, как вдруг его внимание привлекла одна вещица, лежавшая среди галстуков, и Грант выудил ее.

Это была женская перчатка. Женская перчатка с очень маленькой руки.

Примерно такого размера, как у Лиз Гарроуби.

Грант поискал перчатке пару, но ее не было. Обычный трофей влюбленного.

Значит, красивый молодой человек сильно увлекся, если стащил перчатку предмета своей любви. Грант счел, что это необыкновенно мило. Нынче поклонение фетишам принимает гораздо более мрачные формы.

Ладно, что бы ни означала эта перчатка, она, без сомнения, свидетельствовала, что Сирл намеревался вернуться. Никто не станет оставлять любовный сувенир в ящике с галстуками, чтобы он попался на глаза кому-нибудь постороннему.

Следовало решить вопрос, чья это перчатка и что она означает.

Грант сунул перчатку в карман и пошел вниз. Лиз, как обещала, ждала его в библиотеке, но Грант отметил, что она отнюдь не все время просидела там одна. Не может один человек выкурить столько сигарет, сколько окурков лежало в пепельнице. Грант сделал вывод,

что Уолтер Уитмор обсуждал с Лиз последнюю новость – полицейское расследование.

Лиз не забыла, однако, что в Триммингсе она секретарь и официальный представитель, и позаботилась, чтобы принесли напитки. Грант пить отказался – он на службе, – но внимание к себе оценил.

– Наверное, это только начало, – проговорила Лиз, указывая на лежавшую на столе развернутую «Уикхем таймс» (выходит раз в неделю, по пятницам). На малопримечательном месте виднелся заголовок: «Пропал молодой человек». Уолтер упоминался как «мистер Уолтер Уитмор, Триммингс, Сэлкотт-Сент-Мэри, известный радиокomentатор».

– Да, – отозвался Грант. – Завтра это появится в утренних газетах.

«Спутник Уитмора утонул» – вот что будет стоять завтра на первой полосе. «Тайна Уитмора», «Исчезает друг Уитмора».

– Очень скверно для Уолтера.

– Да. Пресса больна чем-то вроде инфляции. Ее власть выходит далеко за рамки ее действительного значения.

– А как вы думаете, инспектор, что с ним случилось? С Лесли?

– Ну, одно время мне казалось, что он, вероятно, исчез добровольно.

– Добровольно! Но *почему*?

– На это я ответить не могу, пока не узнаю побольше о Лесли Сирле. Вы не думаете, например, что он мог просто устроить розыгрыш?

– О нет. Совершенно определенно не мог. Он совсем не такого типа человек. Он очень спокойный, и у него прекрасный вкус. Он не увидел бы ничего забавного в подобном розыгрыше. Кроме того, куда он мог исчезнуть, бросив здесь все свои вещи? Ведь у него не осталось ничего, кроме того, что на нем.

– Кстати, о его вещах. Вы никогда не заглядывали внутрь его лакированного жестяного ящика?

– Это фотокоробка. Кажется, один раз заглядывала. Помню, подумала: как аккуратно все уложено.

– Что-то вынута из нижнего отделения, и я не нашел ничего, что могло бы заполнить пустоту. Как вы думаете, вы не смогли бы определить, чего там не хватает?

– Уверена, что не смогу. Я ничего подробно не помню. Только аккуратность. Там были химикалии, слайды и все такое.

– Он держал ящик закрытым?

– Он запирает его, это я знаю. Ведь среди реактивов есть и ядовитые. Но не думаю, чтобы ящик был закрыт всегда. А теперь он закрыт?

– Нет. А иначе как бы я узнал, что там есть пустое место?

– Я думала, полисмены могут открыть все, что угодно.

– Могут, но не имеют права.

Лиз слегка улыбнулась и проговорила:

– Ох, у меня с этими глаголами^[17] всегда была беда в школе.

– Между прочим, – сказал Грант, – вы узнаете эту перчатку? – И вытащил перчатку из кармана.

– Да, – ответила Лиз, слегка заинтересовавшись. – Похоже, это моя. Где вы ее нашли?

– В ящике с носовыми платками Сирла.

Как будто потревожил змею, подумал Грант. Мгновенно сжалась и ускользнула. Только что Лиз отвечала прямо и искренне. В следующее мгновение она напряглась и приготовилась защищаться.

– Как странно, – произнесла она сдавленным голосом. – Должно быть, он подобрал ее и хотел вернуть мне. Я вожу с собой в отделение для перчаток запасную пару, попрличнее, а машину веду в старых. Может, одна из парадной пары как-нибудь вывалилась.

– Понимаю.

– Эта перчатка, несомненно, из тех, что я держу в машине. Вполне годится для визитов или похода в магазины, при этом не слишком шикарная, можно носить каждый день.

– Вы не против, если я возьму ее ненадолго с собой?

– Нет, конечно не против. Это вещественное доказательство? – попыталась она вежливо поиронизировать.

– Не совсем. Но все, что находилось в комнате Сирла, может в один прекрасный момент стать важным.

– Думаю, эта перчатка скорее собьет вас с пути, чем поможет, инспектор. Но в любом случае берите ее.

Гранту понравилась решительная нотка, прозвучавшая в голосе Лиз. Он был рад, что она быстро вновь обрела присутствие духа. Гранту никогда не доставляло удовольствия дразнить змей.

– Не сможет мистер Уитмор сказать, что вынута из ящика?

– Сомневаюсь, но попробуем. – Лиз направилась к двери, чтобы позвать Уолтера.

– А кто-нибудь из домочадцев?

– Ну, тетя Лавиния не сможет. Она никогда не знает, что творится в ее собственном шкафу. И мама не сможет, потому что она никогда и близко не подходит к комнате в башне, разве только сунет голову в дверь посмотреть, убрана ли постель и вытерта ли пыль. Но можно спросить слуг.

Вместе со всеми Грант снова поднялся в спальню в башне и показал, о каком пустом месте в фотоящике идет речь. Что за продолговатый предмет мог лежать здесь?

– Пакет с какими-нибудь химикалиями, которые он уже использовал, – высказал предположение Уолтер.

– Я думал об этом, но все необходимые фотографу реактивы на месте и, похоже, вообще не тронуты. Вы не припоминаете ничего, что видели у него и что могло бы заполнить эту пустоту?

Вспомнить они не могли. И Элис, горничная, тоже не могла.

Кроме нее, никто не убирал комнату мистера Сирла, сказала она. Миссис Кламп каждый день приходит из деревни помогать, но она не убирает спальни. Только лестницы, коридоры, кабинеты – и все.

Грант смотрел на присутствующих и размышлял. Лицо Уитмора было бесстрастным, как у игрока в покер. Лиз, казалось, заинтересовала эта загадка, но при этом она выглядела

обеспокоенной. Элис – пожалуй, испуганной: как бы ее не сочли виновной в том, что из ящика что-то пропало.

Ничего Грант не добился.

Уитмор проводил его до входных дверей и, выглянув в темноту, спросил:

– Где ваша машина?

– Я оставил ее у подъездной аллеи, – объяснил Грант. – Спокойной ночи и спасибо вам за готовность помочь.

Он вышел в темноту, подождал, пока Уолтер закроет дверь, а потом обогнул дом и подошел к гаражу. Ворота его были еще открыты. Внутри стояли три машины. Грант проверил отделения для перчаток во всех трех, но ни в одном не нашел непарной перчатки. Ни в одном не было вообще никаких перчаток.

Глава десятая

Уильямс сидел в уголке кафе в «Белом олене», поглощая поздний ужин. Хозяин заведения приветствовал Гранта и пошел принести ужин и ему. Уильямс с помощью местной полиции всю вторую половину дня занимался долгими, утомительными и безрезультатными розысками, а вечером проверял теорию Гранта о том, что Сирл, быть может, сбежал по лишь ему одному известным причинам. В десять часов вечера, побеседовав с двадцать третьим шофером автобуса, расспросив последнего из имевшихся в наличии носильщиков на железнодорожной станции и пробормотав: «Ну и денек», Уильямс отдыхал за кружкой пива и тарелкой сосисок с картофельным пюре.

– Ничего, – проговорил он, отвечая на вопрос Гранта. – Никого хоть сколько-нибудь похожего на него. А как ваши успехи, сэр?

– Ничего, что хоть как-то прояснило бы положение.

– Писем среди его вещей не нашли?

– Ни одного. Вероятно, они у него в бумажнике, если вообще есть. Ничего, кроме пакета фотографий.

– Фотографии? – Уильямс наострил уши.

– Все сделаны здесь, после его приезда.

– О-о! Наверное, есть и снимки девушки Уолтера Уитмора?

– Да, и к тому же много.

– Правда? Она специально позировала?

– Нет, Уильямс, нет. Ее голова на фоне залитого солнцем неба, с веткой цветущего миндаля наискосок снимка – такого типа.

– Она фотогенична, как вы считаете? Блондинка?

– Нет, она маленькое, темноволосое, скромное создание с милым личиком.

– О! Чего ради он тогда фотографировал ее? Наверное, влюбился.

– Не знаю, – проговорил Грант и, пока перед ним ставили на стол еду, не произнес ни слова.

– Право же, вы должны хотя бы раз попробовать эти пикули, сэр, – проговорил Уильямс. – Они замечательные.

– В пятьсот седьмой раз – я не ем пикули. У меня свой вкус, Уильямс. Драгоценное качество. И я совсем не собираюсь отказываться от него ради пикулей. Среди вещей Сирла обнаружилось кое-что более наводящее на размышления, чем фотографии.

– Что, сэр?

– Одна из перчаток девицы, – ответил Грант и рассказал, где он ее нашел.

– Так, так, – отозвался Уильямс, после чего некоторое время молча переваривал полученную информацию. – Непохоже, чтобы он далеко продвинулся.

– Что?

– Роман. Если он все еще на стадии, когда воруют перчатки. Честно говоря, сэр, в наши дни, в наш век я не представлял себе, что кто-то может дойти до того, чтобы охотиться за перчаткой.

Грант расхохотался.

– Я же говорил вам, она милая девушка. Скажите, Уильямс, какой предмет может заполнить пространство десять на три с половиной на четыре дюйма?

– Пакет с мылом, – не колеблясь, ответил Уильямс.

– Непохоже. А что еще?

– Блок сигарет?

– Нет. Он не курит.

– Какая-нибудь еда? Плавленый сыр имеет такую форму.

– Нет.

– Револьвер? Револьвер в кобуре, я имею в виду.

– Не думаю. Зачем ему револьвер?

– А какое пространство вы стараетесь заполнить, сэр? – спросил Уильямс, и Грант описал фотографический ящик и пустое место среди аккуратно уложенных вещей.

– Что бы это ни было, это твердый предмет четких, определенных очертаний. Ни одна из вещей Сирла, из тех, что в комнате, не подходит, чтобы заполнить это пространство. Так что либо он вынул этот предмет и выбросил его, либо по какой-то причине его убрали, когда Сирл исчез.

– Это означало бы, что в Триммингсе скрывают улики! Вы по-прежнему считаете, сэр, что Уитмор не того типа?

– Какого типа?

– Который может стукнуть по голове.

– Думаю, Уитмор скорее способен обидеться, чем разъяриться.

– Ну, чтобы утопить Сирла, ему не обязательно было яриться. Столкнул его, обидевшись, в воду, а в темноте не смог спасти. Потом от страха потерял голову и стал утверждать, что ничего об этом не знает. Видит бог, такое случается часто.

– Вы думаете, это сделал Уитмор, но это наполовину несчастный случай?

– Не знаю, кто это сделал. Однако я твердо убежден, сэр, что Сирл в реке.

– Но инспектор Роджерс утверждает, что протралил ее очень тщательно.

– Дежурный сержант в полицейском участке Уикхема говорит, что ил со дна Рашмера доходит почти до Австралии.

– Да. Знаю. Старший констебль, как я понимаю, выразил такое же мнение, но менее красочно.

– В конце концов, – продолжал Уильямс, как бы не слыша, – что могло с ним приключиться, если он не утонул? Если верить тем, с кем я беседовал, он не тот тип, на которого взглянешь и тут же забудешь.

Да. Это правда. Грант вспомнил юношу, стоявшего в дверях Кормака Росса, и подумал, как мало соответствовало бы официальное описание исчезнувшего человека тому индивидууму, которого они ищут.

Мужчина чуть старше двадцати лет, рост пять футов восемь с половиной дюймов, стройный, блондин, глаза серые, нос прямой, скулы несколько выступающие, рот широкий. Ходит без шляпы. Одет в макинтош с поясом, под ним – серая твидовая куртка, серый пуловер, голубая спортивная рубашка, серые фланелевые брюки, коричневые американские туфли с пряжкой на подъеме вместо шнурков. Тихий голос, говорит с американским акцентом.

Ни один человек, прочитав такое описание, не сможет представить себе, каков в действительности Лесли Сирл. С другой стороны, никто, как заметил Уильямс, не мог, увидев однажды живого Сирла, удержаться, чтобы не обернуться, не посмотреть на него вторично. Не было человека, который бы встретил его и не запомнил.

– Кроме того, зачем ему исчезать? – настаивал Уильямс.

– Этого я сказать не могу, не узнав побольше о его прошлом. Завтра утром я прежде всего попрошу Ярд заняться этим. Где-то в Англии у Сирла есть кухня, но я бы хотел разузнать о его американском прошлом. Меня преследует мысль, что способ устраивать дела, стукнув по голове, более привычен в Калифорнии, чем на Би-би-си.

– Никому в Калифорнии никакой пользы от исчезновения Сирла нет, – заметил Уильямс.

– Верно, – согласился Грант, подумав, и стал перебирать в уме обитателей Триммингса. Завтра надо будет начинать сбор алиби. Уильямс, конечно, прав. Совершенно невероятно, просто на грани фантастики, что Сирл исчез по собственной воле. В разговоре с Лиз Гарроуби Грант предположил, что Сирл задумал розыгрыш, чтобы досадить Уолтеру Уитмору, но Лиз отвергла подобное предположение. Однако, даже если Лиз ошиблась в оценке Сирла, как удалось ему осуществить свой замысел?

– А еще имеется проезжавшая случайно машина.

– Что-что, сэр?

– Мы расспрашивали людей на рейсовом транспорте, но добраться до тех, кто случайно проезжал по шоссе и мог подобрать Сирла, нам не удастся.

Уильямс, размякший от пива и сосисок, благодушно улыбнулся:

– Вы делаете пятьдесят седьмую попытку, сэр, как в школе для девочек.

– Пятьдесят седьмую?

– Вы сдаетесь с ужасной неохотой. Все еще влюблены в версию о том, что он скрылся добровольно?

– Все еще думаю, что от берега реки он мог пройти через поля и выйти на шоссе Уикхем – Кроум, а там сесть к кому-нибудь в машину. Я спрошу Брюса утром, нельзя ли объявить об исчезновении Сирла по радио, дать SOS, так сказать.

– А после того, как он сел в машину, что, сэр? Что дальше? Все его вещи в Триммингсе.

– Мы этого не знаем. Мы ничего не знаем о том, что он делал до того, как появился на вечеринке у Росса. Он фотограф – вот все, что нам известно. Он говорит, что у него в Англии есть только одна кузина, но у него может быть полдюжины домов и дюжина жен.

– Возможно, но почему не уйти обычным путем, после того как путешествие закончится? В конце концов, он наверняка хотел заработать на этой книге, которую они собирались выпускать, ведь так? Зачем весь этот переполох?

– Чтобы досадить Уолтеру.

– Ну да? Вы так думаете? А почему?

– Вероятно, потому, что я сам был бы не прочь досадить Уолтеру, – ответил Грант, криво улыбнувшись. – Наверное, это просто невысказанное желание с моей стороны.

– Для Уитмора все это, конечно, очень плохо, – согласился Уильямс, но в голосе его не слышалось никакого сочувствия.

– Очень. Не удивлюсь, если это приведет к гражданской войне.

– Войне?

- Верные уитмориты против скептиков.
- Он принял это близко к сердцу?
- Думаю, он еще не понимает, что на него обрушилось. И не поймет, пока завтра не увидит утренние газеты.
- Репортеры уже атаковали его?
- Еще не успели. Парень из «Клэрион» появился у него на пороге сегодня в пять часов вечера, так я понял, но в Триммингс его не пустили, и он отправился в «Лебедь» собирать информацию.
- Полагаю, «Клэрион» только первая ласточка. Лучше бы Уитмор поговорил с газетчиком, кто бы это ни был. Почему он этого не сделал?
- Ждет своего адвоката, который должен приехать из города, – так он сказал.
- А кто это был, вы знаете? Из «Клэрион»?
- Джемми Хопкинс.
- Джемми? Я бы предпочел иметь у себя на хвосте огнедышащего дракона, чем Джемми Хопкинса. У него вообще нет совести. Если он не получит интервью, то просто выдумает историю. Знаете, мне становится жалко Уолтера Уитмора. Наверное, он не подумал о Джемми, иначе он не решился бы спихивать Сирла в реку.
- Ну и кто теперь в роли упрянца? – проговорил Грант.

Глава одиннадцатая

Утром Грант позвонил по телефону своему шефу, но не успел и рта раскрыть, как Брюс перебил его:

– Это вы, Грант? отошлите-ка скорее этого вашего Пятницу обратно. Прошлой ночью Бенни Сколл очистил сейф в спальне Поппи Пламтр.

– Я полагал, что все драгоценности Поппи – у дядюшки.

– Это не так с тех пор, как она завела нового папочку.

– Вы уверены, что это Бенни?

– Совершенно уверен. Все приметы – его. Телефонный звонок, чтобы убрать дежурного лифтера из холла, отсутствие отпечатков пальцев, еда – молоко и хлеб с джемом, ушел через служебный вход. Только расписавшись в книге для посетителей, он мог высказаться яснее.

– Так. Когда преступники научатся менять почерк, нам придется бросать работу.

– Мне нужен Уильямс, чтобы взять Бенни. Уильямс знает Бенни как свои пять пальцев. Так что пришлите его обратно. Как ваши дела?

– Не слишком хорошо.

– Да? А что?

– Трупа нет. Есть два варианта: Сирл умер в результате несчастного случая или по злему умыслу либо исчез, преследуя собственные цели.

– Какие цели?

– Возможно, это розыгрыш.

– Лучше бы ему не проделывать такие штуки с нами.

– Конечно, не исключается и полная амнезия.

– Хорошо бы так.

– Мне нужны две вещи, сэр. Объявление по радио, SOS – это одно. А другое – кое-какая информация из полиции Сан-Франциско

о Сирле. Мы работаем в потемках, ничего не зная о нем. В Англии у него есть единственная родственница – художница, с которой он не общался. Или говорит, что не общался. Может, когда она увидит сегодняшние утренние газеты, она свяжется с нами. Однако, скорее всего, она мало что о нем знает.

– И вы думаете, что полиция Сан-Франциско знает больше?

– Как я понял, когда он проводил зимние месяцы на Побережье, в Сан-Франциско была его штаб-квартира. Несомненно, они могут раскопать там что-нибудь про Сирла. Давайте выясним, не попадал ли он в какие-нибудь передраги и нет ли там человека, который по какой-либо причине хотел бы его убить.

– Мне кажется, масса народа готова убить фотографа. Ладно, мы запросим Сан-Франциско.

– Благодарю вас, сэр. А как насчет SOS?

– Би-би-си не очень-то любит, когда их дорогую маленькую станцию используют для полицейских объявлений. Что вы хотели бы заявить?

– Я хотел бы попросить того, кто в среду вечером посадил в машину молодого человека на шоссе Уикхем – Кроум, связаться с нами.

– Ладно, я позабочусь об этом. Полагаю, весь рейсовый транспорт вы проверили?

– Абсолютно весь, сэр. Ни малейшего следа, нигде. Притом, что незаметным Сирла никак не назовешь. Если только его не ждал на лугу самолет – что, насколько мне известно, случается лишь в книжках для мальчишек, единственный способ, каким он мог убраться из этой округи, – это пройти полями к шоссе и сесть в проходившую мимо машину.

– Никаких подозрений, что это убийство?

– Пока нет. Но утром я посмотрю, есть ли алиби у местных жителей.

– отошлите-ка Уильямса, прежде чем приметесь за что-нибудь другое. Когда придет сообщение из Сан-Франциско, я отправлю его

в участок Уикхема.

– Очень хорошо, сэр. Благодарю вас.

Грант повесил трубку и пошел сообщить Уильямсу о полученном приказании.

– Чертов Бенни, – заворчал Уильямс. – Как раз когда мне начал нравиться этот деревенский уголок. Уж очень не время сейчас воевать с Бенни.

– Он крепкий орешек?

– Бенни? Нет! Он ужасен. Он будет орать без конца, утверждая, что мы травим его, и что не успел он «завязать» и стать паинькой, как мы налетаем на него, хватаем и начинаем допрашивать, и что у него нет никаких шансов и так далее. Меня тошнит от него. Если Бенни заметит, что к нему приближается честная работа, хоть на один-единственный денек, он убежит, да так, словно смерть гонится за ним по пятам. Но орать он горазд. Однажды он даже спровоцировал запрос в парламенте. Вы не поверите, но у некоторых эм-пи^[18] хватило ума потребовать, чтобы им оплачивали железнодорожный проезд до родного города. А мне что, надо возвращаться в Лондон поездом?

– Надеюсь, Роджерс даст вам машину до Кроума, а там вы можете сесть на скорый, – ответил Грант, улыбнувшись при виде ужаса, отразившегося на лице его коллеги от одной только мысли о поездке на поезде. Сам он вернулся к телефону и позвонил Марте Халлард в Милл-хаус в Сэлкотт-Сент-Мэри.

– Алан! – воскликнула Марта. – Как мило! Где вы?

– В «Белом олене», в Уикхеме.

– Бедняжка!

– О, здесь не так уж плохо.

– Не разыгрывайте благородство. Вы же знаете, что это примитив, граничащий с тюрьмой. Кстати, вы слышали о нашей последней сенсации?

– Слыхал. Поэтому-то я и в Уикхеме.

Последовало долгое молчание.

Потом Марта проговорила:

– Вы хотите сказать, что Ярд заинтересовался тем, что утонул Лесли Сирл?

– Скажем, что он исчез.

– Вы хотите сказать, есть какая-то доля правды в этих слухах об их ссоре с Уолтером?

– Боюсь, я не могу обсуждать это по телефону. Хотел спросить вас, будете ли вы дома сегодня вечером. Я бы зашел.

– Ну конечно, приходите и оставайтесь. Не можете же вы жить в том ужасном отеле. Я скажу миссис...

– Благодарю вас от всего сердца, но остаться у вас я не могу. Я должен быть здесь, в Уикхеме, в центре событий. Но если вы согласны накормить меня обедом...

– Конечно, я накормлю вас. Вы получите вкусный обед, дорогой. Мой омлет, и цыпленка миссис Трапп, и бутылку хорошего старого вина, которое отобьет у вас вкус пива из «Белого оленя».

Слегка воодушевленный перспективой в конце дня насладиться благами цивилизации, Грант отправился выполнять намеченную на сегодня программу и начал с Триммингса. Раз уж надо проверять алиби, начинать следовало, естественно, с Триммингса: его обитатели должны первыми дать отчет о своих действиях.

Утро было ясное, голубое. После ночных весенних заморозков быстро теплело. Действительно, как заметил Уильямс, жалко было терять такой денек на всяких там Бенни, но вид Триммингса, беззастенчиво красовавшегося в ярком свете солнца, вернул Гранту хорошее настроение. Накануне вечером, в темноте, он мог разглядеть только освещенный парадный вход. Сегодня весь дом был на виду, чудовищно претенциозный, со всеми его подчеркнутыми украшениями, и Грант был так потрясен, что его нога сама нажала на тормоз. Он остановил машину на повороте подъездной аллеи и какое-то время сидел, глядя на Триммингс.

– Я хорошо понимаю, что вы чувствуете, – произнес голос у самого его локтя. Это была Лиз. Грант заметил, что у нее слегка

припухли глаза, но в остальном она выглядела спокойной и, похоже, была настроена дружелюбно.

– Доброе утро, – поздоровался Грант. – Сегодня утром я немного расстроился, что нельзя все бросить и отправиться ловить рыбу. Но сейчас мне уже лучше.

– Да, дом очень интересный, – согласилась Лиз. – Даже не верится, что он настоящий. Кажется, что спроектировать его не мог никто: он просто сам появился.

Ее мысли отвлеклись от дома, она как бы осознала присутствие Гранта. Он увидел, что вопрос дрожит у нее на губах.

– Простите, что досаждаю вам, но сегодня утром мне бы хотелось отсечь подлесок в этом деле.

– Что за подлесок?

– Я хочу отсечь людей, которые никак не могут иметь к нему отношение.

– Понимаю. Вы собираете алиби.

– Да. – Грант открыл дверцу машины, приглашая Лиз проехать небольшое расстояние до дома.

– Ну, я надеюсь, у всех наших хорошее алиби. К сожалению, должна сказать, что у меня такового нет вообще. Это первое, о чем я подумала, когда узнала, кто вы. Очень странно, каким преступником чувствует себя ни в чем не повинный человек, когда не может дать отчет о своих поступках за каждую из тысячи минут. Вам нужны алиби всех? И тети Лавинии, и мамы, и остальных?

– И слуг тоже. Всех, кто так или иначе общался с Лесли Сирлом.

– Тогда лучше начать с тети Вин. До того, как она примется за свои утренние труды. Она каждое утро в течение двух часов диктует и любит начинать вовремя.

– А где были вы, мисс Гарроуби? – спросил Грант, когда они подъехали ко входу.

– В имеющее значение время?

Он подумал, что в устах Лиз это прозвучало подчеркнуто холодно. «Имеющее значение» – это время, когда Лесли Сирл, возможно,

расстался с жизнью, и Грант подозревал, что Лиз не забывала об этом.

– Да. Вечером в среду.

– Как пишут в детективных романах, я «удалилась в свою комнату». И не говорите, что было еще рано для того, чтобы удалиться. Знаю. Я люблю уйти к себе пораньше. Люблю остаться одна в конце дня.

– Читаете?

– Не удивляйтесь, инспектор, но я пишу.

– И вы тоже?

– Я разочаровала вас?

– Вы заинтересовали меня. А что вы пишете – или нельзя спрашивать?

– Я пишу о безобидных героинях, которых создаю по собственной системе. Вот и все.

– Тильда, помощница кухарки, с заячьей губой и склонностью к убийству, как противоядие Морин?

Лиз посмотрела на Гранта долгим взглядом, а потом проговорила:

– Вы очень странный тип полисмена.

– Боюсь, у вас просто странное представление о полисменах, – возразил Грант живо. – Будьте добры, скажите вашей тете, что я здесь.

Но оказалось, что оповещать о приходе инспектора нет необходимости. Когда Лиз, взбежав по ступеням, вошла в двери, мисс Фитч была в холле. Увидев племянницу, она заявила тоном скорее удивленным, чем недовольным:

– Лиз, ты опоздала на пять минут! – Тут она заметила Гранта и добавила: – Так-так, верно. Мне говорили, что никто не примет вас за полицейского. Мне очень хотелось встретиться с вами. Официально, так сказать. Наше последнее свидание трудно назвать встречей, не правда ли? Проходите в утреннюю комнату. То есть в ту, где я работаю.

Грант извинился, что отрывает ее от диктовки, но мисс Фитч объявила, что очень рада отложить хотя бы на десять минут свои дела «с этой утомительной девицей». Грант счел, что «утомительная девица» – очередная героиня.

Мисс Фитч, как выяснилось, в среду вечером тоже рано ушла к себе. Точнее, в половине десятого.

– Когда все в семье целый день толкуются друг у друга на глазах, как мы, – сказала мисс Фитч, – вечером они стараются пораньше уйти к себе. – Она послушала радио, а потом полежала немного. Она не спала и слышала, как вернулась домой ее сестра, но в конце концов заснула довольно рано.

– Вернулась домой? – переспросил Грант. – Значит, миссис Гарроуби выходила?

– Да. Она была на собрании МОПВ^[19].

Потом Грант спросил ее о Сирле: что она думает о нем, что, по ее мнению, он способен сделать, а что нет. Гранту показалось, что она была на удивление осторожна в оценке Сирла, словно все время выбирала, куда ступить. Интересно почему, подумал он.

Когда он спросил: «Скажите, пожалуйста, как вы считаете, Сирл был влюблен в вашу племянницу?» – мисс Фитч, казалось, была поражена и ответила: «Нет, конечно же нет!» – слишком поспешно и слишком убежденно.

– Он не оказывал ей знаков внимания?

– Дорогой мой, – проговорила мисс Фитч, – *все* американцы оказывают внимание девушкам. Это условный рефлекс. Они делают это так же автоматически, как дышат.

– Вы полагаете, он не был серьезно заинтересован ею?

– Уверена, что нет.

– Ваш племянник вчера вечером сказал мне, что они с Сирлом, спускаясь по реке, каждый вечер звонили вам по телефону.

– Да.

– Знал ли кто-нибудь из домочадцев, что они сообщили вам в среду вечером? Я имею в виду – где разбили лагерь?

– Думаю, да. Семья, несомненно, знала. Да и слуги все время очень волновались, как проходит путешествие, так что, я полагаю, знали все.

– Большое спасибо, мисс Фитч. Вы были очень любезны.

Мисс Фитч позвала Лиз, и та проводила Гранта к своей матери, а потом вернулась в утреннюю комнату записывать, что делала очередная Морин.

Миссис Гарроуби оказалась вторым человеком, у которого не было алиби. Она присутствовала на собрании МОПВ в деревенском холле, ушла оттуда, когда собрание закончилось, – в половине десятого, часть дороги домой прошла вместе с мисс Юстон-Диксон и рассталась со своей попутчицей у развилки. В Триммингс она пришла около десяти или, может, чуть позже: она шла не торопясь, так как вечер был очень хорош. Она заперла парадную дверь. Заднюю всегда запирали миссис Бретт, кухарка и экономка.

Эмме Гарроуби не удалось обмануть Гранта. Он слишком часто встречал точно таких, как она, женщин, которые за безмятежным внешним спокойствием скрывали безжалостный материнский инстинкт. Перебежал ли Сирл дорогу планам, которые Эмма строила в отношении своей дочери?

Грант спросил миссис Гарроуби о Сирле, и, отвечая, она вовсе не осторожничала, не выбирала, куда ступить. Это был очаровательный молодой человек, сказала она. Совершенно необыкновенно очаровательный. Он им всем ужасно нравился, и они все потрясены случившейся трагедией.

Грант поймал себя на том, что в ответ на эту сентенцию мысленно выразительно хрюкнул.

Его стало слегка подташнивать от присутствия миссис Гарроуби, и он был рад, когда она ушла, пообещав ему прислать Элис. Она вечер в среду провела вне дома: ее пригласил помощник садовника, и вернулась она в четверть одиннадцатого. После чего миссис Бретт заперла за ней дверь, и они обе, выпив по чашке какао, поднялись к себе в комнаты, расположенные в заднем крыле. Элис

действительно была потрясена судьбой, так неожиданно постигшей Лесли Сирла. Никогда, объявила она, ей не приходилось прислуживать такому милому молодому человеку. Она встречала дюжины молодых людей, джентльменов и прочих, но все они думали о лодыжках девушек, а мистер Сирл – единственный, кого она видела, кто думал об их ногах.

– *Ногах?*

Элис говорила об этом и миссис Бретт, и Эдит, горничной, прислуживающей за столом. Мистер Сирл мог сказать: «Вы можете сделать то-то и так-то, и тогда вам не придется снова подниматься сюда, не так ли?» Из этого Элис могла сделать только один вывод: такое поведение характерно для американцев, потому что всем англичанам, с которыми ей когда-либо приходилось сталкиваться, было абсолютно наплевать, нужно вам будет опять подниматься наверх или нет.

Эдит, похоже, тоже горевала о Лесли Сирле. Не потому, что он заботился о ее ногах, а потому, что он был такой красивый. Эдит была о себе очень высокого мнения. Она считала себя девушкой утонченной, слишком утонченной, чтобы проводить вечера с помощником садовника. Эдит ушла к себе в комнату и слушала ту же передачу по радио, что и ее хозяйка. Эдит слышала, как поднимались миссис Бретт и Элис, однако комнаты, расположенные в заднем крыле, находятся так далеко, что не слышно, когда входят в парадную дверь, поэтому она не знает, когда пришла миссис Гарроуби.

И миссис Бретт не знала. После обеда, объяснила миссис Бретт, хозяева обычно больше не беспокоят слуг. Эдит ставила на стол питье на ночь, а потом, как правило, обитую сукном дверь из кухни в холл не открывали до следующего утра. Миссис Бретт служила у мисс Фитч уже девять лет, и мисс Фитч доверяла ей следить за домом и командовать слугами.

Когда Грант, выйдя, направлялся к своей машине, он увидел Уолтера Уитмора. Тот стоял, прислонившись к стене террасы. Уолтер

пожелал Гранту доброго утра и выразил надежду, что алиби удовлетворили инспектора.

Гранту показалось, что настроение Уолтера Уитмора явно ухудшилось. Разница была заметна даже по сравнению с тем, каким оно было всего несколько часов назад, вчера поздним вечером. Интересно, подумал Грант, не результат ли это чтения утренних газет – то, что лицо Уолтера так вытянулось.

– Пресса уже набросилась на вас? – спросил Грант.

– Они были здесь сразу после завтрака.

– Вы поговорили с ними?

– Я видел их, если вы это имеете в виду. А сказать мне им нечего.

Они гораздо больше услышат в «Лебеде».

– Ваш адвокат приехал?

– Да. Он спит.

– Спит?!

– Он выехал из Лондона в половине шестого и присутствовал при интервью. А накануне ему пришлось спешно заканчивать дела, и лег он только в два часа ночи. Вы понимаете, что я хочу сказать.

Грант распрощался с Уолтером, испытывая непонятное, нелогичное чувство облегчения, и поехал в «Лебедь». Он завел машину в вымощенный кирпичом задний двор, вышел из нее и постучал в боковую дверь.

С шумом была поднята щеколда, и в щель просунулась физиономия Рива.

– Без толку стучать, – проговорил он. – Придется подождать, время открытия еще не наступило.

– Как полисмен я оценил по достоинству и приветствую учиненный мне выговор, – отозвался Грант. – Но хотел бы войти и минутку поговорить с вами.

– Вы больше похожи на военного, чем на полицейского, – произнес, улыбаясь, бывший матрос, ведя Гранта в зал. – Ну прямо точная копия майора, который как-то был с нами по другую сторону Пролива^[20]. Вандалер была его фамилия. Никогда не встречались?

Грант не встречал майора Вандалера.

– Ладно, чем я могу быть вам полезен, сэр? Вы по поводу этого дела с Сирлом, я так понимаю.

– Вы можете сделать для меня две вещи. Я хотел бы, чтобы вы подумали, я подчеркиваю – подумали и высказали свое мнение о том, что произошло между Уитмором и Сирлом в среду вечером. И мне нужно бы иметь список тех, кто был тогда в среду в баре, и знать, когда они покинули его.

Рассказ Рива отражал объективную позицию военного человека. Он не собирался приукрашивать случившееся, и его отчет не носил отпечатка личного отношения, как это зачастую бывает у людей искусства. Грант почувствовал облегчение. Было похоже на то, как если бы он слушал доклад одного из своих людей. Явной неприязни между мужчинами не было, сказал Рив. Он вообще бы их не заметил, если бы не тот факт, что они оказались как бы в изоляции – никто не отошел от стойки и не подсел к ним. Обычно один-другой посетитель подходит к столику, чтобы продолжить беседу, начатую у стойки. Однако в среду эти двое словно не замечали никого вокруг, и народ предпочел не вмешиваться в их разговор.

– Они были как два пса, которые ходят кругами один около другого, – пояснил Рив. – Ссоры не было, но очень напряженная атмосфера. Взрыв мог произойти в любую минуту, если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Вы видели, как ушел Уитмор?

– Никто не видел. Ребята спорили, кто в каком году играл в крикет за Австралию. Они замолчали, когда хлопнула дверь, вот и все. Потом Билл Мэддокс, увидев, что Сирл остался один, подошел и поговорил с ним. Мэддокс держит гараж на краю деревни.

– Благодарю. А теперь еще назовите, кто был в баре.

Грант составил список: фамилии окрестных жителей, в большинстве своем неизменные с библейских времен. Выходя из паба и направляясь к машине, Грант спросил:

– У вас остановился кто-нибудь из газетчиков?

– Трое, – ответил Рив. – Из «Клэрион», «Морнинг ньюс» и «Пост». Они все шныряют по деревне, выуживают новости.

– Добавьте еще Скотленд-Ярд, – кривовато усмехнулся Грант и уехал искать Билла Мэддокса.

На краю деревни стояло высокое бревенчатое строение, на котором красовалась полуоблезшая вывеска: «УИЛЬЯМ МЭДДОКС И СЫН, ПЛОТНИКИ И СТРОИТЕЛИ ЛОДОК». На одном углу здания ярко-желтой и черной красками была нарисована стрела, указывавшая вбок, во двор. Надпись на стреле гласила: «ГАРАЖ».

– Как это вы ухитряетесь управляться и с тем, и с другим? – проговорил Грант, представившись Биллу Мэддоксу и кивком указывая на стрелу.

– О, «Мэддокс и сын» – это отец, не я.

– А я думал, сын – это, вероятно, вы.

Билл улыбнулся:

– О нет. Мой дед был «сын». Это дело основал мой прадед. И до сих пор они лучшие плотники, хоть это и я говорю. Вам нужна информация, инспектор?

Выслушав все, что мог сообщить ему Мэддокс, Грант уже собрался уходить, как Мэддокс вдруг спросил:

– Вы, случайно, не знаете газетчика по фамилии Хопкинс?

– Хопкинс из «Клэрион»? Встречал.

– Он тут отирался несколько часов сегодня утром, и знаете, что этот тип думает? Он считает, что вся эта история просто рекламный трюк, чтобы лучше распродать книгу, которую они собирались написать.

Сочетание такой типично хопкинсовской реакции и недоумевающего выражения на лице Билла оказалось слишком большим испытанием для Гранта: он прислонился к машине и расхохотался.

– Профессия журналиста очень портит человека, – еле выговорил он. – А Джемми Хопкинс и родился «с порчинкой», как сказал бы один мой друг.

– О-о, – протянул Билл, все еще не переставая удивляться. – А я бы сказал – он глупый. Просто глупый.

– Кстати, вы не знаете, где я мог бы найти Сержа Ратова?

– Боюсь, он еще в постели, но если встал, то вы найдете его облокотившимся на прилавок почты. Почта находится в лавке. На этой же улице, на полпути к центру. Серж живет в пристройке рядом с лавкой.

Но Серж еще не успел занять свою обычную позицию у почтового прилавка. После беседы с репортером он шел по улице, зажав под мышкой газету. Грант никогда до этого не видел Сержа Ратова, но был достаточно хорошо знаком с отличительными чертами человека его профессии, чтобы в деревенском прохожем распознать балетного танцовщика. Одежда, болтающаяся на тощем теле, общее впечатление недокормленности, вид совершенно расслабленный, как будто ощущаешь, что мышцы вялы, как растянувшаяся резинка. Грант никогда не переставал поражаться тому, как блестящие кавалеры, без всякого усилия, лишь слегка сжав зубы, вскидывающие на руках балерин, выйдя из театра, становятся похожими на жалких мальчишек-разносчиков, с трудом толкающих свои тележки.

Поравнявшись с Сержем, Грант остановил машину и обратился к танцовщику:

– Мистер Ратов?

– Это я.

– Я инспектор уголовного розыска Грант. Могу я поговорить с вами?

– Все говорят со мной, – ответил Серж благодушно. – Почему бы и вам этого не сделать?

– О Лесли Сирле.

– Ах да. Он утонул. Восхитительно.

Грант пробормотал пару каких-то фраз о добродетели благоразумия.

– Ах, благо-разу-ми-е! – растянул Серж это слово на шесть длинных слогов. – Буржуазная черта.

– Я понял так, что между вами и Сирлом произошла ссора.

– Ничего подобного.

– Но...

– Я выплеснул кружку пива ему в физиономию – вот и все.

– И вы не считаете это ссорой?

– Конечно нет. Ссориться – значит находиться на одном уровне, на равных, как вы говорите – в одном и том же ранге. С *canaille*^[21] не ссорятся. Мой дедушка в России приказал бы отстегать его кнутом. Но здесь Англия и декаданс, поэтому я плеснул в него пивом. По крайней мере, это жест.

Когда Грант потом пересказывал этот разговор Марте, она заметила:

– Не знаю, что бы делал Серж без этого дедушки в России. Отец Сержа уехал из России, когда сыну было три года, Серж ни слова не знает по-русски, и вообще, он наполовину неаполитанец. Но все его фантазии строятся на этом дедушке в России.

– Вы, надеюсь, понимаете, – начал Грант терпеливо, – что полиция должна опросить всех, кто знал Сирла, и получить отчет в том, что они делали поздним вечером в среду.

– Правда? Как утомительно для вас. Очень она унылая – жизнь полисмена. Действие. Так ограничено, так рудиментарно. – Серж изобразил семафор и, размахивая руками, как марионетка, стал имитировать его сигналы. – Утомительно. Очень утомительно. Понятно, конечно, но без всякой утонченности.

– Где вы были в среду начиная с девяти часов вечера и до ночи? – задал прямой вопрос Грант, решив, что все иное в этом случае лишь пустая трата времени.

– Я танцевал, – ответил Серж.

– О! В деревенском танцзале?

У Сержа был такой вид, словно он вот-вот упадет в обморок.

– Вы *полагаете*, что я – я, Серж Ратов, – принимал участие в этих «гоп-гоп»?

– Тогда где же вы танцевали?

– У реки.

– Что?!

– Я работаю над хореографией для нового балета. Там, на берегу реки, в весеннюю ночь меня осеняют идеи. Они растут во мне, фонтанируют. Там такая атмосфера, что я пьянею. Я могу сделать все, что угодно, мне пришла в голову прелестная мысль использовать речную музыку Машако. Она начинается с...

– В каком месте у реки?

– Что?

– В каком *месте*?

– Откуда мне знать? Там повсюду эта атмосфера.

– Ну, вы шли вверх по реке от Сэлкотта или вниз?

– О, конечно же вверх.

– Почему «конечно же»?

– Мне нужна большая площадка, чтобы танцевать. А такие площадки есть только выше Сэлкотта. Вниз от деревни сплошь крутые берега и утомительные переплетения корней. Корни. Грубая, непристойная штука. Они...

– Вы можете найти место, где вы танцевали в среду вечером?

– Найти?

– Показать мне.

– Каким образом? Я никогда не помню, где я был.

– Припомните, пожалуйста, вы кого-нибудь видели, пока были у реки?

– Никого, кто был бы достоин запоминания.

– «Достоин запоминания»?

– Время от времени я натыкался на любовников в траве, но они, как вы говорите, сдаются вместе с домом. Они часть... часть декорации. Незапоминающаяся.

– Тогда, быть может, вы помните, когда вы ушли от реки в среду вечером?

– О да, прекрасно помню.

– И когда же?

– Когда полетела падающая звезда.

– В котором часу это было?

– Откуда мне знать? Терпеть не могу падающих звезд. От них у меня сводит живот. Хотя я подумал, что это был бы неплохой финал для моего балета – падающая звезда. Понимаете, как будто оттолкнулся от «Видения Розы». Это заставит город говорить, покажет всем, что я еще могу...

– Мистер Ратов, как вам кажется, каким образом Лесли Сирл мог оказаться в реке?

– Оказаться? Упал, наверное. Такая жалость. Загрязнение. Река так красива, ее следовало бы побережь для чего-либо прекрасного. Офелия. Шалотт. Как вы думаете, из Шалотт можно сделать балет? Все, что она видит в зеркале. Это идея, не правда ли?

Грант сдался.

Он вышел из машины и пошел по улице туда, где плоский каменный фасад Ху-хаус нарушал череду розовых, желтых и просто белых фронтонов деревенских домов с остроконечными крышами. Ху-хаус стоял на панели, как и другие дома, но к его входной двери вели три ступени, так что первый этаж был приподнят над уровнем улицы. Это придавало дому чувство собственного достоинства, некую отстраненность от будничных дел. Дергая ручку викторианского колокольчика, торчавшую из начищенного до блеска медного круга, Грант мысленно благословил того человека, который взял на себя труд восстановить это здание, – кем бы этот человек ни был. Он сохранил дом, не пытаясь исказить его первоначальный вид, сделав из него, таким образом, музейный экспонат. Дыхание веков исходило от стертых ступеней, от медного колокольчика. Очевидно, масса денег была потрачена, чтобы привести дом в нынешнее состояние, подобающее такому строению,

и Грант подумал, что одно спасение Ху-хаус уже оправдывает существование Тоби Таллиса.

Дверь открыл слуга, словно вышедший из какой-нибудь пьесы Тоби. Вежливый, но с непроницаемым видом. Как монолит, он загораживал собой вход.

– Мистер Таллис никогда не принимает до ланча, – произнес слуга в ответ на вопрос Гранта. – По утрам он работает. Встречи с прессой – в два часа дня. – Он потянулся рукой к двери.

– Разве я похож на репортера? – резко проговорил Грант.

– Ну нет, этого я сказать не могу, сэр.

– Нет ли у вас маленького подноса? – спросил Грант неожиданно вкрадчивым голосом.

Слуга покорно повернулся и со стоящего в холле столика в стиле Якова I взял серебряный подносик для визитных карточек.

Грант положил кусочек картона на поднос и сказал:

– Передайте мой привет мистеру Таллису и скажите, что я буду ему благодарен, если он уделит мне три минуты.

– Конечно, сэр, – поклонился слуга, боясь даже взглянуть на карточку Гранта. – Не будете ли вы так любезны войти и подождать?

Он исчез в задней части дома и закрыл за собой дверь комнаты, за которой слышалась болтовня, отнюдь не свидетельствующая о том, что хозяин работает. Через мгновение слуга вернулся. Не согласится ли инспектор Грант пройти? Сюда, пожалуйста. Мистер Таллис будет рад встретиться с ним.

Комната в задней части дома, как обнаружил Грант, выходила окнами в большой сад, спускавшийся к берегу реки. Здесь был иной мир, совершенно не похожий на мир деревенской улицы, откуда Грант только что пришел. Комната была гостиной, обставленной самыми лучшими «экспонатами», которые Гранту приходилось видеть вне музеев. Тоби, в необыкновенном халате, сидел перед серебряным кофейным прибором. За спиной Тоби порхал неоперившийся юнец в еще более экстравагантном костюме, державший в руках блокнот и олицетворявший пылкое рвение. Судя

по девственной чистоте листов блокнота, он являл собой скорее эмблему занятости, чем профессиональное орудие труда.

– Вы скромны, инспектор, – заявил Тоби, здороваясь с Грантом.

– Скромнен?

– Три минуты! Даже газетчики обычно просят десять.

Это должно было прозвучать как комплимент Гранту, но в действительности вылилось в намек на то, что Тоби – наиболее часто интервьюируемая личность в англоязычном мире и что его время бесценно. Как всегда, все, что делал Тоби, было немного «чересчур».

Тоби представил молодого человека как Джайлса Верлена, своего секретаря, и предложил Гранту кофе. Грант сказал, что для него в такой час кофе – либо слишком поздно, либо слишком рано, но пусть мистер Таллис продолжает завтракать. И Тоби продолжал.

– Я расследую исчезновение Лесли Сирла, – проговорил Грант. – И боюсь, это вынуждает меня беспокоить людей, которые лишь отдаленно были связаны с Сирлом. Мы обязаны опросить всех, кто был знаком с Сирлом, что они делали вечером в среду.

– Инспектор, вы дарите мне блаженство, которое я уже потерял надежду обрести. Мне всегда безумно хотелось, чтобы когда-нибудь меня допросили, что я делал в девять тридцать вечера в пятницу тринадцатого числа, но я, право, не мог рассчитывать, что это со мной случится.

– Теперь, когда это случилось, надеюсь, у вас есть основательное алиби на тот вечер.

– У моего алиби есть по крайней мере одно достоинство – простота. Джайлс и я провели эти дивные полночные часы, обсуждая акт второй, сцену первую. Прозаично, инспектор, но необходимо. Я – деловой человек.

Грант перевел взгляд с делового человека на Джайлса и пришел к выводу, что молодой человек находится на той стадии ученичества, когда он сознается даже в убийстве, если это доставит удовольствие Тоби. А такая мелочь, как подтверждение алиби, плевое дело.

– И мистер Верлен подтверждает это, конечно, – сказал Грант.

– Да, о да, конечно! Конечно подтверждаю! – затараторил Джайлс, сыпля утвердительными восклицаниями в пользу своего патрона.

– Это действительно трагедия – то, что он утонул, – заметил Тоби, прихлебывая кофе. – Общая сумма красоты мира не так велика, чтобы позволить попусту расточать ее. Шеллиевский конец, конечно, и очень подходит к данному субъекту. Вы знаете мемориал Шелли в Оксфорде, инспектор?

Грант знал мемориал. Тот напоминал ему переваренного цыпленка, однако он не стал говорить этого. А Тоби и не ждал никакого ответа.

– Славная штука. Утонуть – это, несомненно, лучший способ уйти из жизни.

– После тесного соприкосновения со многими трупами, вытасченными из воды, не могу согласиться с вами.

Тоби вылупил на Гранта глаза:

– Не разрушайте мои иллюзии, инспектор. Вы хуже, чем Сайлас Уикли. Сайлас всегда подчеркивает мерзость жизни. А кстати, у Сайласа есть алиби?

– Я его еще не спрашивал. Насколько я понял, он почти не был знаком с мистером Сирлом.

– Это не остановит Сайласа. Я не удивлюсь, если он это сделал в угоду, так сказать, местному колориту.

– Местному колориту?

– Да. По мнению Сайласа, деревенская жизнь – это нескончаемая череда изнасилований, убийств, инцестов, абортов и самоубийств. Так что, быть может, Сайлас думает, что пришло время Сэлкотт-Сент-Мэри стать подтверждением этой его теории. Вы читали Сайласа, инспектор?

– Боюсь, что нет.

– Не извиняйтесь. Это мало кому по вкусу. Даже его жена не испытывает склонности читать его опусы, если верить разговорам.

Хотя бедняжка так занята тем, что выкармливает и рождает детей, что вряд ли у нее есть время для размышлений на абстрактные темы. Похоже, никто никогда не говорил ей о возможностях контрацепции. Конечно, Сайлас – тронутый насчет плодовитости. Он считает, что высшая функция женщины – производство потомства. Так бессердечно – вы не чувствуете? – по отношению к женщине: сравнивать ее с крольчихой и знать, что она неизбежно проиграет. Жизнь – через Плодовитость и Уродство. Так видит ее Сайлас. Он ненавидит красоту. Красота – это преступление. Ему необходимо растоптать ее и превратить в плодовитость. Мульчировать ее. Конечно, он немного сумасшедший, бедняжка, но это выгодный вид сумасшествия, так что оплакивать его не надо. Один из секретов успеха в жизни – знать, как выгодно воспользоваться легким сумасшествием.

Интересно, это всего лишь образец обычной манеры Тоби разговаривать или эта болтовня рассчитана на то, чтобы настроить его, Гранта, против Сайласа Уикли? Там, где личность человека проявляется в постоянном создании видимости, как в случае Тоби Таллиса, трудно решить, какая часть этой видимости – воздвигаемая преграда, а какая – щит для расклейки рекламы.

– Вы вообще не видели Сирла в среду вечером? – спросил Грант.

Нет, Тоби не видел его. Тоби бывает в пабе до обеда, а не после.

– Мне бы не хотелось вмешиваться, инспектор, но мне кажется, не стоит раздувать такой пожар из-за того, что кто-то просто утонул.

– А почему утонул?

– А почему нет?

– У нас вообще нет доказательств того, что Сирл утонул, зато есть чисто теоретические соображения, что этого не произошло.

– Что он не утонул? Какие у вас есть доказательства этого?

– По дну реки прошлись драгой, искали тело.

– А, это!

– Мистер Таллис, мы расследуем исчезновение человека в Сэлкотт-Сент-Мэри вечером в среду.

– Вам обязательно нужно повидать викария, инспектор. У него готово для вас прекрасное решение задачи.

– И в чем оно заключается?

– Дорогой викарий считает, что Сирла здесь вообще не было. Он утверждает, что Сирл просто демон, который ненадолго принял облик человека, а потом исчез, когда шутка поднадоела ему – или из нее вышел сок, так сказать.

– Очень интересно.

– Вы, я полагаю, никогда не видели Сирла, инспектор?

– Да нет, я встречался с ним.

Это так удивило Тоби, что Грант даже улыбнулся.

– Демон пришел на вечеринку в Блумсбери как раз перед тем, как появиться в Сэлкотте, – пояснил он.

– Дорогой инспектор, вы непременно должны повидаться с викарием. Такой неоценимый вклад в теорию о демонах достоин исследования.

– Почему вы спросили меня, видел ли я Сирла?

– Потому что его внешность была столь совершенной, что могла принадлежать только материализовавшемуся демону.

– Вы хотите сказать – у него красивое лицо?

– Разве дело только в лице? – возразил Тоби, отчасти со смехом, отчасти с вызовом.

– Не только, – согласился Грант, – не только.

– Вы думаете, с Сирлом что-то нечисто? – спросил Тоби, на какое-то мгновение выйдя из образа и опускаясь до употребления вульгаризма.

– Для такого предположения нет оснований.

– Ах, боже! – с притворным вздохом воскликнул Тоби, возвращаясь в свой образ. – Глухая стена бюрократической осторожности. У меня осталось мало честолюбивых устремлений в жизни, инспектор, но одно из них – страстное желание понять, что двигало Лесли Сирлом.

– Если я когда-нибудь это узнаю, бюрократическая осторожность даст трещину и я сообщу вам, – пообещал Грант и поднялся, собираясь уходить.

Минуту он постоял, глядя на ярко освещенный солнцем сад, на сверкающую реку в его дальнем конце.

– Как будто на мили вокруг ничего нет, – проговорил Грант.

Тоби сказал, что этот вид едва ли не главная прелесть Ху-хаус, но что, конечно же, у большинства домов на приречной стороне улицы есть сады, спускающиеся к реке. Только почти все они разбиты на мелкие квадратики и огородные грядки. Сад Ху-хаус кажется столь обширным потому, что в нем только лужайки и деревья.

– А река как бы обрамляет картину, не нарушая общего вида. Впрочем, река – это весьма неоднозначное благо.

– Комары?

– Нет. Время от времени река проявляет желание ворваться в дом. Примерно каждую шестую зиму ей это удается. Прошлой зимой мой сторож проснулся как-то утром и обнаружил, что в окно его спальни тычется лодка.

– Вы держите лодку?

– Маленькая, несерьезная посудина. Плоскодонка, в которой приятно полежать летним днем.

Грант поблагодарил Тоби за готовность помочь, еще раз извинился, что помешал ему завтракать, и удалился. Тоби проявил было признаки желания показать Гранту дом, но тот уклонился – по трем причинам: у него впереди было много работы; он уже видел большое количество снимков дома в иллюстрированных изданиях; ему претило, чтобы один из шедевров старой английской архитектуры ему показывал напыщенный фат вроде Тоби Таллиса.

Глава двенадцатая

Сайлас Уикли жил в небольшом доме, стоявшем в проулке, который вел к дальней излучине реки. Точнее, проулок начинался у реки, поднимался к полям, там поворачивал под прямым углом, тянулся вдоль края деревни, а потом еще раз поворачивал вверх и доходил до улицы. Типично местная топография. В последнем домике, у самых полей, и жил Сайлас Уикли. Грант, отправившийся туда продолжать свою работу, был удивлен убожеством этого жилища. Дело было не только в том, что Уикли, автор бестселлеров, мог себе позволить приобрести более привлекательный дом, – здесь не замечалось никакой попытки хозяина приукрасить свое обиталище. Ни щедрости ярких красок, ни даже простой побелки – ничего, чем отличались другие дома в деревне и от чего улица в Сент-Мэри так радовала глаз. Никаких цветов на окнах, никаких веселеньких занавесок. По сравнению со своим окружением дом Уикли выглядел трущобой.

Дверь домика была открыта, и изнутри его, нарушая покой солнечного утра, неслись детские вопли – плач грудного младенца и крики ребенка постарше. На крыльце стоял эмалированный таз с грязной водой, в которой медленно всплывали и лопались мыльные пузыри. Тут же валялась какая-то меховая игрушка, столь истертая и грязная, что невозможно было определить, какого зверя она когда-то изображала. В комнате никого не было, и пораженный Грант какое-то время постоял в дверях, оглядываясь. Обставлена комната была крайне скудно, повсюду сверх всякой меры, сверх всякого воображения царили беспорядок и грязь.

Откуда-то из задней части дома продолжал раздаваться плач, поэтому Грант громко постучал по входной двери. На повторный стук отозвался женский голос: «Просто оставьте его там, благодарю вас». На третий стук Гранта из темного нутра дома вышла женщина и направилась к нему спросить, что ему надо.

– Миссис Уикли? – проговорил Грант с сомнением.

– Да, я миссис Уикли.

Когда-то она, должно быть, была хорошенькой. Хорошенькой и смышленной. И независимой. Грант вспомнил, как ему рассказывали, что Уикли женился на учительнице начальной школы. Теперь на ней, хозяйке дома, был драный передник поверх цветастого капота, на ногах – старые, разношенные туфли, к которым так быстро привыкают женщины, считая, что для домашней работы они вполне сойдут. Миссис Уикли не потрудилась надеть чулки, и ее ноги были перепачканы – на подъеме виднелись грязные пятна. Ее незавитые волосы были стянуты сзади в отчаянно тугий узел, но передние пряди, слишком короткие, вылезли из него и висели по обе стороны лица. Лицо было, пожалуй, вытянутым и очень утомленным.

Грант объяснил, что хотел бы повидать ее мужа.

– О-о, – медленно протянула она, словно мысли ее все еще были заняты плачущими детьми. – Извините, здесь такой беспорядок, – рассеянно добавила миссис Уикли. – Моя девушка из деревни сегодня не пришла. Она часто не приходит. Все зависит от того, как она себя чувствует. А с детьми трудно... Не думаю, что могу побеспокоить мужа в такое время. – (Интересно, подумал Грант, она что, считает, что крики детей его не беспокоят?) – Понимаете, по утрам он пишет.

– Понимаю. Но если вы передадите ему мою карточку, думаю, он меня примет.

– Вы от издателей?

– Нет, я...

– Потому что я думаю, лучше подождать и не прерывать его работу. Он может встретиться с вами в «Лебеде», не правда ли? Может быть, перед ланчем.

– Нет, боюсь, я должен повидать его сейчас. Понимаете, дело касается...

– Его нельзя беспокоить. Прерывается ход мыслей, и потом ему трудно... вернуться. Он пишет очень медленно... я хочу сказать –

старательно, иногда всего по абзацу в день, так что понимаете...

– Миссис Уикли, – резко прервал ее Грант, – пожалуйста, отдайте эту карточку вашему мужу и скажите, что мне необходимо поговорить с ним, как бы он ни был занят.

Она стояла, держа в пальцах карточку, но даже не взглянув на нее. Мозг ее явно лихорадочно работал, отыскивая довод, который бы смог убедить Гранта. И он внезапно понял, что она просто боится отнести карточку мужу. Боится «помешать» ему.

Чтобы помочь ей, Грант сказал, что вряд ли он сильно помешает, ведь дети все равно громко кричат. Трудно сосредоточиться в таком шуме.

– О, он не здесь работает, – проговорила миссис Уикли. – Я имею в виду – не в доме. У него есть свой домик в конце сада.

Грант забрал у нее из рук карточку и непреклонно заявил:

– Вы мне покажете дорогу, миссис Уикли.

Она молча провела его через темную кухню, где на полу сидел только начинающий ходить младенец с вывернутыми внутрь ступнями, который самозабвенно упивался собственным ревом. Ребенок в коляске яростно всхлипывал. Снаружи, в залитом светом саду, мальчик примерно лет трех бросал в деревянную дверь дома камешки, которые он выковыривал из вымощенной ими дорожки, – занятие непродуктивное, но достаточно шумное.

– Перестань, Фредди, – автоматически проговорила мать, но Фредди так же автоматически продолжал бросать камешки в дверь.

Сад за домом представлял собой длинную узкую полосу земли, тянущуюся вдоль проулка. На самом ее конце, в большом отдалении от дома, стояло деревянное строение. Миссис Уикли указала на него и проговорила:

– Может быть, вы пойдете и сами представитесь? А? Дети вот-вот придут из школы на полдник, а еда еще не готова.

– Дети? – переспросил Грант.

– Ну да, трое старших. Так что если вы не против...

– Нет, нет, конечно, я не против, – поспешил согласиться Грант. Ему и правда этим утром мало что могло доставить большее удовольствие, чем возможность потревожить великого Сайласа Уикли. Однако говорить об этом жене Сайласа Уикли он не стал.

Он дважды постучал в дверь деревянной хижины – очень аккуратной хижины – и, не получив ответа, шагнул через порог.

Сайлас Уикли, который сидел за столом и писал, резко обернулся и зарычал:

– Как ты посмела войти ко мне в... – но тут же замолчал, увидев Гранта. Он явно был уверен, что незваный гость – его жена.

– Кто вы такой? – грубо крикнул Сайлас. – Если вы журналист, то знайте, что наглость не окупается. Здесь частное владение, и вы нарушили его границы.

– Я – инспектор уголовного розыска Скотленд-Ярда Грант, – произнес Грант, наблюдая, как будет воспринято это известие.

Через минуту-две нижняя челюсть Сайласа вернулась на свое место, и ему удалось выговорить:

– А что вам надо, осмелюсь спросить?

Это была неубедительная попытка проявить свирепость, и она не удалась.

Грант произнес свою дежурную фразу о расследовании исчезновения Лесли Сирла и об опросе всех, кто был знаком с ним. При этом той долей своего мозга, которая не была занята произнесением этой формулы, Грант отметил, что чернила на рукописи, над которой трудился Уикли, не только высохли, но и потемнели. Вчерашние чернила. Сегодня утром Уикли не написал ни строчки, хотя время уже перевалило за полдень.

При упоминании Лесли Сирла Уикли разразился филиппикой против богатеньких дилетантов, которую Грант, зная о доходах Уикли и видя, сколь велики результаты его работы сегодня утром, счел неуместной. Он прервал Сайласа вопросом, что тот делал вечером в среду.

– А если я не захочу вам отвечать?

– Я сделаю отметку о вашем отказе и уйду.

Уикли это не понравилось, и он пробормотал что-то насчет того, что полиция изводит его.

– Я только прошу вашего содействия как гражданина, и все, – заметил Грант. – Я уже сказал, ваше право – отказаться содействовать.

Сайлас, сердито надувшись, заявил, что в среду вечером после ужина он писал, и писал всю ночь.

– Свидетели этому есть? – спросил Грант, не деликатничая с Сайласом.

– Конечно. Моя жена.

– Она находилась здесь, с вами?

– Нет, конечно нет. Она находилась в доме.

– Значит, вы были здесь один?

– Да.

– Благодарю вас и до свидания, – проговорил Грант и вышел из хижины, захлопнув за собой дверь.

Воздух снаружи был освежающе сладким. Однако даже кислый запах молока, которое срыгнул младенец, и сохнувших нестиранных пеленок, висевший в доме, был ничто, по мнению Гранта, по сравнению с духом прокисшей человеческой природы, наполнявшим рабочую комнату Сайласа Уикли. Идя обратно к дому, Грант пытался твердить себе, что этим безнадежно извращенным мозгом созданы «шедевры» современной английской литературы. Но эта мысль не утешала. Грант не стал заходить в дом, в котором не находилось места радости и откуда доносилось торопливое звяканье кастрюль (подходящий аккомпанемент, не удержался от сарказма Грант), сообщавшее о том, что хозяйка дома занята. Обойдя дом сбоку, Грант направился к калитке. Тут к нему приблизился Фредди.

– Хелло, Фредди, – проговорил Грант, жалея скучающего малыша.

– Хелло, – без всякого энтузиазма отозвался Фредди.

– Что, более увлекательной игры, чем бросать камешки в дверь, не нашел?

– Нет, – ответил Фредди.

– А может, найдется, если поглядеть вокруг?

– Нет, – холодно повторил Фредди, словно объявляя окончательное решение.

Грант постоял минутку, разглядывая ребенка.

– Никто никогда не усомнится в том, кто твой отец, Фредерик, – сказал Грант и пошел вверх по проулку, туда, где он оставил машину.

Именно по этому проулку пошел в среду вечером Лесли Сирл, распрощавшись с компанией на деревенской улице. Он прошел мимо дома Уикли, направляясь туда, где в стенке был перелаз, который вел в первое поле, лежащее между деревней и излучиной реки.

По крайней мере, считалось, что он пошел туда.

Он мог пройти по проулку позади деревни и снова выйти на улицу. Но это было маловероятно. В деревне Сирла больше не видели. Он ушел в темноту проулка и исчез.

«Немного сумасшедший», – сказал Таллис о Сайласе Уикли. Однако Сайлас Уикли не показался Гранту сумасшедшим. Садист – возможно. Почти наверняка одержим манией величия. Человек, больной извращенным тщеславием. Но по-настоящему сумасшедший – нет.

А может, психиатр решил бы иначе?

Один из самых известных в стране психиатров однажды сказал Гранту, что написать книгу – значит выдать себя. (Кто-то еще сказал то же самое более остроумно и сжато, но сейчас Грант не мог припомнить, кто именно.) Каждая строчка разоблачает автора, заявил психиатр. Интересно, подумал Грант, что бы он сказал, прочитав какое-нибудь из злобных излияний Сайласа Уикли? Что это выплескивается наружу мелочность ума или что это просто брожение тщеславия? Или что это признание в безумии?

Грант подумал было вернуться в «Лебедь» и позвонить оттуда в полицейский участок Уикхема, но «Лебедь» сейчас, вероятно, уже открылся, так что телефонный разговор не будет

конфиденциальным. Грант решил поехать поесть в Уикхем. Там он сможет не спеша поговорить с инспектором Роджерсом и узнать, нет ли новостей из Центра.

В Уикхеме Грант обнаружил, что высшие чины полицейского участка готовятся удалиться, чтобы в покое провести уик-энд, а чины более низких рангов готовятся к еженедельным субботним развлечениям. Роджерс мало что сказал – он вообще был неразговорчив, да и сообщить ему было нечего. По Уикхему ходят слухи об исчезновении Сирла, особенно теперь, когда газеты сделали из этого сенсацию. Но никто не пришел и не заявил, что видел его.

– Даже никакой псих не пришел признаваться в убийстве, – бесстрастно заявил Роджерс.

– Ну, это уже приятно, – отозвался Грант.

– Придет, придет, – утешил его Роджерс и пригласил Гранта к себе домой на ланч.

Однако Грант предпочел поесть в отеле.

Он сидел в столовой «Белого оленя» и ел простой, но обильный ланч, который поставили перед ним, когда доносившаяся из кухни по радио музыка прервалась и раздался голос диктора, сопровождаемый стуком кастаньет и звучащий оттого странно урбанистически.

– Перед новостями послушайте обращение полиции. Того, кто в среду вечером посадил к себе в машину молодого человека на шоссе между Уикхемом и Кроумом, в Орфордшире или где-нибудь поблизости от этого места, просят связаться со Скотленд-Ярдом. Телефон: Уайтхолл, один-два-один-два, – пропел веселый голос.

Затем последовал стремительный поток дикторских голосов – радио передавало последние известия.

Грант без всякого удовольствия доел очень вкусный пудинг с вареньем и опять вышел на солнечный свет. Когда он заходил в «Белый олень» на ланч, улицы кишели толпами субботних покупателей, теперь они были пусты, а лавки закрыты. Грант выехал

из городка и еще раз пожалел, что не может отправиться на рыбалку. Как это он выбрал профессию, при которой нельзя рассчитывать на свободный вечер в субботу? Полмира сейчас спокойно сидит и наслаждается ранним солнечным вечером, а он должен провести его, занимаясь ерундой, задавая вопросы, которые ни к чему не приведут.

Грант ехал обратно в Сэлкотт в очень дурном расположении духа. Только Дора Сиггинс слегка развеселила его. Он подобрал Дору сразу за городом на длинном скучном огороженном участке, где шоссе мило или чуть больше шло параллельно реке.

Издали Грант принял фигурку, что брела по дороге, за мальчишку, который тащит мешок с инструментами, но, подъехав ближе и притормозив в ответ на поднятый большой палец, обнаружил, что это девушка в рабочих брюках, с большой хозяйственной сумкой в руках. Девушка несколько развязно ухмыльнулась и проговорила:

– Вы спасли мне жизнь, право слово! Я опоздала на автобус, потому что покупала обувь для сегодняшней танцульки.

– О! – произнес Грант, глядя на пакет, не поместившийся в битком набитой сумке. – Хрустальные?

– Не для меня, – сказала девушка, захлопывая дверь и удобно устраиваясь на сиденье. – Всякое там «домой-к-полуночи» – не для меня. И потом, знаете, башмачок был вовсе не хрустальный. Он был меховой. Французский или что-то вроде. Мы учили про это в школе.

Интересно, подумал Грант, остались ли у современной молодежи хоть какие-нибудь иллюзии? На что будет похож мир без сказки? Или для современного ребенка прелестная иллюзия того, что он сам фигура первостепенного значения, вытеснила прежние, более абстрактные фантазии? От этой мысли настроение Гранта значительно улучшилось.

По крайней мере, воображают они быстро, современные дети. Наверное, благодаря кино. Они, завсегда и кинотеатров, покупающие билеты за один-два пенса, всегда успевают целиком уловить смысл происходящего, пока передние ряды только

нащупывают его. Его, Гранта, пассажирка подхватила замечание о хрустальной туфельке без секундного размышления.

Она оказалась веселой девчонкой. Несмотря на то что проработала всю неделю, а потом опоздала на автобус, да еще в субботу, когда полдня свободны, она не унывала и выложила все о себе без всяких вопросов со стороны Гранта. Ее зовут Дора Сиггинс, и она работает в прачечной. У нее есть приятель, он работает в гараже в Сэлкотте, и они собираются пожениться, как только приятель получит повышение, что должно произойти к Рождеству, если все будет так, как они рассчитывают.

Когда спустя изрядное время Грант послал Доре Сиггинс коробку шоколада как анонимный знак благодарности за помощь, которую она ему оказала, он от всей души надеялся, что это не приведет к недоразумению и ссоре с приятелем, который рассчитывал на повышение к Рождеству.

– Вы коммерсант? – спросила девушка, исчерпав факты собственной биографии.

– Нет, – ответил Грант. – Я полицейский.

– Ну да! – не поверила она, но потом, пораженная мыслью, а вдруг он говорит правду, стала внимательно оглядывать внутренность машины.

– Фу-у! – произнесла она наконец. – Пусть меня повесят, если это не так!

– А что вас убедило? – с любопытством спросил Грант.

– Все вылизано, – ответила девушка. – Только у пожарных и у полиции есть свободное время, чтобы так надраивать машину. А я думала, полиции запрещается подсаживать.

– Вы, наверное, имеете в виду почтовые машины. Вот и Сэлкотт на горизонте. Где вы живете?

– Дом с дикой вишней. Господи боже, и сказать не могу, как я рада, что не пришлось топтать эти четыре мили. А вы гонитесь за шпионом?

– Нет, – улыбнулся Грант и поинтересовался, почему она так решила.

– О, вы в обычном костюме и все такое. Подумала, может, вы на денек отправились по своим делишкам. Вам бы надо обзавестись одной штукой, как у американской полиции.

– Какой? – спросил Грант, останавливаясь против дома с дикой вишней.

– Сиреной, чтоб орала, когда вы едете.

– Упаси боже, – ужаснулся Грант.

– А мне всегда хотелось промчаться по улицам с сиреной и посмотреть, как все будут бросаться врассыпную.

– Не забудьте свои туфли, – напомнил Грант, указывая на пакет, лежащий на сиденье.

– Ой, что вы, нет! Спасибо! Тысячу спасибо за все! Никогда в жизни не скажу дурного слова о полиции!

Она побежала по дорожке к дому, остановилась, помахала Гранту рукой и исчезла.

А он пошел в деревню продолжать собирать алиби.

Глава тринадцатая

Когда без четверти семь Грант входил в Милл-хаус, у него было ощущение, будто он просеял Сэлкотт сквозь мелкое сито, но в сите ничего не осталось. Он получил точный срез жизни в Англии, и это сильно обогатило его представление о людях. И все же в направлении решения задачи, порученной ему, он не продвинулся ни на шаг.

Марта приветствовала Гранта своим воркующим глубоким контральто, и он сразу окунулся в атмосферу мира и покоя. Гостиная Милл-хаус нависала над рекой, и днем казалось, что обстановка комнаты плывет в колеблющемся зеленоватом свете, словно находится под водой. Однако сегодня вечером Марта задернула занавески, чтобы в комнату не проникали ни последние лучи закатного солнца, ни отблеск реки. Марта приготовила убежище, дышащее теплом и покоем, и усталый и сбитый с толку Грант был ей благодарен за это.

– Я так рада, что исчез не Уолтер, – проговорила Марта, взмахом руки – своим излюбленным жестом – указывая Гранту на кресло и принимаясь разливать шерри.

– Рады? – с недоумением повторил Грант, помнивший, каково было мнение Марты об Уолтере.

– Если бы исчез Уолтер, меня бы заподозрили в том, что я его убила, а так все будут думать, что я его номинальный компаньон.

Грант подумал, что заподозрить Марту в том, что она чей-то номинальный компаньон, все равно что будить спящую собаку^[22].

– Теперь я могу со стороны наблюдать, как вертятся колеса судьбы. Вы блестяще исполнили свою роль, дорогой?

– Я провалился, – ответил Грант сердито, но Марта не обратила на его дерзость никакого внимания.

– У вас такое чувство только потому, что вы устали и голодны. А может, еще и страдаете расстройством желудка после того, как два

дня питались в «Белом олене». Сейчас я оставлю вас наедине с графином шерри и спущусь за вином. Холодное мозельское из подвала. Кухня – под этой комнатой, а подвал под кухней, так что вино там такое же холодное, как вода в реке. О господи, ведь я же дала себе слово, что сегодня не буду больше думать о воде в реке. Я задернула занавески, чтобы не пускать сюда реку. Я уже не так безумно привязана к реке, как раньше. Быть может, мы оба почувствуем себя лучше после мозельского. А после того как я принесу вино из подвала, я приготовлю вам омлет, какой только я умею готовить, и мы устроимся поудобнее. Так что отдыхайте и постарайтесь, чтобы к вам вернулся аппетит. Если шерри покажется вам недостаточно сухим, там в буфете есть «Тис Пепе». Но мне кажется, его хвалят незаслуженно.

Марта ушла, и Грант в душе поблагодарил ее за то, что она не стала мучить его вопросами, которые наверняка тучей роились у нее в голове. Марта – женщина, которая не только знает толк в хорошей пище и хорошем вине, но еще и обладает природным здравым смыслом, а это уже полпути к тому, чтобы быть доброй. Грант никогда так ясно не видел достоинств Марты, как оказавшись в этом ее несколько необычном загородном доме.

Он откинулся в кресле под лампой, вытянул ноги к камину с уложенными в нем поленьями, и напряжение стало отступать. Было тепло и очень тихо. Шум реки не доносился в комнату – Рашмер тек неслышно. Раздавалось только потрескивание огня. На кушетке напротив Гранта лежала газета, а за его спиной стоял книжный шкаф. Однако Грант слишком устал, чтобы потянуться за газетой или достать книгу. Рядом с креслом висела полка с различными справочниками. Грант лениво прочел их названия и наткнулся на лондонский телефонный справочник. Вид этих знакомых томов направил ход его мыслей в новое русло. Когда он сегодня вечером говорил с Ярдом, ему сказали, что кухня Сирла пока еще не побеспокоилась связаться с ними. Этому, конечно, никто не удивился. Новости были опубликованы лишь сегодня утром, а

кузина-художница могла пребывать где угодно – от острова Сицилия до фермы в Камберленде. Она вообще могла не читать газет. И если уж на то пошло, ей могло быть совершенно безразлично, какая судьба постигла ее кузена. В конце концов, ведь Сирл откровенно сказал, что они не испытывают привязанности друг к другу.

Но Гранту очень хотелось поговорить с кем-нибудь, кто знал прошлое Сирла или по крайней мере хоть что-то из этого прошлого.

Поэтому теперь, когда он сбросил напряжение и впервые за два дня мог никуда не спешить, Грант протянул руку за томом на букву «С» – на тот случай, если кузина живет в Лондоне и они с Сирлом – дети родных братьев. Полистав справочник, Грант нашел фамилию Сирл. В книге значилась некая мисс Сирл, которая жила на Холли-пэйвмент. Холли-пэйвмент находилась в Хэмпстеде – известной колонии художников. Движимый внезапным импульсом, Грант снял трубку и попросил разговор с Лондоном.

– Через час. Вам позвонят, – сообщил торжествующий голос на другом конце провода.

– Срочно, – сказал Грант и назвал номер своего удостоверения.

– О! – произнес голос разочарованно, но задорно. – О! Хорошо, я посмотрю, что смогу сделать.

– Наоборот, – сказал Грант, – это я посмотрю, что вы можете сделать. – И повесил трубку.

Он поставил телефонный справочник на место и вытащил «Кто есть кто в театре», собираясь развлечься в ожидании Марты. Кое-что в этой книге заставило Гранта почувствовать себя очень старым. Актеры и актрисы, о которых он никогда не слышал, имели уже длинный список успешно сыгранных ролей и хорошую репутацию. Перечисление достижений тех, кто был ему знаком, занимало по несколько страниц на каждого и уже уходило в призрачное прошлое. Грант начал выискивать знакомые имена, как это делают по индексам – приложениям к биографиям. Тоби Таллис, сын Сиднея Таллиса и его жены Мэри (Спик). Удивительно, что такое

общенациональное достояние, как Тоби Таллис, был некогда зачат и пришел в этот мир обычным способом. Грант заметил, что ранний этап карьеры Тоби был обозначен скромно: «Одно время работал актером». Прежние коллеги Тоби – Грант знал об этом – горячо отрицали его даже самую приблизительную принадлежность к актерской профессии. С другой стороны, подумал Грант, вспомнив сегодняшнее утро, вся жизнь Тоби была «действом». Он создал для себя роль и с тех пор играл ее.

Грант удивился также, обнаружив, что Маргерит Мэрриам – дочь Джеффри Мэрриама и его жены Бренды (Маттсон) – оказалась значительно старше, чем можно было предположить, судя по ее хрупкой внешности. Может быть, поживи она подольше, этот облик мальчишки-подростка перешел бы в обычную худобу, а ее власть над сердцами публики пошла бы на убыль. Несомненно, именно это имела в виду Марта, когда сказала, что если бы Маргерит прожила еще десять лет, ее некролог был бы таким же пустым, как левая сторона книжного форзаца.

Марта – дочь Джервиза Уин-Стратта, члена палаты лордов, состоявшего на государственной службе, и его жены Энн (Халлард) – была, конечно, истинной аристократкой. Она воспитывалась в лучших школах и прокралась на подмости через заднюю дверь, воспользовавшись уроками ораторского искусства, как и многие ее предшественницы. Грант мысленно выразил надежду, что в следующем издании – или через одно – за именем Марты будет стоять звание женщины-кавалера ордена Британской империи и это послужит утешением Джервизу Уин-Стратту и его жене Энн за то, что четверть века назад дочь обманула их ожидания.

Грант не успел еще снять сливки с придуманного им развлечения, предоставляемого этим прелестным томом, как зазвонил телефон.

– Лондон на проводе. Говорите, пожалуйста, – услышал он голос телефонистки.

– Хелло, – сказал Грант. – Могу я поговорить с мисс Сирл?

– Мисс Сирл слушает, – произнес приятный, хорошо поставленный голос.

– Мисс Сирл, извините, пожалуйста, что беспокою вас, но нет ли у вас кузена, которого зовут Лесли Сирл?

– Есть, но если он занял у вас деньги, вы напрасно тратите время, надеясь, что я верну вам их.

– О нет, ничего похожего. Ваш кузен исчез, когда гостил у друзей в деревне, и мы подумали, вдруг вы сможете найти его. Моя фамилия Грант. Я инспектор уголовного розыска Скотленд-Ярда.

– О! – протянул голос задумчиво, но отнюдь не обескураженно. – Право, не знаю, чем я могу вам помочь. Лесли и я никогда не были особенно близки. Он всегда был мне не по вкусу, а я – ему.

– Мне бы хотелось прийти и поговорить с вами о нем. Быть может, вы будете дома завтра во второй половине дня? Я бы приехал.

– Ну, завтра во второй половине дня я собиралась на концерт в «Альберт-холл».

– О, тогда я мог бы зайти перед самым ланчем, если это вас устроит.

– Вы очень сговорчивы для полисмена, – заметила кузина Сирла.

– Преступники считают иначе, – ответил Грант.

– Я полагаю, проявлять сговорчивость по отношению к преступникам – альфа и омега тактики Скотленд-Ярда. Ладно, инспектор. Я не пойду на концерт. Он и правда не очень интересный.

– Вы будете дома, если я приду?

– Да, буду.

– Это очень любезно с вашей стороны.

– Этот хваленый фотограф не прихватил с собой фамильные драгоценности, уходя?

– Нет, о нет. Он просто исчез.

Она слегка фыркнула. Очевидно, что бы ни рассказала мисс Сирл Гранту о своем кузене, она не станет скрывать факты и лгать ради благопристойности.

Как только Грант повесил трубку, вернулась Марта. Впереди нее шел маленький мальчик и нес дрова. Он аккуратно уложил поленья в камин и уставился на Гранта.

– Томми хотел бы кое о чем попросить вас, – проговорила Марта. – Он знает, что вы сыщик.

– О чем, Томми?

– Вы не покажете мне свой револьвер, сэр?

– Показал бы, будь он у меня с собой. Но, к сожалению, он в ящике в Скотленд-Ярде.

Томми, казалось, был поражен в самое сердце.

– Я думал, он у вас всегда при себе. У фараонов в Америке – всегда. А вы умеете стрелять, сэр?

– Умею, – улыбнулся Грант, снимая этим ужасные подозрения, которые начали зарождаться в голове ребенка. – Я вот что предлагаю: когда ты следующий раз будешь в Лондоне, приходи в Скотленд-Ярд, и я покажу тебе револьвер.

– Я могу прийти в *Ярд*? О, спасибо! Большое спасибо, сэр! Это будет просто классно!

Томми ушел, вежливо пожелав доброй ночи, окутанный радостной аурой в фут толщиной.

– А родители думают, что они могут излечить мальчишек от любви к огнестрельному оружию, если не станут дарить им игрушечных солдатиков, – вздохнула Марта, ставя омлет на стол. – Садитесь есть.

– Я должен вам за разговор с Лондоном.

– А я-то думала, вы будете отдыхать.

– Я и отдыхал, но мне в голову пришла одна мысль, и это, пожалуй, первый шаг, который может привести к решению задачки, с тех пор как я занялся ею.

– Ладно! – проговорила Марта. – Так что теперь радуйтесь, и пусть ваши пищеварительные соки делают свою работу.

Маленький круглый стол придвинули к очагу, для украшения трапезы и создания настроения на него поставили свечи, и в спокойной дружеской обстановке они стали ужинать. Вошла

миссис Трапп с цыпленком, была представлена Гранту и многословно поблагодарила его за приглашение Томми. Больше их никто не беспокоил. За кофе разговор коснулся Сайласа Уикли и странного образа жизни в доме в проулке.

– Сайлас гордится, что живет жизнью рабочего класса, хотя никто не понимает, что это значит. Ни один из его детей, он считает, не должен начинать в лучших условиях, чем были у него самого. Он ужасно скучен, когда толкует о том, что вышел из начальной школы. Можно подумать, что он первый со дня основания университета, кто поступил в Оксфорд, окончив начальную школу. Он – классический случай перевернутого снобизма.

– А что он делает с деньгами, которые зарабатывает?

– Бог знает. Возможно, закапывает их под полом хижины, в которой работает. Никому никогда не разрешается переступить порог этой хижины.

– Я беседовал с ним в этой хижине сегодня утром.

– Алан! Вы умница! И что там внутри?

– Один известный писатель и очень мало результатов его работы.

– Я думаю, он исходит кровавым потом, когда пишет. Понимаете, у него совершенно нет воображения. Я хочу сказать, он не может представить себе, как работает мозг другого человека. Поэтому все его ситуации и реакция его персонажей на ситуации – сплошные клише. Он продается благодаря своей «близости к земле», своей «стихийной силе». Господи, спаси нас всех! Давайте отодвинем стол и сядем поближе к огню.

Марта открыла буфет и, превосходно имитируя мальчишку-разносчика, продающего всякую всячину с лотка на железнодорожной платформе, произнесла:

– «Драмбуи», бенедиктин, стрега, «Гранд Марнье», «Боло», шартрез, сливовица, арманьяк, коньяк, ракия, кюммель, разнообразные французские сиропы невыразимой сладости и сердечное средство миссис Трапп – имбирная настойка.

– Вы намереваетесь проникнуть в тайны Департамента уголовного розыска?

– Нет, дорогой, я предлагаю отдать должное вашему вкусу. Вы один из немногих знакомых мне мужчин, который им обладает.

Она поставила на поднос шартрез и ликерные рюмки и удобно устроилась на кушетке, вытянув свои длинные ноги.

– Теперь рассказывайте.

– Но мне нечего рассказывать, – запротестовал Грант.

– Я не это имела в виду. Я хотела сказать – поговорите со мной. Представьте, что я ваша жена – упаси боже! – а я просто буду вас слушать. Например, вы же не думаете всерьез, что у несчастного тупицы Уолтера Уитмора хватило пороха стукнуть этого мальчика Сирла по голове, не так ли?

– Нет, этого я не думаю. Сержант Уильямс называет Уолтера мямлей, и, похоже, я согласен с ним.

– Как называет?

Грант объяснил, и Марта заявила:

– Ваш сержант Уильямс абсолютно прав! Да и передачи Уолтера пахнут нафталином.

– Он может скоро и сам устареть, если это дело не прояснится.

– Думаю, ему сейчас придется туго, глупому бедняжке. Сплетни в маленькой деревне – это убийственно. Кстати, ответил ли кто-нибудь на обращение полиции по радио? Я слышала его в час дня.

– Нет. Во всяком случае до шести сорока пяти, когда я последний раз говорил с Ярдом. Я дал им ваш номер на ближайшие два часа. Надеюсь, вы не против.

– Почему вы думаете, что его могла подвезти какая-нибудь машина?

– Потому что если его нет в реке, он, должно быть, ушел в противоположную сторону от нее.

– По собственной воле? Но это очень странный поступок.

– А может, он страдает потерей памяти. И вообще, есть пять возможных вариантов.

– Пять!

– В среду поздно вечером Сирл пошел вниз по проулку, здоровый и трезвый. После этого его никто не видел. Существуют следующие варианты. Первый: он случайно упал в воду и утонул. Второй: его убили и бросили в реку. Третий: он ушел отсюда, руководствуясь собственными соображениями. Четвертый: он бродит где-то, потому что забыл, кто он и куда идет. И пятый: его похитили.

– Похитили?!

– Мы ничего не знаем о его жизни в Америке, мы должны учитывать это. Быть может, он приехал в Англию, чтобы на время убраться из Штатов. Я ничего не узнаю о нем, пока мы не получим отчет с Западного побережья – если получим. Скажите, пожалуйста, а что вы думаете о Сирле?

– В каком плане?

– Как вы считаете, он способен на розыгрыш?

– Ни в коем случае.

– Лиз Гарроуби тоже высказалась против. Она заявила, что розыгрыш не показался бы Сирлу забавным. А как вы думаете, его сильно увлекла Лиз Гарроуби? Вы же были у них на обеде.

– Достаточно, чтобы Уолтер заболел от ревности.

– Правда?

– Они очень мило выглядели рядом – Лесли и Лиз. Знаете, как прирожденная пара. То, чем Уолтер и Лиз никогда не будут. Не думаю, чтобы Уолтер хоть что-нибудь понимал в Лиз. И мне показалось, что Лесли Сирл понимал очень многое.

– Когда вы познакомились с ним, он вам понравился? В тот вечер вы после обеда забрали его с собой.

– Отвечаю – да. Он мне понравился – с оговорками.

– Какими оговорками?

– Трудно передать словами. Я не могла отвести от него глаз, но он казался мне совершенно нереальным. Звучит странно, правда?

– Вы хотите сказать, что ощущали в нем что-то поддельное?

– Не в общепринятом смысле. Он явно был тем, за кого себя выдавал. Во всяком случае, у нашей мисс Юстон-Диксон есть тому доказательство, как вы, очевидно, знаете.

– Да. Сегодня во второй половине дня я беседовал с мисс Юстон-Диксон о Сирле. Его фотография, которая есть у мисс Диксон, очень серьезное доказательство. А о чем вы говорили с Сирлом в тот вечер, когда привели его к себе?

– О, короли и капуста^[23]. Люди, которых он фотографировал. Люди, с которыми мы оба знакомы. Люди, с которыми он хотел бы познакомиться. Мы долго сообща восхищались Дэнни Мински и так же долго ужасно спорили по поводу Маргерит Мэрриам. Как и вы, Лесли считал Маргерит мировым гением и не желал слышать о ней ни одного дурного слова. Он так надоел мне, что я рассказала ему кое-какую горькую правду. Потом мне было стыдно. Подло ломать детские игрушки.

– Надеюсь, это принесло ему пользу. Он достаточно взрослый, чтобы не скрывать от него жизненные факты.

– Я слышала, вы сегодня собирали алиби.

– Откуда вы знаете?

– Из моего всегдашнего источника. От миссис Трапп. А кто те несчастные, у кого алиби нет?

– Практически вся деревня, в том числе и мисс Юстон-Диксон.

– Наша Дикси исключается. Кто еще?

– Мисс Лавиния Фитч.

– Дорогая Лавиния! – рассмеялась Марта при мысли, что у мисс Фитч обнаружена склонность к убийству.

– Лиз Гарроуби.

– Худое сейчас время для бедняжки Лиз. Кажется, она была почти влюблена в этого мальчика.

– Миссис Гарроуби?

Марта помолчала, задумавшись.

– Знаете, я бы не поручилась за эту женщину. Она могла бы совершить убийство, не дрогнув, если бы убедила себя, что так надо.

Она бы даже пошла в церковь и испросила у Бога благословения своему поступку.

– Тоби Таллис?

– Н-нет, не думаю. Тоби нашел бы какой-нибудь другой способ свести счеты. Что-нибудь гораздо менее рискованное и столь же действенное. Тоби замечательно умеет изобретать массу способов мелочной мести. Не думаю, чтобы ему потребовалось убивать кого-нибудь.

– Сайлас Уикли?

– Интересно... интересно. Да, мне кажется, Сайлас может совершить убийство. Особенно если книга, которую он в тот момент пишет, продвигается не очень хорошо. Видите ли, книги для Сайласа – способ дать выход своей ненависти. А если ей поставить запруду – он может убить кого-нибудь. Кого-нибудь, кто покажется ему богатым, красивым и пользующимся незаслуженным успехом.

– Вы считаете Уикли сумасшедшим?

– О да. Возможно, с медицинской точки зрения это не доказать, но он определенно неуравновешенный. Между прочим, а есть какая-нибудь доля правды в слухах о ссоре между Уолтером и этим мальчиком, Сирлом?

– Уитмор отрицает, что это была ссора. Он говорит, что была просто легкая размолвка.

– Значит, неприязнь между ними все-таки существовала?

– Доказательств этому нет. Минутное раздражение совсем не то, что неприязнь. Мужчины могут серьезно поспорить вечером в пабе, не ощущая никакой неприязни друг к другу.

– О, вы сводите меня с ума. Конечно же, неприязнь существовала. Из-за Лиз.

– Не будучи связан с четвертым измерением, утверждать не берусь, – поддразнил Грант Марту, забавляясь ее неожиданным умозаключением. – Уитмор заявил, что Сирл вел себя вызывающе. В чем, с вашей точки зрения как военачальника, могло выразиться это «вызывающе»?

– Вероятно, он сказал Уолтеру, что тот не ценит Лиз и что, если Уолтер не изменит своего поведения, он, Сирл, уведет у него Лиз. И если Уолтер думает, что это не удастся, то он заблуждается. Он, Сирл, уговорит Лиз собрать вещи и удрать с ним во вторник на следующей неделе и готов поспорить на пять фунтов, что так и будет. А Уолтер ответил, очень обиженно и строго, что в этой стране мы не заключаем пари, где ставка – благосклонность женщины, во всяком случае джентльмены не заключают, и поставить пять фунтов на Лиз – это оскорбление. Понимаете, у Уолтера абсолютно отсутствует чувство юмора, именно так он и творит свои радиопередачи, внушая любовь к себе старым дамам, которые сторонятся жизни в деревне, как чумы, и, увидев воробья, не узнают его. А Лесли, очевидно, сказал, что, если Уолтер считает, что пятерка – это слишком мало, он готов поставить десять: ведь если Лиз помолвлена с таким тупицей и педантом, как Уолтер, в течение почти двенадцати месяцев, значит она вполне созрела для перемены, и десятка будет как найденные деньги... И тогда Уолтер поднялся и вышел, сильно хлопнув дверью.

– Откуда вы знаете, что он хлопнул дверью?

– Душенька мой, сейчас уже все в Орфордшире знают, что он хлопнул дверью. Поэтому-то Уолтер – Подозреваемый Номер Один. Ваш список не имеющих алиби исчерпан?

– Нет, есть еще Серж Ратов.

– О, а что делал Серж Ратов?

– Он в темноте танцевал на травке у реки.

– Звучит очень похоже на правду.

– Да? Вы видели его?

– Нет. Но это вполне в духе Сержа. Понимаете, он все еще одержим идеей возвращения. До сцены с Лесли Сирлом Серж планировал возвращение как способ доставить удовольствие Тоби, а теперь он планирует его как способ «показать» Тоби.

– Откуда у вас такое понимание внутренних побуждений у людей?

– Я двадцать пять лет играла в театре, и не только по указке режиссера.

Грант посмотрел на Марту, освещенную пламенем, элегантную, красивую, и подумал обо всех ролях, в которых он видел ее: куртизанки, злые фурии, карьеристки и домашние хозяйки-«тряпки». Актеры и правда обладают пронизательностью, пониманием мотивов, движущих человеком, которое отсутствует у обычных людей. Это не имеет ничего общего с умом и очень мало – с образованностью. В общем смысле ум Марты был так же неразвит, как ум не очень способного одиннадцатилетнего ребенка. Ее внимание автоматически соскальзывало со всего, что было чуждо ее сиюминутным интересам, и результатом являлась ее инфантильная невежественность. То же самое Грант наблюдал у больничных сестер и переработавшихся врачей общей практики. Однако дай ей в руки текст пьесы, и она из каких-то тайных, природных закровов вытащит все необходимое, чтобы выстроить собственную характеристику персонажа.

– Предположим, это действительно убийство, – проговорил Грант. – Если судить чисто внешне, по, так сказать, весовой категории имеющихся в данный момент подозреваемых, на кого бы вы поставили?

Марта немного подумала. В руках она вертела рюмку, и отблески огня играли на ее гранях.

– Эмма Гарроуби, наверное, – произнесла она наконец. – А могла Эмма совершить это? Физически, я хочу сказать.

– Могла. Поздно вечером в среду она простилась с мисс Юстон-Диксон у развилки тропинок. Никто не знает, когда она вернулась в Триммингс. Остальные к тому времени уже отправились спать, точнее, разошлись по своим комнатам. Во всяком случае, парадную дверь запирала миссис Гарроуби.

– Так. Времени вполне достаточно. От Триммингса до этой излучины совсем недалеко. Интересно, как выглядели туфли Эммы в четверг утром. Или она сама чистит их?

– Наверное, если на туфлях была какая-нибудь предательская грязь, она вычистила их сама. Миссис Гарроуби показалась мне очень методичным человеком. А почему вы выбрали Эмму Гарроуби?

– Ну, мне представляется, что совершить убийство можно, только если ты человек, одержимый одной-единственной идеей. Пока у человека есть разнообразные интересы, вряд ли какая-то одна мысль поглотит его настолько, что он совершит убийство. А когда у вас все яйца лежат в одной корзинке или там осталось всего одно яйцо, тогда вы теряете представление о том, что можно, а чего нельзя. Я ясно выражаюсь, инспектор?

– Абсолютно.

– Прекрасно. Налейте себе еще шартреза. Так вот, Эмма кажется мне человеком, способным сосредоточить свои мысли на одном предмете, больше, чем кто-либо другой из всех подозреваемых. Никто не назовет Сержа человеком, способным сосредоточиться, разве только на том, что происходит в данный момент. Серж в течение всей жизни постоянно ссорится с людьми, но он никогда не проявлял склонности к убийству. Самое большее, на что он способен, – швырнуть в них тем, что попадет под руку.

– При отсутствии кнута, – усмехнулся Грант и рассказал Марте о своем разговоре с Сержем. – А Уикли?

– По своей весовой категории, если воспользоваться вашей метафорой, Сайлас только на один-два фунта отстает от Эммы, но отстаёт безусловно. У Сайласа есть успех, семья, книги, которые он собирается написать в будущем (пусть даже они будут повторением старых, только другими словами). Интересы Сайласа не так замкнуты в *одном русле*, как интересы Эммы. Если исключить вспышку какой-то беспричинной ненависти, Сайласу незачем избавляться от Лесли. И Тоби тоже. Жизнь Тоби просто блещет разнообразием. И как я сказала, у него есть масса других способов свести счеты. Но Эмма... У Эммы нет ничего, кроме Лиз.

Марта задумалась. Грант тоже молчал.

– Вы бы видели Эмму, когда Уолтер и Лиз объявили о своей помолвке, – проговорила Марта наконец. – Она... она просто сияла. Как ходячая рождественская елка. Она всегда об этом молчала, и вот вопреки всему ее желание сбылось. Уолтер, который был знаком со всеми умными и красивыми женщинами своего поколения, влюбился в Лиз, и они собираются пожениться. Уолтер когда-нибудь получит Триммингс и состояние Лавинии, и, даже когда мода на самого Уолтера пройдет, у них будет столько мирских благ, сколько можно пожелать. Это было как сбывшаяся сказка. Эмма просто плыла над землей, выше уровня почвы на дюйм или два. И тут появляется Лесли Сирл.

Марта, актриса, снова замолчала. И, как истая актриса, держала паузу.

Поленья рассыпались и вспыхнули, выбросив язычки пламени. Грант тихо лежал в кресле и думал об Эмме Гарроуби.

И о двух вещах, неизвестных Марте.

Как странно, что человек, выбранный Мартой в качестве подозреваемого, жил на той же территории, откуда происходили две неразрешимые загадки в этой истории: перчатка в ящике Сирла и пустое место в фотоящике.

Эмма. Эмма Гарроуби. Женщина, которая воспитала младшую сестру, а потом, когда сестра упорхнула из-под ее крыла, вышла замуж за вдовца с маленьким ребенком. Интересы Эммы столь же естественно влились в одно русло, как у Тоби устремились по разным, не так ли? Она сияла – «ходячая рождественская елка», – узнав о помолвке. А за период, прошедший после помолвки (как было известно Гранту – пять месяцев, не двенадцать), восторг лишь усилился и превратился в нечто еще более замечательное – в уверенность, в чувство удовлетворения, безопасности. За эти пять месяцев помолвка выдержала ряд мелких обрушившихся на нее ударов, и Эмма, должно быть, привыкла считать ее нерушимым, надежным делом.

И тут, как сказала Марта, появляется Лесли Сирл. Сирл с его шармом и жизнью перелетной птицы. Сирл с его видом «не от мира сего». Никто не мог бы наблюдать этот золотой дождь^[24] с более сильным, немедленно возникшим недоверием, чем Эмма Гарроуби.

– Что может заполнить пространство десять на три с половиной на четыре дюйма? – спросил Грант.

– Щетка для волос, – ответила Марта.

Грант вспомнил, что есть такая игра, в которую предлагают поиграть психологи. Услышав определенное слово, испытуемый в ответ произносит первое, что ему приходит в голову. Судя по всему, это срабатывает точно. Грант предложил этот вопрос Биллу Мэддоксу, и Мэддокс, не колеблясь, как и Марта, сказавшая: «Щетка для волос», произнес: «Гаечный ключ». А Уильямс, вспомнил Грант, предложил пакет мыла.

– Что еще?

– Набор домино. Коробка конвертов? Нет, слишком мала. Колода карт? Таким количеством карт можно завалить необитаемый остров. Набор столовых ножей. Фамильные ложки. А что, кто-то прячет фамильное серебро?

– Нет. Просто мне интересно, что бы это могло быть.

– Если это серебро Триммингса, бог с ним, дорогой. На аукционе за него не дали бы и тридцати шиллингов – за все. – Взгляд Марты с бессознательным удовольствием скользнул по простым георгианским приборам на ее собственном, стоявшем за спиной столе. – Скажите, Алан, если это не будет раскрытием профессиональной тайны, а кого вы видите в этой роли?

– Какой роли?

– Убийцы.

– Это было бы непрофессионально. Но думаю, что не раскрою никакой тайны, если скажу вам, что мне кажется – такового нет.

– Что? Вы действительно думаете, что Лесли Сирл жив? Почему?

И в самом деле – почему, спросил себя Грант. Что было такого во всем этом деле, что создавало впечатление, словно он на спектакле?

Словно он сидит в кресле в партере и между ним и реальностью – оркестровая яма. Некогда помощник комиссара в минуту редкой откровенности сказал Гранту, что у него есть самое бесценное качество для их работы – чутье. «Но не позволяйте ему управлять собой, Грант, – сказал он. – Придерживайтесь доказательств». Вероятность того, что Сирл упал в реку, была девяносто девять против одного. Все факты указывали на это. Если бы не ссора с Уолтером, которая усложнила ситуацию, ему, Гранту, вообще не пришлось бы разбирать это дело. Его бы признали обычным несчастным случаем: «Исчез, считается утонувшим».

И все же. Все же. Вот оно есть, а вот его нет. Присказка старого фокусника. Она преследовала Гранта.

Почти не сознавая этого, он произнес ее вслух.

Марта внимательно посмотрела на него и спросила:

– Фокус? Чей? И для чего?

– Не знаю. Только я не могу избавиться от ощущения, что меня разыгрывают!

– Вы считаете, что Лесли просто каким-то образом ушел?

– Или кто-то хочет, чтобы все выглядело именно так. Или еще что-нибудь. Мне кажется, что я в цирке и смотрю, как человека распиливают пополам.

– Вы перетрудились, – заявила Марта. – Куда же, как вы полагаете, мог исчезнуть Лесли? Если только он не вернулся в деревню и не залег где-то, притаившись.

Грант очнулся и с восхищением посмотрел на Марту.

– Как странно, – произнес он, улыбнувшись. – Я не подумал об этом. Вы думаете, Тоби прячет его, чтобы досадить Уолтеру?

– Нет. Я уверена, это бессмысленно. Но ваша теория о том, что он ушел, тоже бессмысленна. Куда он пойдет посреди ночи, когда на нем только спортивный костюм и плащ?

– Может быть, я узнаю что-нибудь после того, как завтра повидаюсь с его ку...

– У него есть кузен? Удивительно! Все равно как обнаружить у Меркурия родственника по жене. Кто он?

– Не кузен, а кузина. Насколько я понял, художница. Ради меня она пожертвовала воскресным дневным концертом в «Альберт-холле». Я воспользовался вашим телефоном и договорился с ней.

– И вы полагаете, она знает, почему Лесли ушел посреди ночи в одном костюме и плаще?

– Вдруг она знает, куда Лесли мог направиться.

– Цитируя мальчика, вызывающего актеров на сцену, «надеюсь, все пройдет отлично», – сказала Марта.

Глава четырнадцатая

Поздним вечером Грант ехал обратно в Уикхем, отдохнув телом и душой. И всю дорогу Эмма Гарроуби не отпускала его. Чутье могло нашептывать Гранту разные соблазнительные штучки, но Эмма находилась в центре картины, там, куда поместила ее Марта, и сидела там слишком основательно, чтобы ее шутя можно было проигнорировать. Эмма – это имело смысл. Эмма была примером и прецедентом. Классические образцы безжалостности – эти домашние хозяйки. Всякие Лиззи Борден^[25]. Эмма, если уж на то пошло, была первобытным человеком. Самка, защищающая своего детеныша. Чтобы найти причину, по которой исчез Лесли Сирл, требовалась колоссальная интуиция. Не требовалось никакой интуиции, чтобы предположить, почему Эмма Гарроуби могла убить его.

Это и правда было своего рода упрямством – все время возвращаться к мысли, что Сирл просто смылся. Грант как будто слышал, что ответил бы ему помощник комиссара, если бы он выложил тому подобную версию: «Доказательства, Грант, неопровержимые доказательства. Здравый смысл, Грант, здравый смысл. Не позволяйте своему чутью управлять вами, не позволяйте». Исчезнуть по собственной воле? Этот молодой счастливчик, который мог оплачивать счета в «Уэстморленде», мог покупать и носить дорогую одежду, мог дарить дорогие конфеты, мог путешествовать по миру, заработав деньги на портретах других людей? Юноша с таким красивым лицом, что все оборачивались ему вслед, буквально и иносказательно? Обаятельный молодой человек, которому так понравилась скромная Лиз, что он хранил ее перчатку? Молодой человек, которому сопутствовал профессиональный успех и который затеял дело, обещавшее принести и деньги, и славу?

Здравый смысл, Грант. Доказательства, Грант. Не позволяйте своему чутью управлять вами.

Подумайте об Эмме Гарроби, Грант. У нее была возможность. У нее был мотив. И вероятно, было желание. Она знала, где в тот вечер находился лагерь.

Однако она не знала, что они пошли в Сэлкотт выпить пива. Но Сирл утонул не в Сэлкотте.

Она не могла знать, что застанет его одного. Это было чистой случайностью, что в тот вечер они с Уолтером разлучились.

Кто-то застал его, когда он был один. Почему бы не Эмма?

Как могло это произойти?

Может быть, она все подстроила?

Эмма! Но как?

Разве тебя поразило, что Сирл спровоцировал уход Уолтера?

Нет. А что?

Сирл вел себя вызывающе. Он дразнил Уолтера, дразнил, пока тот не мог больше ни минуты терпеть этого и должен был уйти, иначе разразился бы скандал. Сирл в тот вечер явно стремился избавиться от Уолтера.

Зачем ему это понадобилось?

Потому что у него была назначена встреча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Джозефина
Тэй

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ДОЧЬ ВРЕМЕНИ
ПОЮЩИЕ ПЕСКИ

«ИНОСТРАНКА»

Примечания

1

DBE (*англ.* Dame Commander of the British Empire) – женщина-кавалер ордена Британской империи 2-й степени.

[Вернуться](#)

2

Квартира, жилище, носящее временный характер, на всякий случай (*фр.*).

[Вернуться](#)

3

Несостоявшейся (*фр.*).

[Вернуться](#)

4

Элеонора Дузе (1858–1924) – знаменитая итальянская театральная актриса.

[Вернуться](#)

5

Добродушия (*фр.*).

[Вернуться](#)

6

Экстравагантную выходку (*фр.*).

[Вернуться](#)

7

Король Яков I – правил в 1603–1625 гг.

[Вернуться](#)

8

Trimings – *зд.*: излишняя разукрашенность (*англ.*).

[Вернуться](#)

9

Положение, не вытекающее из предыдущего (*лат.*).

[Вернуться](#)

10

«Theatre Arts Monthly» (*англ.*) – «Ежемесячник театрального искусства».

[Вернуться](#)

11

Зд.: смысл существования (*фр.*).

[Вернуться](#)

12

Пройдоха, прохвост (*англ., сленг*).

[Вернуться](#)

13

С любовью (*ит.*).

[Вернуться](#)

14

Свидание наедине (*фр.*).

[Вернуться](#)

15

Ассоциации с романом Ч. Диккенса «Большие надежды».

[Вернуться](#)

16

Генри Мортон Стэнли (1841–1904) – английский путешественник, исследователь Африки.

[Вернуться](#)

17

В английском языке глаголы «тау» и «сап» означают «мочь». Глагол «тау» в отрицательной форме имеет строго запретительный оттенок.

[Вернуться](#)

18

Эм-пи (англ. Member of Parliament) – член парламента.

[Вернуться](#)

19

МОПВ (от *англ.* WRI – War Resistance International) – Международное общество противников войны.

[Вернуться](#)

20

Имеется в виду Ла-Манш.

[Вернуться](#)

21

Негодяем, канальей (*фр.*).

[Вернуться](#)

22

Let the sleeping dog lie – «Не буди спящую собаку» (от греха подальше) – английская поговорка. В оригинале игра слов: sleeping companion – номинальный компаньон, не принимающий активного участия в делах; sleeping dog – спящая собака.

[Вернуться](#)

23

«Короли и капуста» – название романа американского писателя О. Генри. В переносном смысле – «обо всем на свете».

[Вернуться](#)

24

Ассоциация с Зевсом, который явился Данае в виде золотого дождя.

[Вернуться](#)

25

Лиззи Борден (1860–1927) – американка, которую обвиняли в убийстве родителей; суд присяжных счел ее вину недоказанной.

[Вернуться](#)